

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH – APRIL

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2020

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella Amatzuzi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christl De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirchevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemec-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАПРАЛ Цэрэнчимэдийн (Tsэрэнчимэдийн Саранцатсрал), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Галинская Е.А.</i> Грамматические особенности новгородского диалекта конца XVI в.	9
<i>Герасимова А.А., Лютикова Е.А.</i> К проблеме вариативности языковых данных: рассогласование по роду в русском языке.	25
<i>Орлов А.В., Леонтьева А.Л.</i> Конкуренция стратегий релятивизации в русском языке: клаузы с союзным словом который vs. причастные обороты	38
<i>Шилихина К.М.</i> Глаголы с семантикой смеха по данным параллельного корпуса	54
<i>Тихонова О.В., Мазняк М.М.</i> Португальская алжамиа: португальские тексты в арабской графике XVI в.	64
<i>Левитская А.А.</i> Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: дискретно-многоактный способ действия в сопоставлении с русским языком	75
<i>Nesselrath H.-G.</i> Pagan Challenge and Christian Response, or How Origen Uses Lucian of Samosata to Deal with Celsus' Attack on Christianity.	90
<i>Ибрагимова К.Р.</i> Древнеанглийские маски Эзры Паунда	99
<i>Куань Янь.</i> Динамика двоемирия в романах Г. Газданова раннего периода творчества.	109
<i>Шанурина М.Е.</i> «Медный всадник» А. Пушкина как претекст XXXIX главы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»)	117
<i>Золотова Т.А., Ефимова Н.И.</i> Литературные традиции в творчестве современных молодых поэтов	126

К теории и истории песенного текста

<i>Логотов А.В.</i> Субъектность популярного песенного текста: постановка проблемы и пути решения	135
<i>Ганская Е.Н.</i> Миф о «словоцентричности» в критическом и академическом дискурсе о русской рок-поэзии	145

Международные научные проекты

<i>Сквейрс Е.Р., Старостина Е.Ю., Фомичева А.А.</i> Средневековая культура Германии и Нидерландов в рукописях и старопечатных изданиях из российских собраний: итоги, направления и перспективы международного научного сотрудничества	154
---	-----

Из архива

<i>Ратников А.Н., Ратникова О.Е.</i> Г.Р. Державин и современники: из переписки Г.Р. Державина и А.П. Брежневского.	170
--	-----

Рецензии

<i>Петрухина Е.В., Ремчукова Е.Н.</i> Улукханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1, 2. М.: Азбуковник, 2015; 2017 ..	184
<i>Бархударова Е.Л., Фокина М.В.</i> Современная дидактика русского языка как второго иностранного: языковые средства / Lenka Rozboudová, Jakub Konečný. Praha: Karolinum, 2018	189

<i>Чекалина Е.М.</i> У истоков российской скандинавистики: портреты филологов и переводчиков. Научно-популярное издание / Под ред. Е. Дорофеевой. СПб.: Коло, 2018	194
<i>Степанов А.Г.</i> И в л е в а Т. Как «сделан» художественный текст: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2018	198
<i>Венедиктова Т.Д.</i> Б е л а в и н а Е. М. Французская поэзия 1950–2000. Как читать? М.: КДУ; Университетская книга, 2017	202

Научная жизнь

<i>Ремнёва М.Л., Ивинский Д.П., Коровин В.Л., Савинова Д.Д.</i> Международная научная конференция «Пушкин и русская литература»	205
<i>Неверова А.С.</i> Встреча с писателем Борисом Евсеевым на филологическом факультете МГУ 19 марта 2019 г.	213
<i>Кононова У.В., Бурцева А.О., Воробьева О.А., Пастернак Е.А., Перикина А.Н.</i> VIII Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ, 21–23 марта 2019 г.)	217

CONTENTS

Articles

<i>Galinskaya E.</i> The Grammatical Peculiarities of the Novgorod Dialect of the Late 16th century	9
<i>Gerasimova A., Lyutikova E.</i> The Problem of Data Variation: Mixed Agreement in Russian.	25
<i>Orlov A., Leontyeva A.</i> Distribution of Relative Clauses with <i>Kotoryj</i> and a Participle in the Russian Language	38
<i>Shilikhina K.</i> Laughter Verbs: Evidence from a Parallel Corpus	54
<i>Tikhonova O., Mazniak M.</i> Portuguese Aljamia: 16th-Century Portuguese Texts in the Arabic Script	64
<i>Levitskaya A.</i> Multiplicative Modes of Action (Actionsarts) in Modern Ossetian and Modern Russian: A Discrete Multi-Act Manner of Action	75
<i>Nesselrath H.-G.</i> Pagan Challenge and Christian Response, or How Origen Uses Lucian of Samosata to Deal with Celsus' Attack on Christianity	90
<i>Ibragimova K.</i> Ezra Pound's Old English Personae	99
<i>Yan Kuan.</i> Dynamics of Double World in the Early Novels of G. Gazdanov	109
<i>Shanurina M.A.</i> Pushkin's Poem 'The Bronze Horseman' as a Pre-text for I. Ilf and E. Petrov's Novel 'The Twelve Chairs'	117
<i>Zolotova T., Efimova N.</i> Literary Traditions in Young Russian Poets	126

Song Lyrics Studies: Origins and Developments

<i>Logotov A.</i> Subjectivity in Popular Song Lyrics: Setting the Problem and Drafting Solutions	135
<i>Ganskaya E.</i> The Myth of 'Wordcentricity' in Journalistic and Academic Discourses on Russian Rock Poetry	145

International Research Projects

<i>Squires C., Starostina E., Fomicheva A.</i> Medieval Culture of Germany and the Netherlands in Manuscripts and Old-print Editions from Russian Collections: Results, Trends in and Prospects of International Scientific Cooperation	154
---	-----

From Archives

<i>Ratnikov A., Ratnikova O.</i> G. Derzhavin and His Contemporaries: From the Correspondence of G. Derzhavin and A. Brezhinskij	170
--	-----

Book Reviews

<i>Petrukhina E., Remchukova E.</i> Ulukhanov I.S. Verbal Word Formation of the Modern Russian Language. V.1, 2. M.: Azbukovnik, 2015, 2017	184
<i>Barkhudarova E., Fokina M.</i> Modrení didaktika ruštiny jako dalšího cizího jazyka: jazykové prostředky / Lenka Rozboudová, Jakub Konečný. Praha: Karolinum, 2018	189
<i>Chekalina E.</i> The Dawn of Scandinavian Studies in Russia: Portraits of Philologists and Translators. Saint-Petersburg (Ed. By Elena Dorofeeva): Kolo, 2018	194
<i>Stepanov A.</i> I v l e v a T. How the Literary Text is Created: A Manual. Moscow, Flinta; Science, 2018	198
<i>Venediktova T. B e l a v i n a E. M.</i> French Poetry 1950–2000. How to Read It? M.: KDU, University book, 2017	202

Scientific Life

<i>Remneva M., Ivinskiy D., Korovin V., Savinova D.</i> International Scientific Conference “Pushkin and Russian Literature”	205
<i>Neverova A.</i> A Meeting with the Writer Boris Evseev (Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 19, 2019)	213
<i>Kononova U., Burtseva A., Vorobyova O., Pasternak E., Perskina A.</i> The 8th International Conference for Young Researchers ‘Textual Criticism and Literary Process’, Lomonosov Moscow State University, March 21–23, 2019	217

СТАТЬИ

Е.А. Галинская

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА КОНЦА XVI В.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье описываются грамматические явления новгородского диалекта конца XVI в., которые отразились в «Записной книге старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. (РГАДА, ф. 1144, оп. 1, № 1 и 4). Среди морфологических особенностей отмечены, например, следующие: равноправное существование окончаний *-ъ* и *-ы* в род., дат. и предл. пад. **ā*-склонения; употребление некоторых аккузативных форм в значении номинативных; сохранение архаичных форм им. пад. мн.ч. *сынове*, им. пад. ед. ч. *дочи*; основа *соб-* в род.-вин. пад. возвратного местоимения; форма *еи* в род. пад. ед. ч. местоимения 3-го л. жен. р.; отсутствие [н'] в «припредложных» формах местоимений 3-го л.; нестандартная форма местн. пад. числительного «три» *треи*; сосуществование именных и местоименных окончаний в дат. и местн. пад. жен. р. притяжательных прилагательных; глагол-связка *ема* и др. Из особенностей синтаксиса отмечены, в частности, некоординируемые формы кратких причастий при им. пад. существительного, сочинительная связь между существительным и прилагательным в посессивных конструкциях и др.

Ключевые слова: историческая морфология русского языка; исторический синтаксис русского языка; новгородский диалект XVI в.; памятники русской деловой письменности.

Материалом для данного исследования послужила «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. из Российского государственного архива древних актов, учтенная в РГАДА в виде двух самостоятельно существующих единиц хранения, которые были оформлены по отдельным переплетам еще в конце XIX в.: ф. 1144 «Новгородская приказная изба», оп. 1, № 1, «Книга записная кабакам на холопей» (201 л., изучен 141 л. с текстами XVI в.) и № 4 «Книга кабальная записей на разных лиц» (230 л.). Записные книги старых и новых крепостей велись в Новгороде с 1 декабря 1597 г. по 31 января 1598 г.

Галинская Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eagalinsk@mail.ru).

В них содержится пересказ полных, докладных и кабальных грамот, оформлявших права на владение холопами в XVI в. (в основном в последней его четверти) и в некоторых весьма редких случаях в начале XVI в. и последней трети XV в. Книга № 4 (далее – **К4**) имеет на всех листах скрепу дьяка Дмитрия Алябьева, служившего в Великом Новгороде с марта 1594 г. по май 1602 г., см. [Веселовский, 1975: 21]. Книга № 1 (далее – **К1**) имеет скрепу Дмитрия Алябьева только на лл. 1–141, которые и были исследованы. Далее приплетена челобитная грамота 1596 года (л. 142), а оставшиеся листы (143–201) написаны в XVII в., поскольку лл. 143–167 скреплены подписью дьяка Федора Опраксина (Апраксина), служившего в Великом Новгороде с 21 марта 1624 г. по 1625/26 гг. [Там же: 28], а лл. 168–201 имеют скрепу дьяка Ивана Зиновьева, работавшего в Великом Новгороде в 1660 г. [Там же: 195].

В К1 выделяется 6 почерков, в К4 – 5, однако анализ показал, что 3-й почерк К1 и 5-й почерк К4 принадлежат руке одного и того же писца. Равным образом одному и тому же писцу принадлежат 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4, так что всего в записных книгах (далее – **ЗК**) насчитывается девять почерков. Фонетические особенности, отраженные в рукописи, со всей очевидностью говорят о том, что все писавшие были новгородцами.

Тексты делового содержания зачастую содержат однообразные синтаксические конструкции и определенный круг лексики, а кроме того, они следуют грамматической норме приказного языка, и поэтому полностью морфологическая система диалекта по ним не восстанавливается. Однако представление о целом ряде морфологических и синтаксических особенностей по текстам делового содержания получить можно.

1. Морфология

1.1. В новгородском диалекте произошла смена типа падежного синкретизма от Р.-Д.-М. *-нъ* в обоих вариантах склонения [Зализняк, 2004: 96] до Р.-Д.-М. *-ы/-и* [ДАРЯ, II карты 1, 2]. Процесс шел постепенно, см. [Галинская, 1991], и в конце XVI в. мы застаем его на такой стадии: оба типа падежного синкретизма сосуществуют в равной степени, о чем свидетельствуют приводимые ниже формы существительных и притяжательных прилагательных, сохранивших до какой-то степени именные флексии (см. далее, 1.13). Показательными являются любые формы с ударными окончаниями и формы с исходом основы на парный твердый согласный с безударными окончаниями. Прежде чем приводить примеры, заметим, что в ЗК отражается произношение [и] на месте этимологического *ѣ, в том числе в абсолютном конце слова (ср.: *руки дви у кабалы* К1-22 об, *во^овори* К1-136, *соби*

К4-230, *тѣ* (Ѣ написан поверху и) К1-8 об.)¹, кроме того, встречается орфографическая замена Ѣ на е – в безударных позициях регулярно, под ударением иногда, поэтому в соответствии с исконной флексией -ѣ могут писаться буквы Ѣ, е, и при произношении [и].

Р.п.

Окончание *-ѣ: у *кабалѣ* К1-95, 101 об., 102 об., К4-143 (2 р.), 145 об., 151 об., 185, в (вместо «у») *кабалѣ* К4-137², у *кабали* 85 об., 101 об., К4-228 об., у *каба*³ К4-229 об., и <у> *кабали* К4-226 об., 227, у *ивановѣ дочери* К1-100 об., з *борковѣ улицы* К1-128 об., 132 об., 133, у *данои... руки миките ... да ждана* К4-174.

Окончание -ы: у *кабалы* К1-9 и др. (регулярно), *его жены* К1-39 об. и т.д. (окончание -ы нормативно).

Д.п.

Окончание *-ѣ: *сестрѣ* *своеи ма*^р*и* К4-114 об., *дати...сестри* К1-90, *грамоте не умѣеть* К1-1 об. (окончание -Ѣ/-е нормативно).

Окончание -ы: *грамоты не умѣеть* К4-188, *да*¹ *своеи сестры* К1-125, *дали... сестры* *своеи* К4-18 об., *да*¹ *сестры* *своеи* К4-217, *зятю... да сестры* К4-173 об., *зятю*^{жс} ... и *сестры* К4-217, *доста*¹ *ся дружины* К4-16 об., *выда*¹ *и*^и К4-124, *микиты иванову с(ы)ну* К1-141, *да*¹ ... *микиты* К4-213.

М.п.

Окончание *-ѣ: в *кабалѣ* К1-85 об., на *приданои робе* К1-36 об., на... *гришине дочери* К1-102, на *ѣ роби* К1-77 и т. д. (окончание -Ѣ/-е нормативно).

Окончание -ы: в *кабалы* К1-1, 5 об., 35 об., и др. (регулярно), в *абалы* (sic) К4-14³, в *тои*^{жс} *кабалы* К1-118, на *кабалы* К1-1, 9 об., 117, К4-143 об. (2 р.), 144 (2 р.), 154 об., 171, на *другои жены* К1-114 об., *зати*^с *мировая в бое*^{жс} и в *грабежи ... и в ч(е)л(о)^(ѣ)ки в ма*^т*фѣи* ... *да*^с *жены ма*^р*ицы* К4-195 об., на *софо*^т//*теевы дочери* 6 об.//7, на ... *игнашовы дочери* 36 об., на ... *яковлевы дочери* К4-136, на ... *фе-*

¹ При приведении примеров из рукописей используется упрощенная орфография: і передается как и, ѡ как о, ѡ как з, ѡ и ѡ как я, ѡ как кс, ѡ как ф; титла раскрываются, а восстановленные буквы берутся в круглые скобки. Во всех почерках в большинстве случаев употребления букв Ѣ и ѣ они имеют единый размашистый начерк. В тех случаях, когда твердость или мягкость согласного очевидна, будут ставиться соответственно буквы Ѣ и ѣ, а там, где твердость или мягкость могут быть связаны с фонетическими диалектными особенностями, используется нейтральный знак Ѣ.

² Эта форма находится в составе формулы, используемой в ЗК регулярно, «послухъ/послуси в кабалѣ, и у кабалы рука/руки <такого-то/таких-то>»: *послуси в кабалѣ и в кабалѣ руки тре*^т*ячка иванова с(ы)на руско*² *да с*^а*ки семенова...*

³ Здесь несомненный М.п. с окончанием -ы, так как все написания в *кабалы* и в *абалы* находятся в первой части формулы, приведенной в предыдущей сноске.

доровы дочери К4-136 об., на мишуковы дочери К4-123, на миха^ловы дочери К4-212 об.

Примечательно, что вариативность падежных форм встречается в пределах одной фразы: трофи^лко жена^л на приданой робе на ду^лки игнашовы дочери К1-36 об. (М.п.), дал сестры своей олен^л офонасевы дочери секирина К4-217 (Д.п.). Бывает и так, что рядом стоят две разнопадежные формы, принадлежащие к двум разным типам падежного синкретизма: послу^л в кабалы и у кабал^л рука дм^лтрие^лско^л дячка го^лрдие^лского погоста К1-95.

1.2. Уже к XIV в. в древнерусском языке довольно широко распространилось использование окончаний В.п. у слов мужского рода с твердой основой в значении И.п. [Историческая грамматика древнерусского языка I, 2000: 184] типа *столы, леды*, однако изредка встречаются формы И.п. в значении В.п., например, *на холопы и на конюси свои* (Новг. I лет по Синод. сп. XIII в.), *п(о)сылуху вога и снузъници* (Сильв. сб. XIV в.). Есть предположение, что такие случаи «отражают не реальное функционирование номинатива в роли аккузатива, а лишь гиперкорректную замену действительно существующей формы максимально отличным от нее маркированно книжным образованием» [там же: 185] (имеется в виду наличие эффекта II палатализации). В ЗК в значении В.п. регулярно употребляется форма исконно И.п. *холопы*⁴, что, однако, нельзя считать маркированно книжным образованием: *в холопы* К1-1 об., 89, 110 об., 124 об., К; 21 об., 62 об., 142 (2 р.), 194, *в холопъ* К1-1 об., 103 об. (Ѣ написан гиперкорректно вместо и). Кроме того, один раз в В.п. употреблена форма исконно И.п. еще одного слова: *а холопъ дае^лца и робъ* К1-1 об. (также с эффектом замены и на Ѣ) при одной форме *робы*: *а по тому ключю в холопы и в роботы* К1-124 об. Поэтому можно предполагать, что единичные аккузативные формы в значении номинативных в живом новгородском диалекте были до некоторой степени употребительны, причем дожили они, по крайней мере, до конца XVI в.

1.3. В ЗК отражается задержка развития категории одушевленности у слов *люди* и *дѣти*, а также у отдельных существительных женского рода во множественном числе. Известно, что *люди* и *дѣти* в книжных текстах до конца XVI в. довольно последовательно употребляются в форме В.п., равного И.п., а в деловых памятниках соотношение их форм В.=Р. и В.=И. примерно одинаково [Хабургаев, 1990: 170]. Что же касается слов, обозначающих лиц женского пола, то в текстах XVI в. почти нет свидетельств развития у них категории одушевленности [Кузнецов, 1959: 103].

⁴ Форма И.п. *холопы*, передавшая мягкость конечного согласного основы всей парадигме множественного числа (*холопей, холопам* и т.д.) дожила в русском языке до XIX в., см. [Галинская, 2016: 221–222].

Материал ЗК конца XVI в. таков: на люди свои на крепостные К1-48 об., на свои люди К1-58, К4-88 об., да¹ зятю своему люди приданные К1-21 об., дала... за своею дочерью за о⁶до^мею люди приданные К1-54, да¹... людѣ 110 об. (с заменой **и** на **ѣ**), да¹ за своею дочерью ... за ма^рфою люди в приданные К4-176, пода¹ ... во^нчие свои каба^ные люди К4-183 об., поделили ме^ж себя полюбо⁶но о^мца свое² бл(а)гословле^не люди свои и которые люди по^{ле} о^мца свое² принима^т К4-210 об., бра^ти у не² в тѣ люди не вступатца К4-142, а о^ндрѣю в тѣ люди не вступа^тца К4-184, кабала... на и^х дити 100. Но новые формы людей, детей (например, дели¹ люди свои^х К1-61, на никифоровы^х детей К4-180) уже преобладают.

Как правило, не проявляет категории одушевленности слово «дѣвка»: дали... в приданные две дѣвки К1-28 об., даная на две дѣки К4-2, да^т ...// люде^н свои^х стари^нны^х двѣ дѣвки К4-112 об.//113, да¹ ... три дѣвки о⁶до^мицу да ма^рицу игна^тевы^х дочери К4-132 об.). Исключения: далѣ... дву д[гѣ]в[о]кѣ свои^х К1-93. Существительное «дочь» также уже может иметь наряду с исконной формой В.п. форму, равную Р.п.: прижыли две дочери К1-30 об., да¹ ... три дѣвки о⁶до^мицу да ма^рицу игна^тевы^х дочери К4-132 об., дала ... оди^нцовы^х дочери К4-186.

1.4. Значимых форм, которые демонстрируют распределение окончаний в Р.п. мн.ч., встречено немного. Во-первых, это регулярно встречающаяся форма **рублевѣ**: рубле⁶ К1-24 об., 45 об., 46, и др., К4-6, ру⁶ле⁶ К1-126 об., 127 об., 128 об., 130 об., и др., К4-191 об. при единичном рублеи К4-195. Есть даже ошибочно употребленная форма Р.п. вместо М.п.: в пяти рубле⁶ моско⁶ски^х 27⁵. Во-вторых, – исконная форма с нулевым окончанием у слова **годѣ**: о⁶мина^тцати го⁶ К1-126 об., 127 об., два^тцати го⁶ К1-126 об., 128, полутре^тцати го⁶ К1-127 об., три^ца^ти го⁶ К1-128 об., полута⁶ го⁶ К1-128 об., го⁶ в соро^к К1-130 об. В-третьих, – исконная форма **сыновѣ**: родило⁶ детей ше⁶тъ сыно⁶ 20 об.

1.5. Собирательное существительное «братия» в значении множественного числа в конце XVI в. еще не развило плюральную парадигму (братьев, братьям и т.д.), а сохраняло старые формы единственного числа *ѣ-склонения: **Р.п.** в бра^ти свое^н ... мѣсто К4-117, в бра^ти своеи... мѣ<сто> К4-167; **Д.п.** и бра^ти у не² в тѣ люди не вступатца К4-132; **В.п.** да¹... бра^тю е² овѣйка ... да тими^нка К1-57 об., на е² бра^тю К4-46; **Т.п.** з бра^тею К1-8, К4-70 об., 207, степану ку³ми^нскому з бра^тею К4-16 об., хотя прилагательное в косвенном

⁵ Это именно ошибочное написание, а не старая синтаксическая конструкция с Р.п. мн. ч. при любой падежной форме слова «пять», поскольку в М.п. при огромном количестве примеров всегда представлено новое согласование, например: в пяти рубле^х московски^х К1-25 об., во шти рубле^х моско⁶ски^х К1-9, в семи рубле^х К1-14 об., в пятинацати рубле^х К1-58 об.

падаже уже может согласоваться с этим словом во мн. ч.: *служи^м у бра^ми е^с двоюро^{дн}ы^х* К1-69 об. Но при этом сохраняется и согласование в ед. ч. при форме Р.п.: *служить у бра^ма его двоюродные* К1-123 об. (окончание Р.п. ед. ч. *-ые/-ие* в ЗК употребляется регулярно). Вызывает затруднения трактовка формы Р.п. *бра^ма*. Здесь явная описка под влиянием буквы **а** предшествующего слога (в обоих случаях использован один и тот же начерк скорописной буквы **а**, похожий на греческую альфу). Если **а** написана вместо **и**, то форма *братьи* – стандартная, если же **а** написана вместо **я**, обозначая тот же звук [а], что и буква **я**, то форма собирательного существительного могла попасть под влияние Р.п. собирательных существительных ср. р. типа *листья*. Впрочем, первое предположение предпочтительнее.

1.6. В записи 1598 г. встречается архаичная для конца XVI в. форма **сынове**: *пожаловали свое^е чл^ека коже^еника крюкова сна женини^е ему гдѣ любо а приро^о коже^енико^е и его жены сынове по о^тцы а дочери по матери* К1-39 об. В древнерусском языке за пределами юго-западных говоров, легших в основу украинского языка, флексия И.п. мн.ч. *й-основ -ове была вытеснена флексиями *ѡ-основ -и (-ы) и долго сохранялась лишь в лексикализованных реликтах типа *послове, татарове* [Историческая грамматика древнерусского языка I, 2000: 85], так что форма **сынове** оказывается еще одним таким реликтом.

1.7. Есть и архаичная форма *до^{чи}* (*роди^тся с(ы)нъ васка да до^{чи} о⁶до^мку* К4-159 об.) при обычном *до^ч* (например, К4-214). За выносным **ч** стоит [ч], поскольку выносное **и** после согласного писцы не опускают, ср. *три^ица^ии* *го^и* К1-128 об., *в ня^иица^ии* *рублехъ* К1-117, *роди^ися* К4-33, *ро^илися* К1-123 об.

1.8. В ЗК встречено много форм возвратного местоимения и единичные случаи употребления местоимения 1-го лица. По ним можно восстановить систему окончаний: **Р.-В. -а** (например, *у собя* К1-108, *на собя* К4-21, *на меня* К1-134); **Д.-М. -ѣ** (в произношении [и], например, *собѣ* и *дѣте^м свои^н* К1-20 об., *себѣ* и *свои^м дѣте^м* К1-56 об., *соби* и *свои^м дѣте^м* К4-212, *взя^н на собѣ ру^бль мо^ско^вскои* К1-124). Сейчас в районе Новгорода в Р.-В. пп. представлено в основном окончание -'а, хотя есть небольшие островки, где отмечается -е; применительно к Д=П. пп. есть острова, в которых фиксируется флексия -и [ДАРЯ II, карта 62].

Что касается основ, то ситуация конца XVI в. отличается от современной. Возвратное местоимение в Д.п. и М.п. употребляется в формах *собѣ* (чаще) и *себѣ* (реже), например, Д.п. *собѣ* К1-5 об., 20 об., 54 об. и др. (часто), *соби* К4-212, 230 // *себѣ* К1-8, 56 об., 76 об., К4-137об., 138, 138 об., 139 об. и др. *соби* К4-212; М.п. *на собѣ* К1-89, 124, К4-21 об., 54 об., 62 об., 128 об. Возможно, что формы Д.-М. пп. с основой *себ-* относятся к пласту нормативных для деловой

письменности написаний⁶, поскольку, судя по данным ЗК, в местном диалекте произошло выравнивание основы по крайней мере возвратного местоимения по Д.-М. пп., т.е. по основе *соб-*, так как в Р.-В. пп. регулярно употребляется форма *собя*: на *собя* К1-23 об., 63, 85 об., 113, 127 (2 р.), 128 (2 р.), 129, 129 об, 130, 130 об., 131, 132, 132 об., 133, 133 об., 134 об., 135 (2 р.), 136, 136 об., 137 об., 138 об. (2 р.), 139 об., 140, К4-21, 117, 165, у *собя* К1-108, за *собя* 202 об., у *собя* К4-166 об., *ме^{жс} собя* К4-16 об., 184, 189 об., 195 об., 210 об. Если в Д.-М. пп. основы *тоб-*, *соб-* еще распространены сейчас непосредственно в окрестностях Новгорода и по западной оконечности озера Ильмень, то в Р.-В. пп. эти основы сохранились лишь в отдалении от Новгорода – на островке между Новгородом и Лугой [ДАРЯ II, карта 61], следовательно, данное явление за последние 400 лет подверглось нивелировке.

1.9. В раннедревнерусском языке у неличных местоимений акцентной парадигмы с ударение было конечным, так как окончания обладали самоударностью, которая была привязана к их конечным гласным [Зализняк, 1985: 143], например: Р. ед. м.р. *когó, тогó, югó, сегó самогó*, Р. ед. ж.р. *къѣ, сеѣ, самоѣ*, Т. ед. ж.р. *тою, сею, самою*. Однако уже старовеликорусские памятники отражают дефинализацию ударения – перенос ударения с конечного слога на предконечный [там же: 182], что затронуло и одну из подпарадигм неличных местоимений (т.е., например, в Т.п. получается *тою, самою, ёю*). Далее стал осуществляться процесс отпадения конечных безударных гласных, который, впрочем, мог носить факультативный характер (об отпадении конечных безударных гласных см. [там же]). В особом положении оказалась форма Р.п. *къѣ*, которая в центральных, части южных и большинстве юго-восточных и северо-восточных диалектов описанным выше закономерным фонетическим изменениям не поддалась. Более того, в ней незаконно появился гласный [’о] на месте древнего ё: «её». В таком виде она и вошла в литературный язык. Появление незаконного [’о] – довольно сложная проблема, и по этому поводу высказывались разные точки зрения [Галинская, 2011: 28–31], но в данном случае форма *её* нас не интересует, и останавливаться на ней мы не будем.

Однако есть обширная непрерывная территория в зоне новгородских, ладого-тихвинских, онежских и лачских говоров, где в родительном падеже фиксируются закономерные формы, отражающие дефинализацию ударения и отпадение конечного гласного: у *ей*, у *ней* [ДАРЯ II, карта 65].

Такие формы (преимущественно в значении притяжательного местоимения) нередко отражаются в конце XVI в. в новгородских ЗК:

⁶ Ср. у 4-го писца К4 при повторе части формулы «купил такого-то себе и своим детям» форму *себѣ: собѣ и свои^и дѣте^и в по^инищу себѣ и свои^и дѣте^и К4-207 об.*

у неѣ 2, *о^мцѣ еѣ* К1-111 об., *о^мца еѣ* К1-11, *о^мцу еѣ* К1-34 об., 35, 111 об., *муж еѣ* К4-215, *сестра еѣ* К1-21 об., *се^стра еѣ* К1-100, *еѣ дѣти* К1-116, *на е^у дѣтеѣ* К1-28, К4-7, 196 об., *за еѣ о^бдо^миноѣ дочер^ю* К1-54 об., *проти^с... дочерѣ еѣ* К1-93, *с(ы)нѣ еѣ ми^мка* К4-140, *на еѣ с(ы)на федо^рка* К4-8 об., *в с(ы)на // еѣ мѣсто* К4- 218 об.//219, *да^т дочерѣ своѣѣ д^нѣ да еѣ дѣтеѣ* (дѣтеѣ с опиской – **и** вместо **м**) К4-19. Следует заметить, что, в принципе, можно было бы принять некоторые из перечисленных форм за архаичные формы Д.п. принадлежности, но наряду с сочетаниями *о^мцѣ еѣ*, *о^мца еѣ*, *о^мцу еѣ*, *сестра еѣ*, *проти^с... дочерѣ еѣ* и т.д. часто употребляются стандартные сочетания типа *мужа еѣ* 2, *снѣ еѣ* К1-4 об., *до^у еѣ* К1-5, *имѣ о^мцу еѣ* К1-114 об., а местоимение мужского рода при словах со значением родства всегда стоит только в Р.п., например: *на о^мца е^ѣ* и *на ма^м* и *на бра^мю* *на ево* и *на нево* *докла^дная* К4-90 об., так что *еѣ* – это тоже форма Р.п. Не следует думать также, что в форме *еѣ* отражено изменение конечного /ѣ/ в /и/, поскольку, данные берестяных грамот показывают, что после [j] фонемы /ѣ/ и /е/ могли нейтрализоваться в древненовгородском диалекте в /е/ [Зализняк, 2004: 26]. Как видим из последних приведенных примеров, обычная для делового языка форма Р.п. *еѣ* в ЗК есть, но, возможно, она чисто нормативная, доказательством чего может послужить ситуация с формой *тоѣ* (*тоѣ*), употребляемой в Р. и В. пп. (например: *тоѣ кабалы не кла^т* К4-165 об., *у тоѣ^{жс} кабалы* К4-115 об., *тоѣ де^у о^у кабалу ... выкупи^т* К4-117). Дело в том, что в М.п. наряду с обычно употребляемой формой *тоѣ*, например: *на то^у и^х полно* (sic) *робѣ* К4-118 об., *на то^у грамотѣ* К4-124 – есть такие: случаи: *да на тоѣ^{жс} кабале... по^дписа^т* К4-105 об., *на тоѣ^{жс} дано^у по^дписано* К4-107. Имеется аналогичная форма и в Д.п. *да по тоѣ^{жс} д(у)х(о)вноѣ* К4-123 об. Однако форм М. и Д. пп. **тоѣ* (**тоѣ*) в XVI в. не должно было быть, поскольку их не было изначально и в современных диалектах они не представлены. Значит, это гиперкоррекция, т.е. можно сделать вывод, что и в Р.п. форма *тоѣ* (*тоѣ*) в живом языке не функционировала, а была форма *тоѣ*. Следовательно, допустимо предположить, что в живом языке не было и формы *еѣ*.

1.10. Во всех литературных западнославянских и южнославянских языках, в русском и украинском литературных языках есть «припредложные» формы с [n'] у местоимений 3-го лица, образовавшиеся еще в праславянском языке в результате употребления местоимения **jь*, **ja*, **je* с предлогами **въп*, **къп*, **съп*. Однако в диалектах на обширной восточнославянской территории развилась инновация – утрата [n'] и восстановление [j] в «припредложных» формах. Формы типа *з ѣѣю* / *з ѣѣѣ*, *за ѣѣо* представлены в украинских диалектах, в белорусских говорах и литературном языке, например, *з ѣѣ*, *за ѣѣо*, а также в огромном массиве русских диалектов, в том числе в новгородском регионе [ДАРЯ II, карта 66].

Формы без [н'] отразились и в ЗК наряду с традиционными формами с [н']: *служи^м у еѣ* К1-2 (2 р.), *служи^м у его* К1-2 об., *бѣгаю^м о^м е^б* К1-46, *о^м ево бѣгають* К1-101, *у его во дворѣ* К1-83 об., *у о^мца е^б и у ево* К4-130 об., *а да¹ на и^х ше^сть рубле^б моско^бскую* К1-45 об. То есть эта инновация в конце XVI в. уже захватила новгородские говоры.

1.11. Местоимение «одинъ» в И.п. мн.ч. имеет окончание -ы: *по-слуси о^бны* К1-108 об. В [ДАРЯ II] нет карты, посвященной этому местоимению, но по карте № 68 видно, что в современных новгородских говорах распространены формы *оны* и *юны*, которые подтверждают, что написание *о^бны* может свидетельствовать именно о морфологическом явлении, а не о непозиционной мене твердых и мягких согласных.

1.12. В ЗК отражаются некоторые особенности склонения числительных.

а) В **В.п.=Р.п.** используется только форма *дву*: *на дву ивашко^б* К4-129, *даль... дву д[гѣ]в[о]къ свои^х* К1-93⁷. В **М.п.** уже представлена вариативность: *дву* (преобладает) // *двухъ*, например: *в дву рубле^х* К1-17 об., 23, 51 и др., К4-3, 4 об., 16, 27, *в дву круге^х* К1-76, 77, *полтине да дву че^мхъ ржи* К4-153 // *в дву^х ру^бле^х* К1-96 об., 104 об., 109, 113, *в дву^х ру^бле^х* К1-104 об., 105, *в дву^х круге^х* К1-6. Форма **Р.-М. пп.** *двухъ* вообще фиксируется в письменных источниках XVI в. редко. Так, Б. Унбегаун обнаружил лишь пять таких образований в исследованных им текстах конца XV – первой половины XVI в. [Unbegaun, 1935: 412]. В **Т.п.** присутствует форма *двѣмя* (з *двѣмя доче^рми* К1-30 об. К4-148 об., з *двѣмя с(ы)ны* К4-148 об., 150), появившаяся под влиянием уже сложившейся формы *четырьмя* (с *четы^рмя доче^рми* К4-150).

б) В **М.п.** у 2-го писца К1 регулярно употребляется весьма нестандартная форма *треи*, являющаяся результатом экспансии формы **Р.п.** на **М.п.**: *кабала... в треи рубле^х* К1-23, 24, 35, 44 об., *кабала... в тре^и рубле^х* К1-38 об., 50, 54 об. Но случаи употребления формы *трехъ* в этом же почерке тоже есть: *в тре^х рубле^х* К1-12, 18, 47 об., 49, 56 (2 р.). Для остальных восьми почерков форма *трехъ* – единственная.

в) В северо-западной письменности XIII–XVII вв. встречается форма **И.-В. пп.** *восьми* [Зализняк, 2004: 133; Егоров, 1916: 498; Галинская, 2011: 191–192]. Отмечена она и в ЗК: *положи^т к докладу даную да во^сми служилы^х каба^т* К4-6 об. (о возможных причинах ее появления см. [Галинская, 2011: 192]).

г) В словах, обозначающих числа второго десятка, склоняются еще обе части, например: *в двуна^мцати рубле^х* К4-9 об., *тре^хна^мцати рублеи* К4-195, *в пятина^мцати рубле^х* К4-65 *о^смина^мцати год* К1-126 об.

⁷ Интересно отметить прилагательное «двуроднои» (*бра^м двуро^бнои* К4-129) с формой *дву* в первой части.

д) Слово «оба» в М.п. имеет три варианта: основа об- + ок. -ѣхъ (-ихъ): *в обѣхъ кабаѣа*^х К1-122, *в обихѣ и кабаѣа*^х К1-109; основа обѣј- (*обиј-*) + ок. -ихъ: *в биѣхъ кабаѣа*^х К1-104 об.; основа обѣј- (*обиј-*) + ок. -ѣхъ, появившееся под влиянием формы «двухъ»: *в биѣхъ кабаѣахъ* К1-119, *в биѣхъ кабаѣа*^х К1-86 об, *в биѣхъ кабаѣа*^х (с опиской) К1-83 об., *в биѣхъ кабаѣа*^х К4-183, 192, *у полнѣхъ ... ѣв биѣхъ* К4-212 об. При этом все три варианта представлены у одного и того же писца (5-й почерк К1 – лл. 122, 109, 104 об, 119), и исключительно последний вариант представлен у писца, которому принадлежат 4-й почерк К1 (лл. 86 об., 83 об.) и 4-й почерк К4 (лл. 183, 192, 212 об.).

е) Стоит отметить и один факт, не имеющий отношения к отражению говора писцов, – порядковые числительные демонстрируют церковнославянские особенности в образовании: *лѣта ѣмъ втораго* К4-229, *лѣта девѣа^мдеся^мдевято^о* К1-57, *лѣта девѣа^мдеся^м девѣа^т* К4-62 об., 139 об., *лѣта девѣа^мдеся^м девѣа^т* К4-140 об. (sic), *лѣта девѣа^мдеся^т* К4-198 (хотя есть и *девѣа^нсто сто сото^о году* К4-19 об.), *в восмы^н на деся^м де^н* К1-51 об. Интересно, что книжное окончание И.п. ед.ч. муж. р. *-ѣй* используется только в порядковых числительных, ср. последний пример и *первы^н де^н* К1-69 при обычном окончании *-ой*, например: *иванегоро^оцкои площа^онои тисчи^к* К1-72, *пречисте^нскои дѣа^че^к* К4-12 об.

1.13. ЗК показывают, на каком этапе в конце XVI в. находилось проникновение местоименных форм в косвенные падежи притяжательных прилагательных (сейчас их нет только у слов с суффиксом *-ов* в Р. и Д. пп.). Становление местоименных форм во множественном числе у притяжательных прилагательных завершилось в XIII в., а в Т.п. ед. ч. муж. и ср. р. – к началу XIV в. [Историческая грамматика древнерусского языка III, 2006: 166, 173]. В Т.п. ед.ч. жен.р. именные и местоименные формы всех прилагательных исконно совпадали. Таким образом, применительно к XVI в. интерес представляют только формы ед.ч.: М.п. муж. р., Р., Д. и М. пп. жен. р.

Встретилась лишь одна форма **М.п. муж. р.**, и она именная: *в ч(е)-л(о)в(ѣ)ки в ма^мфѣики якушеве с(ы)не горчаки* К4-195 об.

Только именные формы представлены в **Р.п. жен. р.**: *и у кабаѣы руки послуховы нѣ^м* К1-73 об., *и дмѣтриевы руки нѣ^т* К1-99, *у ѣяны михаиловы жєны трусова* К4-35 об., 36, *у ма^ни у ивановѣ дѣчери новоѣценова* К1-100 об., *з боркове улицы* К1-132 об., 133 и т.д.

В **Д.п.** именное окончание *-ѣ* и местоименное окончание *-ои* встречаются примерно в равных небольших количествах: *сестре своєи ану^си петрове дѣчери* К4-30 об., *по е^с иванове данои* К4-149 // *жєны е^с дружѣининои о^одо^мицы на ма^мфѣи и на е^с жєну на мала^ню дѣла не дѣлати никакова* ‘Дружѣининой жєне Овдѣтице не следует прѣдъявлять претензии к Матфею и его жєне Маланьѣ’ К1-62.

В **М.п.** именные окончания *-ъ /-ы* употребляются регулярно (например: *жена^м ... на дени^севе* дочери К4-110, *жена^м ... на неждане* на *мишуковы* дочери К4-123), а местоименное окончание *-ои* отмечено только два раза: *жени^тца* (inf.) ... на о^бдо^тице на а^ддр^евои дочери К1-62, *жена^м был ... на ога^фице на каба^тнои на дмитриево^и* дочери К4-41 об. Таким образом, в Д. и М. пп. жен. р. в конце XVI в. уже присутствовала вариативность именных и местоименных флексий.

1.14. В деловой письменности XVI в. еще употреблялись связки перфекта, причем согласно закону Вакернагеля они занимали второе место в клаузе, хотя уже наметился процесс замены связок личными местоимениями [Дойкина, 2017: 141–144]. Присутствуют связки и в ЗК, например, *заняли есмя у бо^дана у федорова с(ы)на ха^лмова сем^ь ру^ле^б мо^ко^кскую дене^с* К1-126 об. При этом один раз связка 1-го л. ед. ч. встретилась в виде **емя**: *да^т емя за се^трою своею за федо^сею ... в приданые люди свои крепос^тны^х и каба^тных^х* К1-94 об. Конечно, здесь не исключен случайный пропуск буквы **с**. Однако форма перфекта **послалъ кмь** встречена в новгородской берестяной грамоте № 964 конца XIV в. А.А. Зализняк пишет, что тут могла быть описка, но допускает возможность другого решения: «перед нами близкий аналог польских форм прошедшего времени типа *poslałem* ‘я послал’ (где тоже утратилось прежнее *s*)» [Зализняк, Янин, 2009: 7–8]. Далее говорится о том, что аналогичный пример (**творилъ емь**) есть в Лаврентьевской летописи в «Поучении Владимира Мономаха», который издатель счел опиской. И заключают комментарий к перфекту **послалъ кмь** слова: «Следует ожидать дальнейших находок, чтобы выяснить, являются ли действительно оба примера описками или за ними стоит свойственное каким-то говорам диалектное развитие, сходное с польским» [там же: 8]. В связи с этим перфект *да^т емя* из новгородской рукописи конца XVI в. допустимо счесть такой находкой.

2. Синтаксис

2.1. В ЗК встречаются случаи нарушения принципа проективности, которые свидетельствуют о том, что в тексте находят отражение разговорные синтаксические явления [Зализняк, 2004: 190], например: *а губно^с лево^ттеевы руки кнutowa не^м потому что грамоте не умие^м* К4-3, *а какову о^ддр^ти секири^и положи^т каба^лу и у тое каба^лы начало отврано* (sic) К4-6, *а ма^срица^ое дана прозвище доса^тка зятю и^х борису федорову с(ы)ну кушелеву^с приданые* К4-213, *с васи^тева в^тдома кобылина* К4-202 об. В связи с этим и другим описанным далее синтаксическим явлениям можно доверять как отражающим языковую реальность.

2.2. Одна из особенностей синтаксиса числовых сочетаний состоит в том, что при словах «два», «три», «четыре» употребляются формы

существительных на *-ы/-и* и на *-а*, например, *два ру^бли* К1-77 об. // *два ру^бля* К1-76 об., *три сыны* К4-22 // *три ру^бля* К1-114, *четыре ру^бли* К1-8 // *четыре ру^бля* К2-225. При этом формы на *-ы/-и* значительно преобладают, так что они даже могут вытеснять формы на *-а* из «половинного» счета, где исконной была форма Р.п. существительного, отчего мы находим: *полтора* // *рубли* К4-153 об., 200 об. // 201, *полтора ру^бли* К4-139, 224, *по^ттора ру^бли* К4-62 об., 66 об., *по^ттре^тя ру^бли* 140, *по^тчетве^та рубли* К4-161 об., хотя бывает и *по^ттора ру^бля* К4-128 об., *по^ттре^тя ру^бля* К4-119.

2.3. Еще одной особенностью синтаксиса числовых сочетаний является частотное сохранение древнего согласования по женскому роду прилагательного с сочетанием числительного в И.-В. пп. и существительного (см. об этом [Зализняк, 2004: 168]), например: *за два ру^бля моско^вскую* К1-33, *три ру^бля ноугоро^дскую* К1-114, *четыре ру^бли моско^вскую* К1-8, *пя^т ру^бле^с моско^вскую* К1-128 об., *ше^сть рубле^с моско^вскую* К1-45 об., *сем^ь ру^бле^с моско^вскую* К1-126 об., *по^ттора ру^бли ноугоро^дскую* К4-62 об. (приводится лишь небольшая часть имеющегося материала). Существенно реже наблюдается новые варианты согласования, например: *два ру^бли ноугоро^дкие* К4-142, *три ру^бли дене^с москов^ски^е* К4-85, *четыре ру^бли ноугоро^дские* К4-38 об., *по^ттора ру^бля ноугоро^дские* К1-128 об., *по^ттре^тя ру^бля моско^вски^х* К4-119, *два ру^бли ноугоро^дскихъ* К4-61 об. Однако при опущении слова «один» новое согласование уже является нормальным: *ру^бль ноугоро^дкои* К4-140 об., *ру^бль моско^вскои* К1-124 и т.д., тогда как форма женского рода только одна: *да^т ... ру^бль ноугоро^дскую* К1-2 об.

2.4. В ЗК широко употребляются характерные для древнерусского и старорусского языка многокомпонентные посессивные конструкции с комбинированием притяжательных прилагательных и форм Р.п., например: *у лево^теевы^х детеи зено^вева* К1-35 об., *ивано^в ч(е)л(о)^в(т)къ федоровича вышесла^вцова* К1-24 кня^ж *ивано^в с(ы)нъ меще^вско^в* К4-19 об. Общая притяжательная функция дает возможность существительному и прилагательному вступать в сочинительную связь: *приро^д коже^внико^в и его жены сынове по о^мцы а дочери по матери* К1-39 об., *по о^мца свое^в делу и по дядиному не вступатца* К1-61 об. Или же оказывается допустимым употребление притяжательного местоимения, относящегося к имени, которое не упомянуто, но от которого образовано притяжательное прилагательное, причем местоимение стоит в такой форме, в какой оно стояло бы при существительном: *и то^и де бѣлки^и дѣти* К1-88 об., *то^е де^и федо^ицы^и вну^к* К4-119.

2.5. В современных новгородских говорах распространены конструкции «И.п. имени + некоординируемая форма краткого причастия» типа *печка затоплено*, см. [Кузьмина, Немченко 1971: 29–36 и карта № 1]. Они встречены и в ЗК наряду с конструкциями с координируемым причастием. Ср. некоторые примеры:

а) Причастие координировано: *кабала писана* К1-115 об., *у по^ны^х печа^м ув обию^х писана* К4-212об., *послуси писаны* К4-119, 138.

б) Причастие не координировано: *и у ни^х прижыто в холо^нстве с(ы)н^ь нечаико да до^ч матрушка* К1-53, *на кабаль по^описано рука губново стросты* К4-169, *на заде данои написано рука ждана // ты^ркова* К1-39//39 об., *на печати рѣзано пр(е)ч(и)^стая на пр(е)т(о)-ле со младенцо^м* К4-96 об., *печа^м печатано* К4-118 об., *печа^м писано* К4-147, *печа^м че^рчено* К4-207 об., *печати писано* 230 об.

2.6. Возможно, под влиянием конструкций с некоординируемым причастием появились конструкции с некоординируемой формой глагола в прошедшем времени (безличной): *у дунице ро^длося до^ч ма^рфица* К1-4, *а роману достало^с наве^ко он^тонов с(ы)н^ь проз^више вешия^к з женою и з де^мми* 4 об. Впрочем, координированные формы встречаются чаще, например: *в холо^нстве де у ни^х родили^с два с(ы)на* К1-2, *а в холо^нстве де у ни^х родиль ся с(ы)н^ь заха^рко* К1-2, *у ми^нке в холо^нстве родила^с до^ч* К4-34.

Бывает отсутствие координации другого рода: сказуемое стоит во множественном числе, а подлежащее в единственном, например: *у петру^мки дѣ в холо^нстве родилися до^ч наста^ска* К4-5, *и в холо^нстве ди у них родили^с с(ы)н^ь ма^рты^нко* К4-10, *а в холо^нстве де у ни^х родили^с до^ч параско^вица* К4-110. Но здесь координация, видимо, отсутствует по инерции, поскольку обычно перечисляется несколько детей.

В связи с вариативностью безличной формы глагола и формы множественного числа появляется такая же вариативность в конструкциях, где имеется дополнение в Р.п. *детей*, например: *а дѣтеи родило^с в холо^нстве до^ч дуница да с(ы)н^ь елиза^рко* К1-6, *а дѣтеи у ни^х в холо^нстве родило^с сенка да оле^нка да ива^нко да офо^нка да дорош-ка...* К1-6, *да софро^нковы^х же дѣте^и збежало о^т ни^х до^ч ма^рица да с(ы)н^ь сенка* К4-42, *а дѣте^и и у ни^х в холо^нстве у него ивана родилос^я федка* К4-226, *у гри^мки де было дѣте^и микифо^рко* К4-42 // *а дѣтеи де у ни^х родили^с в холо^нстве о^до^нка да доро^нка до (sic) до^ч зено^вка* К1-6 об., *а дѣтеи у ни^х ро^дли^с в холо^нстве двѣ дочери матре^нка да а^нница* К1-123 об., *а дѣтеи ро^длися в холо^нстве с(ы)н^ь гри^мка* К1-123 об.

Есть случай, когда вместо И.п. подлежащего при форме множественного числа глагола употребляется В.п.: *а дѣте^и у ни^х родилися в холо^нстве сенку да пете^нку да у^ня^нку* К4-123 об., но чаще в В.п. оказывается только последнее имя или имена: *а дѣте^и у ни^х в холо^нстве у не^р родилися два с(ы)на ива^нко да ми^рку* К4-97, *а дѣте^и у ни^х в холо^нстве у не^р родилися кали^нка да // о^ндрю^нка да до^ч полага^нцу* К4-97 об.//98., *в холо^нстве де у ни^х роди^нся с(ы)н^ь васка да дочи о^вдо^нку* К4-159 об., *у не^р родили^с дѣти ки^рячко прозвищо ме^нши^нко да оксеньицу* К4-142 об., *а дѣте^и у ни^х в холо^нстве родили^с два с(ы)на о^ртю^нка да ива^нко да три д(ѣ)вкѣ окули^нка да варуха да матрешку*

К4-187, и у них в холо^нстве родилися с(ы)нъ ива^мко да три дочери усти^ищу да фети^ищу да окули^ику К4-2.

2.7. Довольно нетривиальны особенности синтаксиса фраз со словом «прозвище» в значении ‘по прозвищу’. Во-первых, синтаксическое определение «прозвище» всегда стоит в И.п., например, *женать на пала^мке про^{ви}ще на бѣ^нке* К1-2. Во-вторых, оно может присоединяться союзом «а», например: *дали... оле^ику лево^нтеева сна а про^{ви}ще ми^ику* К1-39. В-третьих, определение к слову «прозвище» редко с ним согласуется и стоит в И.п. (например, *выдана заму^же у не^е во дворе за старинны^и его чл^вкомъ за федо^рко^и про^{ви}ще сема^к* К1-67 об., *з доче^рю с а^нною а про^{ви}ще га^нка* К1-68), тогда как обычно оно находится в том же падеже, в котором стоит определяемое слова «прозвище», причем предлог может повторяться или опускаться, например: *кабала на ма^ртемьяна на федорова сна про^{ви}ще на ^жс дана* К1-96, *замуже^е за гри^икою а про^{ви}що за томи^икою* К4-19, *кабала на гри^ику про^{ви}ще жура^вля* К4-14 об., *жена^м на полашки про^{ви}що соню^мки* К4-110.

3. Таким образом, ЗК, несмотря на достаточно однообразное содержание, отражают целый ряд грамматических особенностей, и их совокупность может пролить свет на специфику новгородского диалекта конца XVI в.

Список литературы

1. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975. 607 с.
2. Галинская Е.А. К истории синкретичных именных форм в русских северо-западных говорах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1991. № 5. С. 28–36.
3. Галинская Е.А. История форм родительного и винительного падежей местоимения 3-го лица женского рода по данным русской лингвистической географии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 5. С. 26–35.
4. Галинская Е.А. Склонение количественных числительных в псковском диалекте первой половины XVII века // Русский язык в научном освещении. 2011а. № 2 (22). С. 186–203.
5. Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2016. 412 с.
6. Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Карты. Выпуск II. Морфология. М., 1989.
7. Дойкина К.Ю. История системы энклитик (на материале духовных и договорных грамот XIV–XVI вв.): Магистерская дисс. М., 2017. 156 с.
8. Егоров В.Г. Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV–XVII вв. // Филологические записки. Воронеж, 1916. Вып. II–V. С. 189–236; 474–523.
9. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. 430 с.
10. Зализняк А.А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550–558.
11. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. 872 с.
12. Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из раскопок 2008 г. // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 3–12.

13. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I // Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Множественное число именного склонения. М., 2000. 310 с.
14. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III // Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Прилагательные. М., 2006. 496 с.
15. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. 275 с.
16. Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971. 311 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 3. М., 1976. 288 с.
18. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. 296 с.
19. *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle (1500–1550). I. La flexion des noms. Paris, 1935. 480 p.

Elena Galinskaya

THE GRAMMATICAL PECULIARITIES OF NOVGOROD DIALECT OF THE LATE 16TH CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article describes the grammatical phenomena of the Novgorod dialect of the late 16th century reflected in the *Book of Old and New Service in Novgorod presented to Cleric Dmitry Alyabyev in 1597–1598*. The morphological features include the existence of both endings *-ě* and *-y* in Gen., Dat., and Loc. of the **ā*-declension; the use of some accusative forms in the nominative meaning; preservation of archaic forms Nom. Pl. *synove*, Nom. Sg. *dochi*; the stem *sob-* in Gen. and Acc. of the reflexive pronoun; the form *yey* in Gen. Sg. of the 3rd person feminine pronoun; the absence of [n'] in the forms of 3rd person pronouns used with prepositions; irregular locative form of the numeral 'three' *trej*; coexistence of nominal and pronoun inflexion in Dat. and Loc. fem. of possessive adjectives; copular verb *yem'a*, etc. Peculiar syntactic features include uncoordinated forms of short participles, coordinated nouns and adjectives in possessive constructions, etc.

Key words: historical morphology of Russian; historical syntax of Russian; 16th century Novgorod dialect; Russian business style manuscripts.

About the author: *Elena Galinskaya* – Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eagalinsk@mail.ru).

References

1. Veselovskij S.B. *D'yaki i pod'yachie XVI–XVII vv.* [Government officials of the 16th and 17th century] Moscow, Nauka Publ., 1975, 607 p. (In Russ.)
2. Galinskaya E.A. *K istorii sinkretichnyh imennyh form v russkikh severo-zapadnyh govoraх.* [Towards the history of syncretic nominal forms in the North-Eastern dialects of Russian] Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. 1991. № 5, pp. 28–36. (In Russ.)
3. Galinskaya E.A. *Istoriya form roditel'nogo i vinitel'nogo padezhej mestoimeniya 3-go lica zhenskogo roda po dannym russkoj lingvisticheskoj geografii.* [The history

- of the forms of the genitive and accusative cases of the 3rd person feminine pronoun and the linguistic geography of Russian] Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. 2011. № 5, pp. 26–35. (In Russ.)
4. Galinskaya E.A. *Sklonenie kolichestvennykh chislitel'nykh v pskovskom dialekte pervoy poloviny XVII veka* [Declension of numerals in the Pskov dialect of the 1st half of the 17th century] Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language and Linguistic Theory]. 2011a. № 2 (22), pp. 186–203. (In Russ.)
 5. Galinskaya E.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [An historical grammar of Russian. Phonetics. Morphology]. Moscow, URSS Publ., 2016, 412 p. (In Russ.)
 6. *Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (Centr evropejskoj chasti SSSR)*. Karty. Vyp. II. Morfologiya [Dialectological atlas of Russian (Center of the European part of the USSR). Maps. Issue II. Morphology]. Moscow, 1985. (In Russ.)
 7. Dojkina K.Yu. *Istoriya sistemy enklitik (na materiale duhovnykh i dogovornykh gramot XIV–XVI vv.)* [The history of the enclitics system (on the material of testamentary letters and treaties from the 14th and 15th century)]. Magisterskaya dissertatsiya [Master's dissertation]. Moscow, 2017. 156 p. (In Russ.)
 8. Egorov V.G. *Soglasovanie chislitel'nykh s sushchestvitelnymi v velikorusskikh yuridicheskikh pamyatnikakh XV–XVII vv.* [Coordination of numerals with nouns in Great Russian law manuscripts from the 15th to 17th century.] Filologicheskie zapiski [Philological notes] Voronezh, 1916. Vyp. II–V [Issues II–V], pp. 189–236; 474–523. (In Russ.)
 9. Zaliznyak A.A. *Ot praslavyanskoj akcentuacii k russkoj* [From Proto-Slavic stress to Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 430 p. (In Russ.)
 10. Zaliznyak A.A. *Pravilo otpadeniya konechnykh glasnykh v russkom yazyke* [The rule of apocope of final vowels in Russian] Zaliznyak A.A. “Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu [“Russian nominal inflection” and selected works on Modern Russian and general linguistics]. Moscow, 2002, pp. 550–558. (In Russ.)
 11. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskij dialect* [The Old Novgorod dialect]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 872 p. (In Russ.)
 12. Zaliznyak A.A., Yanin V.L. *Berestyanye gramoty iz raskopok 2008 g.* [Birch bark letters from the excavations of 2008] Voprosy yazykoznaniya [Issues in Linguistics]. 2009, № 4, pp. 3–12. (In Russ.)
 13. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka*. T. I [An historical grammar of the Old Russian language. Vol. 1] Kuznecov A.M., Iordanidi S.I., Krys'ko V.B. Mnozhestvennoe chislo imennogo skloneniya [Plural nominal declension]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, 310 p. (In Russ.)
 14. *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka*. T. III. [An historical grammar of the Old Russian language. Vol. 3] Kuznecov A.M., Iordanidi S.I., Krys'ko V.B. Prilagatel'nye [Adjectives]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2006, 496 p. (In Russ.)
 15. Kuznecov P.S. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka* [Essays on the historical morphology of the Russian language]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959. 275 p. (In Russ.)
 16. Kuz'mina I.B., Nemchenko E.V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorah* [The syntax of participial forms in the Russian dialects] Moscow, Nauka Publ., 1971, 311 p. (In Russ.)
 17. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language from the 11th to 17th century. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 288 p. (In Russ.)
 18. Haburgaev G.A. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on the historical morphology of the Russian language. Nominal parts of speech]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1990, 296 p. (In Russ.)
 19. Unbegaun B. *La langue russe au XVIe siècle (1500–1550)*. I. La flexion des noms. Paris, 1935, 480 p.

А.А. Герасимова, Е.А. Лютикова

**К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ: РАССОГЛАСОВАНИЕ
ПО РОДУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина»
ул. Академика Волгина, 6, Москва, 117485, Россия*

Статья посвящена проблеме документирования активных языковых процессов, которая рассматривается на примере рассогласования по роду в русской именной и предикативной синтагме. Рассогласование по роду может возникать в контексте существительных, обозначающих человека по профессии и не имеющих женской родовой параллели. В русском языке выделяется несколько допустимых моделей рассогласования, причем факторы, которые могли бы определять дистрибуцию вариантов, не установлены. Исследователи сходятся на том, что модель согласования определяется тем, на каком этапе деривации в синтаксической структуре появляется признак женского рода. Однако все попытки моделирования языкового феномена основывались на суждениях, выносимых самими исследователями. Вследствие того, что авторы по-разному оценивали языковые данные, возникли конкурирующие теоретические подходы.

Мы предполагаем, что необходимым условием для моделирования языкового феномена является сбор достаточного количества эмпирических данных. В статье мы описываем результаты двух экспериментальных исследований, которые позволяют установить частотное распределение моделей согласования, а также показывают, как носители русского языка оценивают приемлемость различных моделей. Также проводится сравнение полученных материалов с данными предыдущих количественных исследований. Данные о феномене рассогласования, собранные контролируемым образом, позволяют определить основную тенденцию языкового процесса и оценить подходы к моделированию этого

Герасимова Анастасия Алексеевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com).

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (e-mail: lyutikova2008@gmail.com).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

явления. В частности, мы приходим к выводу о том, что при создании моделей согласования необходимо объяснять их частотное соотношение.

Ключевые слова: вариативность; рассогласование по роду; референциальный род; именная группа; лингвистический эксперимент; русский язык.

1. Введение

В данной статье мы предполагаем рассмотреть проблему документирования активных языковых процессов на примере конкретного явления – рассогласования по роду в русской именной и предикативной синтагме. Необходимым предварительным условием для моделирования языкового феномена, и в том числе языковой инновации, является сбор достаточного количества эмпирических данных, которые давали бы полное представление о процессах, происходящих в языке. В частности, для исследования конструкций с низкой частотностью мы предлагаем использовать методы экспериментальной лингвистики. Ввиду своей специфичности конструкция может быть плохо представлена в корпусе, поэтому удобным источником данных об использовании конструкции носителями языка становится контролируемый опрос респондентов.

Явление рассогласования по роду в русском языке обладает большой вариативностью: выделяется несколько допустимых моделей, причем факторы, которые могли бы определять дистрибуцию вариантов, не установлены. Именно моделирование вариативности данного феномена вызывало основные дискуссии в литературе по теме. В статье мы показываем, что модели рассогласования распределены неравномерно. В частности, выделяется наиболее частотная модель рассогласования, которая в то же время оценивается респондентами как наиболее приемлемая. Таким образом, квантитативные данные позволяют определить основную тенденцию языкового процесса.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 мы обсуждаем прагматическое согласование по роду в русском языке и возникающий при этом эффект рассогласования. Раздел 3 посвящен истории изучения моделей рассогласования в русской именной группе. Затем в разделах 4 и 5 мы описываем результаты двух экспериментальных исследований, которые позволяют установить частотное распределение моделей согласования, а также показывают, как носители русского языка оценивают приемлемость различных моделей. Завершает статью раздел 6, в котором охарактеризован актуальный статус рассогласования в грамматике русского языка.

2. Прагматическое согласование в русском языке

Грамматический род в русском языке представляет собой классифицирующую категорию, которая для каждого существительного (контролера согласования) определяет морфологическую форму

согласуемой с ним словоформы (мишени согласования). Наиболее распространенный шаблон согласования предполагает, что все зависимые существительного демонстрируют одинаковое значение категории рода. В этом случае мы наблюдаем **грамматическое согласование**, которое определяется только грамматическими характеристиками лексемы. Грамматическое согласование противопоставляется **прагматическому**, при котором синтаксическая сочетаемость существительного определяется не только характеристиками лексемы, но и свойствами референта, которого она обозначает [Corbett, 1979; Wechsler, Zlatić, 2003]. В русском языке прагматическое (или референциальное [Лютикова, 2015]) согласование допустимо в двух случаях. Во-первых, оно обнаруживается при словах общего рода: *пьяница, заводила, зевака*. Прилагательные, которые согласуются с существительными данной группы, могут демонстрировать значения как мужского, так женского рода [РГ-80: § 1135]. При этом родовые характеристики модификаторов могут как соответствовать полу обозначаемого лица (1а, с), так и не соответствовать (1b, d).

- (1) а. *Маленький бродяга кризисов с публикой не знал*. [Божественный Чарли (2004) // Экран и сцена. 2004.05.06]
- б. *Она — главный судья в любых спорах и конфликтах*. [Владимир Губарев. Идем на аневризму. Вариант второй // Наука и жизнь. 2009]
- с. *Маша — типичная заводила*. [Родион Нахапетов. Влюбленный (1998)]
- д. *Про Робсона: он абсолютная умница, по-настоящему образованный человек, эрудированный, тонко разбирающийся в музыке и хорошо ее знающий*. [Василий Катаян. Лоскутное одеяло (1950–1959)]

Во-вторых, прагматическое согласование наблюдается при так называемых гибридных существительных, которые обозначают лица по профессии, званию или социальному статусу и не имеют стилистически нейтральной женской родовой параллели: *врач, агент, директор, полковник, хирург*. Когда такие существительные обозначают лица женского пола, адъективные модификаторы и глагол в форме прошедшего времени могут демонстрировать различные значения категории рода, т.е. **рассогласование по роду** [Граудина и др., 1976; Мучник, 1971; Crockett, 1976].

- (2) а. *Это Цветкова — эта толстая врач — сказала!* [Асар Эппель. Два товита (1991)]
- б. *... я спросила ее: как же она так легко отважилась на порочный кадровый шаг, властный директор ответила с обезоруживающей женской непосредственностью...* [Галина Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)]

Отметим, что явление рассогласования отличается от согласования с существительными общего рода тем, что в нашем случае граммати-

ческий род существительного всегда специфицирован как мужской. Как следствие, невозможно согласование по женскому роду, когда референт – мужчина.

На рассогласование внутри именной группы накладываются определенные ограничения. В частности, оказывается, что прилагательное может демонстрировать женский род, только если более «левые» прилагательные и другие адъективные модификаторы, расположенные на левой периферии именной группы, и глагол-сказуемое демонстрируют женский род [Лютикова, 2015; Matushansky, 2013; Pesetsky, 2013; Steriopolo, 2018]. Таким образом, оказываются неграмматичными конструкции типа (3a, b). Кроме того, в работе Д. Песецкого [Pesetsky, 2013] отмечается, что прагматическое согласование недопустимо для **классифицирующих** прилагательных, которые образуют с существительным несвободное, идиоматизированное сочетание². Поскольку ввиду своей семантики такие прилагательные присоединяются к существительному в начале деривации и вследствие этого располагаются ближе к нему, в формальном синтаксисе их принято называть низкими. Ограничение на прагматическое согласование для классифицирующих прилагательных запрещает конструкции типа (3c). Низким прилагательным противопоставляются высокие модификаторы – прилагательные и относительные / притяжательные местоимения, которые свободно сочетаются с существительными и могут нести значение референциального рода (3d).

- (3) а. **властная директор ответил*
- б. **другой властная директор*
- в. **финансовая директор*
- д. *наша добрая классный руководитель*

3. Развитие моделей рассогласования и история их изучения

Возникновение в русском языке конструкций с рассогласованием по роду было обусловлено социальными процессами. Как отмечают И.П. Мучник и Л.К. Граудина с соавторами [Мучник, 1971; Граудина и др., 1976], а также [Crockett, 1976], это явление возникло в 1920-е годы и вплоть до 1960-х годов считалось ненормативным. В связи с расширением круга профессиональных и социальных ролей, доступных женщинам, возникла потребность в родовой дифференциации существительных, обозначающих лица по профессии, но для части лексем создание такой параллели словообразовательными средствами оказалось невозможным. В результате в качестве конкурирующего средства получило распространение синтаксическое выражение референциального рода. Так, на момент издания Грамматики со-

² В частности, такие прилагательные не допускают интерсективную интерпретацию [Rothstein, 1980]. Подробнее о свойствах классифицирующих прилагательных см. [Rothstein, 1980; Svenonius, 2008; Лютикова, 2015].

временного русского литературного языка (1970) референциальное согласование сказуемого уже считалось активно распространившейся инновацией [РГ–70: §787].

В 1970-е годы было проведено два исследования, в которых анализировалась частотность модели рассогласования. Данные для количественного исследования И.П. Мучника [Мучник, 1971] собирались с помощью анкетирования 3780 респондентов в 1963–1964 гг. В вопросе анкеты участники получали установку, что речь идет о женщине. Задание заключалось в том, чтобы выбрать один вариант из двух: грамматическое или референциальное согласование (например, *управдом выдал справку* или *управдом выдала справку*). Вторая работа, где затрагивалось рассматриваемое явление, представляет собой частотно-стилистический словарь вариантов, который был составлен Л.К. Граудиной, В.А. Ицковичем и Л.П. Катлинской на основании газетного корпуса 1960–1970-х годов [Граудина и др., 1976].

В обоих исследованиях наиболее частотная модель согласования определялась отдельно для глагола и атрибутивных модификаторов. Результаты двух исследований практически совпали в отношении атрибутивного согласования: так, референциальная модель встречалась в 25% случаев в ответах на анкету, и в 30,96% случаев в корпусе. Для предикативного согласования данные различаются: при анкетировании женский род глагола выбирался в 51,7% случаев, в то время как в корпусе частота референциального предикативного согласования равна уже 95,43%. Можно предположить, что причиной такого различия стало включение в корпусное исследование более поздних текстов. Заметим, что при анкетировании была установлена корреляция между выбором стратегии рассогласования и возрастом респондента: чем моложе был респондент, тем скорее он придерживался языковой инновации [Мучник, 1971]. Кроме того, нельзя исключить, что многие случаи грамматического согласования при референте женского пола не были обнаружены при корпусном исследовании вследствие отсутствия в тексте релевантной информации о поле референта.

4. Теоретические подходы к объяснению рассогласования

В последние годы явление рассогласования по роду не раз привлекало внимание исследователей [Лютикова, 2015; Matushansky, 2013; Pereltsvaig, 2015; Pesetsky, 2013; Steriopolo, 2018]. Основная идея, которой пользуются при моделировании рассогласования, заключается в том, что на определенном этапе деривации именной синтагмы в структуре появляется признак женского рода [FEM]. Однако мнения исследователей расходятся в ответах на вопрос, когда этот признак может возникнуть и как наиболее экономно описать место его появления в структуре именной группы. Так, согласно работам

О. Матушанской, Д. Песецкого, О. Стериополо ([Matushansky, 2013], [Pesetsky 2013], [Steriopol 2018]), в структурах с рассогласованием должно соблюдаться единственное ограничение: признак [FEM] должен располагаться в синтаксической структуре выше «низких», классифицирующих прилагательных. Однако этот подход разрешает в том числе такие конфигурации, в которых признак располагается между двумя «высокими» прилагательными (4а). А.М. Перельцвайг [Pereltsvaig, 2015] считает конструкции типа (4а) неграмматичными и утверждает, что признак [FEM] может располагаться либо ниже, либо выше высоких прилагательных, но никак не разделять их (4б,с).

- (4) а. [*Прекрасная* [_[FEM] [*новый* [*участковый* [*врач*]]]]] *пришла вовремя.*
б. [_[FEM] [*Прекрасный* [*новый* [*участковый* [*врач*]]]]] *пришла вовремя.*
с. [*Прекрасная* [*новая* [_[FEM] [*участковый* [*врач*]]]]] *пришла вовремя.*

Проблема в рассуждениях предыдущих авторов заключается в том, что все они базируются на ограниченных данных: в качестве примеров, поддерживающих аргументацию, приводятся предложения, суждения о грамматической приемлемости которых вынесены самими исследователями. И если с тем фактом, что прилагательные с идиоматизированным значением не могут демонстрировать женский род, все исследователи согласны, то рассогласование на уровне высоких прилагательных вызывает споры. Вследствие того, что авторы по-разному оценивают языковые данные, возникают конкурирующие теоретические подходы.

Поскольку исследуемая конструкция возникла сравнительно недавно и подразумевает большую вариативность, следует в первую очередь определить, какие ее варианты в принципе возможны в современном русском языке. Более полные данные о явлении помогут выбрать теорию, наиболее адекватно описывающую языковую действительность.

5. Частотное распределение моделей рассогласования

Первое контролируемое количественное исследование моделей рассогласования в русском языке было проведено в работе А.А. Герасимовой [Герасимова, 2018]. Частотное распределение различных моделей рассогласования изучалось посредством лингвистического эксперимента. Поскольку выбор модели рассогласования может зависеть не только от качества атрибутивных модификаторов, но и от их количества, в эксперименте рассматривались различные комбинации модификаторов в составе именной группы. Так, по-разному комбинировались определительные/притяжательные местоимения, высокие и низкие прилагательные. В качестве классифицирующих использовались следующие восемь прилагательных: *зубной (врач)*, *исполнительный (директор)*, *главный (редактор)*, *ученый (секре-*

тарь), главный (архитектор), проектный (менеджер), страховой (агент), финансовый (аналитик). Вниманию респондентов предлагались бессюзные сложные предложения. В первой части предложения был контекст, однозначно указывающий на пол лица; во второй – предложение, содержащее именную группу и предикат с пропущенными окончаниями. (5). Задача респондентов заключалась в том, чтобы вставить необходимые окончания, чтобы предложение было естественным (пример ответа респондента приведен в (6)). Всего в эксперименте участвовало 106 человек.

- (5) Всю ночь Тане не удалось сомкнуть глаз: наш_ответственн_проектн_менеджер готовил_презентацию рекламной кампании для радиохолдинга.
- (6) наш ответственный проектный готовила.

Эксперимент позволил установить распределение моделей рассогласования в современном русском языке. Так, наиболее частотной моделью рассогласования оказалось референциальное предикативное рассогласование, при котором значение женского рода демонстрирует только сказуемое (67,55% (7a)). Следующим по частотности является грамматическое согласование (7b): все словоформы, согласуемые с существительным, были мужского рода в 25,21% случаев. Наконец, атрибутивное согласование, при котором хотя бы один из высоких модификаторов демонстрировал женский род (7c), обнаружилось в 4,5% ответов респондентов.

- (7) а. *наш финансовый аналитик представила прогноз цен на нефть*
б. *наш финансовый аналитик представил прогноз цен на нефть*
с. *наша финансовый аналитик представила прогноз цен на нефть*

Таким образом, оказалось, что сами по себе конфигурации, в которых высокие прилагательные демонстрируют женский род, являются очень редкими. Тем не менее, в данном исследовании удалось проверить, насколько носители русского языка допускают рассогласование высоких модификаторов. Оказалось, что для предложений-стимулов с двумя высокими прилагательными рассогласование наблюдалось в 2,19% случаев; во всех остальных случаях родовые характеристики прилагательных совпадали: в 93,4% ответах респонденты выбирали мужской род, а в 4,4% – женский.

Несмотря на то что проведенный эксперимент дает представление о частотном распределении моделей рассогласования, методика его проведения может быть подвергнута критике. Рассмотрим подробнее, что именно должен был делать человек при выполнении экспериментального задания. Прежде чем выписать слова с пропущенными окончаниями, респондент должен был прочитать стимульное предложение. При этом респондент не мог знать грамматических характеристик существительного до тех пор, пока он не дошел до вершины

именной группы (например, *менеджер* в (5)). Значит, он должен был каким-то образом прочитать модификаторы с пропущенными окончаниями, не зная, с каким существительным они будут согласованы. Прежде чем продумать окончания и выполнить задание, респондент должен дочитать предложение до конца. Уже после того, как предложение прочитано, респондент возвращается к словам с пропусками и выписывает их с соответствующими окончаниями. Такой порядок выполнения задания дает участнику много времени на обдумывание своего ответа. Значит, появляется риск того, что окончательный ответ, фиксируемый в эксперименте, не будет соответствовать тому, что респондент мог бы сказать в реальной ситуации общения.

Рисунок 1. Частотное распределение моделей рассогласования в русской именной и предикативной синтагме

Итак, хотя экспериментально полученные данные позволяют автору сделать выводы о частотном распределении моделей рассогласования в режиме выбора с последующим саморедактированием, они недостаточно полно описывают языковую реальность.

6. Исследование приемлемости моделей рассогласования

Описанный в разделе 5 эксперимент был нацелен на то, чтобы установить распределение моделей рассогласования в речи респондентов. В то же время споры в литературе в основном затрагивают оценки конструкций с различными моделями. Чтобы приблизиться к разрешению споров о данных, мы провели другое контролируемое исследование с применением методики извлечения суждений. Эта методика предполагает, что исследователь предлагает группе

носителей языка оценить приемлемость рассматриваемых конструкций по фиксированной шкале. При этом соблюдаются формальные требования лингвистического эксперимента: конструкции, которые необходимо оценить, представлены с помощью стимульных предложений с разным лексическим наполнением и чередуются с предложениями-филлерами, которые отвлекают внимание респондента от самих конструкций.

Для оценки приемлемости по шкале от 1 до 5 респондентам предлагались предложения, построенные по тому же образцу, что и в предыдущем эксперименте (5). Для каждой использованной комбинации проверялось четыре модели согласования: грамматическое согласование, предикативное согласование по референциальному роду, атрибутивное согласование по референциальному роду и аномальные модели согласования (высокие зависимые демонстрируют мужской род, а низкие – женский). В качестве участников было привлечено 57 респондентов предыдущего эксперимента.

Результаты оказались следующие. Наиболее приемлемой моделью оказалась наиболее частотная – предикативное согласование по женскому роду ((8a), среднее значение 4,28). Интересно, что средние оценки для грамматического согласования ((8b), 2,92) и атрибутивного согласования по женскому роду ((8c), 2,96) статистически значимо не отличаются. Любопытно также и то, что предложения с низкими прилагательными в женском роде были оценены более приемлемыми по сравнению с конструкциями с аномальными моделями согласования ((8d), 2,42 против (8e), 1,69).

- (8) а. *Ваш ученый секретарь превосходно организовала конференцию*
- б. *Ваш ученый секретарь превосходно организовал конференцию*
- с. *Ваша ученый секретарь превосходно организовала конференцию*
- д. *Ваша ученая секретарь превосходно организовала конференцию*
- е. * *Ваша ученый секретарь превосходно организовал конференцию*

7. Актуальный статус моделей рассогласования и возможные пути развития

Оценочные данные, полученные во втором эксперименте, в совокупности с результатами первого эксперимента позволяют нам сделать интересные выводы. Во-первых, носители русского языка склонны выражать референциальный род, хотя эта стратегия не является обязательной. Во-вторых, предикативное прагматическое согласование выделилось как основной способ выражения референциального рода (9a). В-третьих, хотя грамматическое согласование сказуемого по мужскому роду (9b) и согласование прилагательных по женскому роду (9c) допустимы, носители оценивают эти модели на уровне 3 баллов, т.е. не считают их достаточно приемлемыми вариантами. Наконец, ограничение, постулирующее невозможность

выражения женского рода на низких прилагательных (9d), является менее строгим, чем ограничение на порядок рассогласования: если в структуре возник признак женского рода, он должен быть выражен на всех словоформах, которые появляются на следующих этапах деривации (ср. неприемлемый пример (9е)).

- (9) а. *Прекрасный новый участковый врач пришла вовремя.*
б. *Прекрасный новый участковый врач пришел вовремя.*
с. *Прекрасная новая участковый врач пришла вовремя.*
д. *Прекрасная новая участковая врач пришла вовремя.*
е. * *Прекрасный новая участковый врач пришел вовремя.*

Данные о феномене рассогласования, собранные контролируемым образом, позволяют оценить подходы к моделированию этого явления. В частности, создается впечатление, что центральная проблема при моделировании состоит не в решении вопроса о рассогласовании двух высоких модификаторов. Важнее объяснить вариативность: почему, имея основной способ выражения референциального рода – предикативное согласование, – носители русского языка все же допускают референциальный род на адъективных зависимых существительного.

При объяснении вариативности рассогласования в современном русском языке можно опираться на различные эвристики. С одной стороны, поскольку рассогласование как грамматическая модель появилось сравнительно недавно, вероятно, что мы все еще наблюдаем постепенное распределение возможных грамматических вариантов в языковой системе. В будущем существующая вариативность может либо исчезнуть, оставив после себя только один вариант, который станет обязательным, либо специфицироваться: варианты будут дополнительно распределены, а выбор того или иного варианта будет зависеть от особых факторов. С другой стороны, можно предположить, что выражение женского рода на модификаторах регулируется не грамматическими ограничениями, а является следствием ошибки распространения признака: говорящий уже знает, что будет использовать глагол в женском роде, и признак женского рода проявляется в синтаксической структуре раньше, чем планировалось. Для получения более надежных свидетельств о том, как происходит процесс порождения конструкций с рассогласованием, необходимо применить более строгие экспериментальные методики, в частности, с фиксацией времени реакции респондента. Наконец, вполне возможно, что определенное влияние на судьбу конструкций с рассогласованием окажет распространение феминитивов (*авторка, редакторка*), вытесняющих гибридные существительные в некоторых социальных группах.

Список литературы

1. *Герасимова А.А.* Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 65–71.
2. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
3. *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи (Опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М., 1976.
4. *Лютикова Е.А.* Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30. С. 44–74.
5. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
6. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
7. *Corbett G. G.* The agreement hierarchy // Journal of linguistics. 1979. Vol. 15. № 2. P. 203–224.
8. *Crockett D.* Agreement in contemporary standard Russian. Cambridge (Mass.), MIT Press, 1976.
9. *Matushansky O.* Gender confusion. Diagnosing syntax. Oxford, 2013. P. 271–294.
10. *Pereltsvaig A.* Nominalizations in Russian: argument structure, case, and the functional architecture of the noun phrase // The 6th Workshop on Nominalizations, 30 June – 1 July 2015, Verona, Italy.
11. *Pesetsky D.* Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, 2013.
12. *Rothstein R.A.* Gender and reference in Polish and Russian // Morphosyntax in Slavic. Bloomington, IN: Slavica Publishers, Inc, 1980. P. 79–97.
13. *Steriopolo O.* Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns // Questions and Answers in Linguistics. 2018.
14. *Svenonius P.* The position of adjectives and other phrasal modifiers in the decomposition of DP // Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse. Oxford, 2008. P. 16–42.
15. *Wechsler S., Zlatić L.* The many faces of agreement. Stanford, CA: CSLI Publications, 2003.

Anastasia Gerasimova, Ekaterina Lyutikova

THE PROBLEM OF DATA VARIATION: MIXED AGREEMENT IN RUSSIAN³

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Pushkin State Russian Language Institute

6 Akademik Volgin str., Moscow, 117485

This paper focuses on master data requirements for modelling a linguistic phenomenon. We examine the problem using evidence from gender mismatch in Russian. Gender mismatch can occur for nouns that refer to humans denoting their position, profession, degree, etc. and trigger masculine grammatical agreement, but that are also used for denoting female humans as far as they lack a feminine parallel. Researchers suggest that the observed variance results from the “feminization” at some stage

³ The study has been supported by RSF, project #18-18-00462 “Communicative-syntactic interface: typology and grammar” at the Pushkin State Russian Language Institute.

of derivation, which determines the agreement pattern of the nominal. However, all the previous attempts to model gender mismatch were based upon individual judgements by the researchers themselves, which can be highly subjective. Consequently, the disagreement across researchers about the data led to competing analyses of the phenomenon. We argue that sufficient empirical support is the essential preliminary condition for modelling a linguistic phenomenon. We suggest experiments to be the proper source for variable data. By means of production and acceptability judgement experiments we estimate the current distribution of gender mismatch patterns in Russian. The experimental data detect the central tendency for the language process, which allows to refine the primary goals of gender mismatch modelling: it is essential not only to fit the existing patterns into the theory but to understand the reasons behind their frequency distribution.

Key words: variation; gender mismatch; mixed agreement; hybrid nouns; noun phrase; experimental linguistics; Russian.

About the authors: *Anastasia Gerasimova* – PhD Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anastasiagerasimova432@gmail.com); *Ekaterina Lyutikova* – Prof. Dr., Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Pushkin State Russian Language Institute (e-mail: lyutikova2008@gmail.com).

References

1. Gerasimova A.A. Rassoglasovanie po rodu v russkom yazyke (eksperimental'noe issledovanie) [Syntactic category and argument status of Russian infinitival complements]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, Vol. 77, № 1, pp. 65–71. (In Russ.)
2. Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi (Opyt chastotno-stilisticheskogo slovaryia variantov)* [Grammatical correctness of Russian speech. An attempt to compiling frequency- based stylistic dictionary of variants]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)
3. Lyutikova E.A. Soglasovanie, priznaki i struktura imennoi gruppy v russkom yazyke [Features, agreement, and structure of the Russian noun phrase]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2015, № 30, pp. 44–74. (In Russ.)
4. Muchnik I.P. *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Verbal and nominal categories in modern standard Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1971. (In Russ.)
5. Shvedova N.Yu. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. (In Russ.)
6. Shvedova N.Yu. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
7. Corbett G.G. The agreement hierarchy. *Journal of linguistics*, 1979, vol. 15, № 2, pp. 203–224.
8. Crockett D. *Agreement in contemporary standard Russian*. Cambridge (Mass.), MIT Press, 1976.
9. Matushansky O. Gender confusion. *Diagnosing syntax*. Oxford, 2013, pp. 271–294.
10. Pereltsvaig A. Nominalizations in Russian: argument structure, case, and the functional architecture of the noun phrase. *The 6th Workshop on Nominalizations, 30 June – 1 July 2015, Verona, Italy*.

11. Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge, 2013.
12. Rothstein R.A. Gender and reference in Polish and Russian. *Morphosyntax in Slavic*. Bloomington, *Slavica Publishers*, 1980, pp. 79–97.
13. Steriopolo O. Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns. *Questions and Answers in Linguistics*, 2018.
14. Svenonius P. The position of adjectives and other phrasal modifiers in the decomposition of DP. *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse*. Oxford, 2008, pp. 16–42.
15. Wechsler S., Zlatić L. *The many faces of agreement*. Stanford, CA, *CSLI Publications*, 2003.

А.В. Орлов, А.Л. Леонтьева

КОНКУРЕНЦИЯ СТРАТЕГИЙ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КЛАУЗЫ С СОЮЗНЫМ СЛОВОМ *КОТОРЫЙ* VS. ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.*

Русский язык допускает использование как минимум двух стратегий релятивизации имени: а) с помощью относительного придаточного с союзным словом *который* и б) с помощью причастного оборота. Несмотря на то что русские релятивные конструкции с причастием и с союзным словом *который* практически не демонстрируют разницы в значении, их дистрибуция не является полностью свободной. Так, в литературе описан ряд контекстов (также именуемых факторами), в присутствии которых в предложении вероятность появления одной из двух стратегий повышается. Эти факторы независимы друг от друга и, следовательно, могут встречаться в разных комбинациях. В том числе не исключено, что в одном предложении встретятся факторы противоположной направленности: один будет способствовать выбору причастия, а другой, наоборот, – придаточного предложения со словом *который*. В работе показано, что в подобной ситуации выбор стратегии не является случайным и осуществляется согласно определенному алгоритму. Для получения этого алгоритма был проведен психолингвистический эксперимент, в котором респонденты заполняли пропуски в предложениях с различными сочетаниями факторов посредством релятивных конструкций. В работе приводится подробный анализ того, как менялось соотношение двух рассматриваемых стратегий в ответах респондентов в зависимости от присутствовавших в предложении факторов. В результате этого анализа была подтверждена гипотеза о том, что влияющие на выбор стратегии релятивизации факторы ранжированы по степени приоритетности. Осуществляя выбор между причастием и *который*, говорящий обращает внимание не на все факторы сразу – на каждом этапе принятия решения, он проверяет предложение на наличие в нем одного фактора, начиная с самого приоритетного. Когда говорящий находит в предложении фактор, происходит выбор определенной стратегии релятивизации, и поиск прекращается, независимо от присутствия других, менее приоритетных факторов.

Ключевые слова: релятивизация; причастие; *который*; русский язык.

Орлов Александр Викторович – студент четвертого курса бакалавриата программы «Фундаментальная и компьютерная лингвистика» Национального исследовательского института «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (e-mail: alexander.orlov98@gmail.com).

Леонтьева Анна Леонидовна – доцент Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского института «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (e-mail: aleonteva@hse.ru).

1. Введение

В русском языке существует две основные стратегии образования релятивных (относительных) конструкций: посредством **относительного придаточного с *который*** (1) и посредством **причастного оборота** (2):

(1) *Я знаю студентку, которая говорит по-татарски.*

(2) *Я знаю студентку, говорящую по-татарски.*

Несмотря на то что релятивные конструкции с причастием и со словом *который*, по-видимому, не различаются семантически, они встречаются с разной вероятностью в различных группах контекстов и не всегда взаимозаменяемы. При этом замену одной конструкции на другую носители языка воспринимают не как абсолютно невозможную, а как весьма странную: «Сказать, конечно, можно, но так никто не говорит» (ср. (3) – (5)).

(3) *За ней стоит ее мать, держащая свою дочь за платье, чтобы она не смогла отбежать* (Russian Learner Corpus¹).

(4) *В 1987 году он получил Нобелевскую премию в области русской литературы и стал пятым русским писателем, который получил её* (Russian Learner Corpus).

(5) *Что известно о ситуации в Венесуэле? Я нашла статью, опубликованную в этом октябре. В статье говорится о <...>* (Russian Learner Corpus).

Задача, которую мы ставим перед собой, – создать модель, которая позволяла бы предсказывать выбор стратегии релятивизации в зависимости от контекста.

Большинство работ, посвященных русским релятивным конструкциям (см., например, [Сидорова, 2015; Сай, 2011; Лютикова, 2009]), ответа на этот вопрос не дают, поскольку в фокусе внимания их авторов находится лишь одна из конкурирующих конструкций. Исключение составляет серия работ М.А. Холодиловой [Холодилова, 2011а,б; 2014], где на корпусном материале выделяются факторы, благоприятствующие выбору той или иной стратегии релятивизации подлежащего, possessора или прямого дополнения в русском языке.

Сопоставив частоты употребления высказываний с причастными оборотами и с союзным словом *который* в НКРЯ, М.А. Холодилова приходит к выводу, что вероятность использования **причастной** стратегии повышается, если в контексте присутствуют следующие факторы: а) письменный способ коммуникации; б) формальный дискурс; в) рестриктивность зависимой клаузы; г) вершина в номинативе

¹ Примеры взяты из Russian Learner Corpus (RLC) – корпуса русских текстов, созданных не-носителями русского языка. Для облегчения восприятия материала в примерах были исправлены ошибки, не связанные с выбором стратегии релятивизации.

или генитиве. Релятивизация посредством слова *который* предпочтительна при воздействии таких факторов, как: а) устный способ коммуникации; б) неформальный дискурс; в) нахождение релятивизируемой ИГ в позиции ремы и г) в конце предложения; д) оформление вершины не номинативом и не генитивом; е) большое (≥ 5) количество знаменательных слов в клаузе; ж) наличие у вершины более одного непосредственного зависимого; з) наличие внутри клаузы зависимых клаузального типа (деепричастий, придаточных, вводимых союзом, инфинитива); и) наличие отрицания и к) наличие сочинения [там же].

Выделенные М.В. Холодиловой факторы позволяют объяснить неудачность примера (5), где относительная конструкция находится в конце предложения и в позиции ремы, что делает стратегию с *который* более ожидаемой, чем причастный оборот. Неудачность примеров (3) и (4) объяснить сложнее: здесь налицо воздействие факторов противоположной направленности: в (4) мы видим рестриктивную релятивную клаузу (обуславливающую выбор причастной стратегии) в конце предложения и в позиции ремы (условия для релятивизации посредством слова *который*), в (3) придаточное рематично (фактор, благоприятный для *который*), а релятивизируемая вершина стоит в номинативе (фактор, способствующий выбору причастия).

Возможно, неудачность примеров, подобных (3) и (4), объясняется тем, что при выборе стратегии релятивизации выделенные М.А. Холодиловой факторы имеют различную степень значимости и всегда применяются в определенном порядке. Иными словами, если в предложении присутствуют несколько противоположных по полярности факторов, то на выбор стратегии в первую очередь будет влиять только один – самый первый и наиболее приоритетный.

Тогда процесс выбора стратегии релятивизации можно представить в виде дерева решений, в котором каждый узел будет соответствовать вопросу о том, присутствует ли в предложении определенный фактор. Отсутствие фактора будет означать, что нужно перейти на нижестоящий узел, содержащий менее приоритетный фактор, а наличие – что алгоритм принятия решения завершен: релятивная клауза будет оформлена либо как причастный оборот, либо как придаточное с *который* (в зависимости от фактора).

Подобный подход к описанию механизма выбора стратегии релятивизации можно наблюдать в [Мещерякова, 2016]. В этой работе автор при помощи механизмов машинного обучения выделил два значимых для выбора стратегии релятивизации признака, которые применяются последовательно. Эти признаки – распространенность релятивной клаузы и наличие у вершины релятивизации иных зависимых с причастием или *который*. Если релятивная клауза является не-

распространенной², то она склонна оформляться в виде причастного оборота. Для распространенной релятивной клаузы выбор стратегии зависит от наличия у вершины иных релятивных зависимых: если они есть, предпочтительней причастие, если нет – *который*. Последнее утверждение, однако, представляется сомнительным. В [Мещерякова, 2016: 4] также отмечается, что зависимость между наличием других релятивных клауз при вершине и выбором определенной стратегии релятивизации «требует проверки на большей выборке», в связи с чем мы не будем учитывать этот признак в нашей работе.

Представленный в [там же] алгоритм очевидно не является полным, так как в связи с ограничениями, накладываемыми выбранным методом исследования, в него не вошли факторы из [Холодилова, 2014]. В рамках данной работы мы предприняли попытку дополнить этот алгоритм факторами из [там же].

2. Выбор стратегии релятивизации при воздействии противоположно направленных факторов: экспериментальное исследование

2.1. Дизайн эксперимента. Для проверки гипотезы о последовательном влиянии факторов на выбор говорящего был проведен психолингвистический эксперимент, в котором измерялось количество ответов с одной из двух конкурирующих стратегий в зависимости от того, какие факторы присутствовали в предложении. Эксперимент проводился в сети «интернет». В нем приняли участие 64 человека – 20 мужчин и 44 женщины, средний возраст – 24,5 лет.

Испытуемым предлагалось посмотреть на карточку-стимул с иллюстрацией и закончить предложение на русском языке в соответствии с тем, что они увидели. Каждый стимул включал: а) диаграмму Эйлера-Венна с двумя пересекающимися кругами-множествами; б) две иллюстрации, показывающие, о каких множествах идет речь, с подписями на русском языке; в) предложение, которое требуется закончить в соответствии с увиденным (рис. 1).

Испытуемые не знали об истинной цели эксперимента: им сообщалось, что опрос поможет экспериментатору понять, как влияют различные характеристики визуальных стимулов на порождение речи.

Время на выполнение задания не ограничивалось и не измерялось.

² В [Мещерякова, 2016] термин «распространенность» не используется. Вместо него мы встречаем следующую формулировку: «Релятивы длины менее трех слов в основном оформляются причастием <...> Для релятивов длиной более двух слов наблюдается конкуренция причастного оборота в постпозиции и стратегии с относительным местоимением» [там же: 4]. Так как при подсчете слов автор учитывал глагольные формы и относительные местоимения, можно сделать вывод о том, что придаточное с *который* способно составлять ощутимую конкуренцию причастному обороту, только если в релятивной клаузе помимо глагола и местоимения присутствует хотя бы еще одно слово.

*Завтра здесь будет проходить очень интересная встреча,
но на нее приглашаются только <...>*

Рис. 1. Экспериментальная карточка-стимул

2.2. Стимульный материал. Стимульный материал включал контексты, где на выбор стратегии релятивизации воздействовали факторы противоположной направленности, выделенные М.А. Холодиловой. При этом было решено упростить ряд формулировок и сбалансировать влияние ряда факторов.

Так, влияние стилистически-модусных факторов (*способ коммуникации, формальность текста*) не рассматривалось – материал был сбалансирован так, что во всех предложениях эксперимента использовался нейтральный стиль речи.

Факторы *большое количество знаменательных слов в клаузе, количество зависимостей у вершины больше одного, наличие внутри клаузы других зависимых клаузного типа, наличие отрицания и наличие сочинения* были объединены в один – *усложнение синтаксической структуры*. В эксперименте под стимулом с усложненной структурой понимался контекст, в котором присутствовали как минимум три из вышеперечисленных факторов. Так, в примере (6) мы видим большое количество знаменательных слов в клаузе, сочинение и отрицание.

(6) *У <...>, тем не менее, зарплата выше моей (дядя + так и не закончить университет и не пройти никаких курсов)*³.

³ Здесь и далее в примерах стимульного материала сначала дается предложение, с которым работали участники эксперимента, а затем, в скобках – вербальные стимулы, которые нужно было использовать для продолжения этого предложения.

Также были объединены факторы *рематичность* и *финальное положение ИГ с относительной клаузой*, поскольку в русском языке они, как правило, являются связанными. Комбинация факторов *рематичность + финальное положение* далее для удобства будет называться просто *рематичностью* (ср. (7)).

(7) *Помочь нашей студентке с курсовой мы попросили <...> (профессор Тестелец + долго изучать этот вопрос).*

Вербальный материал, из которого испытуемый должен был составить релятивную клаузу всегда был распространенным, чтобы избежать эффектов, описанных в [Мещерякова, 2016]. В качестве вершин для нерестриктивных релятивных клауз выступали имена собственные и подобные им уникальные объекты (*моя мама, вирус Эбола*). Чтобы избежать эффекта прайминга, в эксперименте не рассматривалось влияние на выбор стратегии релятивизации наличия у вершины других зависимых клаузального типа⁴.

В эксперименте было решено рассматривать влияние аккузатива на выбор стратегии релятивизации независимо от влияния «прочих падежей» в связи с особой ролью этого падежа в синтаксической структуре предложения. Для удобства ведения статистики и сравнения разных контекстов «прочие падежи» всегда были представлены инструменталисом (ср. (8)).

(8) *При покупке у нас домашних животных, клиенты, как правило, стремятся не связываться <...> (кошки + не уметь пользоваться лотком).*

Таким образом, было сформировано пять классов стимульных контекстов: четыре содержали комбинации противоположных по полярности факторов, в одном все факторы, кроме падежа вершины, отсутствовали. Так как присутствие факторов *вершина в номинативе, генитиве, аккузативе* и *инструменталисе* неизбежно в любом контексте (вершина релятивизации всегда стоит в определенном падеже), каждый класс стимулов содержал четыре контекста с вершинами в одном из рассматриваемых падежей: номинативе, генитиве, аккузативе или инструменталисе (табл. 1). Итого было получено 20 экспериментальных контекстов-стимулов.

Кроме того, в эксперименте было использовано 42 контекста-филлера, где вместо релятивной номинации объекта ожидалась или однословная номинация (*метро* в ответ на стимул *поезда + ходить под землей*), или номинация посредством нерелятивизованной именной группы (*карие глаза* в ответ на стимул *глаза + коричневый*). Таким образом, эксперимент включал 62 стимульных контекста.

⁴ Наиболее естественным и практически единственно возможным зависимым клаузального типа в наших контекстах является относительная клауза, добавление которой в стимульный материал неизбежно привело бы к праймингу.

Распределение факторов по видам контекстов

Вид контекстов	I	II	III	IV	V
Факторы	<i>Рестриктивность, рематичность</i>	<i>Рематичность</i>	<i>Рестриктивность, усложнение синтаксической структуры</i>	<i>Усложнение синтаксической структуры</i>	—
	Вершина в номинативе, вершина в генитиве, вершина в аккузативе, вершина в инструменталисе				

2.2 Интерпретация результатов. Результаты эксперимента (количество ответов с использованием каждой из конкурирующих стратегий релятивизации в зависимости от контролируемых параметров) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Выбор стратегии релятивизации в различных контекстах

Рематичность I вид контекстов	Падеж вершины релятивизации				Всего
	Nom	Gen	Acc	Instr	
Причастный оборот	40	29	38	23	130
Придаточное с <i>который</i>	16	16	12	28	72
II вид контекстов	Падеж вершины релятивизации				Всего
	Nom	Gen	Acc	Instr	
Причастный оборот	14	8	7	12	41
Придаточное с <i>который</i>	31	31	43	33	138
III вид контекстов	Падеж вершины релятивизации				Всего
	Nom	Gen	Acc	Instr	
Причастный оборот	3	1	4	3	11
Придаточное с <i>который</i>	34	13	17	19	83
IV вид контекстов	Падеж вершины релятивизации				Всего
	Nom	Gen	Acc	Instr	
Причастный оборот	5	5	7	4	21
Придаточное с <i>который</i>	31	17	26	14	88
V вид контекстов	Падеж вершины релятивизации				Всего
	Nom	Gen	Acc	Instr	
Причастный оборот	9	12	7	5	33
Придаточное с <i>который</i>	28	43	35	52	158

Количество представленных ответов в сумме не всегда равно количеству участников эксперимента (64), так как не все испытуемые, реагируя на экспериментальные стимулы, использовали ожидаемую номинацию объекта посредством **релятивизации**. Так, среди ответов на стимул, представленный на рис. 1, вместо ожидаемого *студенты*, *прочитавшие / которые прочитали «Дон-Кихота»*, встречалось *филологи* или *студенты-филологи*. У испытуемых также была возможность пропустить карточку-стимул, если они затрудняются в ответе. Чаще всего отказы от ответа и ответы без релятивизации наблюдались при обработке наиболее сложных для восприятия и когнитивно нагруженных контекстов III и IV группы (с усложненным синтаксисом).

Так как в рамках эксперимента статистически значимой разницы между контрольной группой (V) и группой с рематичными контекстами (II) выявлено не было (табл. 3), мы не можем подтвердить влияние фактора *рематичность* на выбор стратегии релятивизации и поместить его в наше дерево решений. Все остальные факторы заслуживают более детального рассмотрения.

Таблица 3

Соотношение стратегий релятивизации в II и V видах контекстов:
различие статистически не значимо (χ^2 , $P > 0,1$)

	II вид контекстов	II вид контекстов
Причастный оборот	41	33
Придаточное с <i>который</i>	138	158

Первая группа контекстов (*рематичность + рестриктивность*) – единственная, в которой причастные обороты встречались чаще, чем относительные придаточные со словом *который* (ср. (9) – 38 ответов vs. (10) – 12 ответов).

(9) *Он поговорил не со всеми гостями: он не заметил девушек, сидевших на диване.*

(10) *Он поговорил не со всеми гостями: он не заметил девушек, которые сидели на диване.*

Разница в частоте по сравнению со второй и пятой группами статистически значима (табл. 4 и 5).

Таблица 4

Соотношение стратегий релятивизации в I и II видах контекстов:
различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,001$)

	I вид контекстов	II вид контекстов
Причастный оборот	130	41
Придаточное с <i>который</i>	72	138

Таблица 5

**Соотношение стратегий релятивизации в I и V видах контекстов:
различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,001$)**

	I вид контекстов	II вид контекстов
Причастный оборот	130	33
Придаточное с <i>который</i>	72	158

Таким образом, рестриктивность клаузы значима при выборе стратегии релятивизации.

Однако экспериментальные данные показывают, что этот признак перестает играть важную роль в выборе стратегии релятивизации, если клауза является синтаксически сложной. Сравнив ответы респондентов в контекстах с рестриктивными (11) и нерестриктивными (12) предложениями сложной структуры (группы III и IV соответственно) мы не обнаружили статистически значимой разницы в частоте использования той или иной стратегии релятивизации (табл. 6).

(11) *Специалистов, **которые умеют** <умеющих> пользоваться компьютером и больше нигде **не работают** <не работающих>, очень трудно найти (ответов: 7 прич. vs 26 который).*

(12) *У моего дяди, **который так и не окончил** <так и не окончившего> университет и **не прошел** <не прошедшего> никаких курсов, зарплата тем не менее была выше моей (ответов: 1 прич. vs 13 который).*

Таблица 6

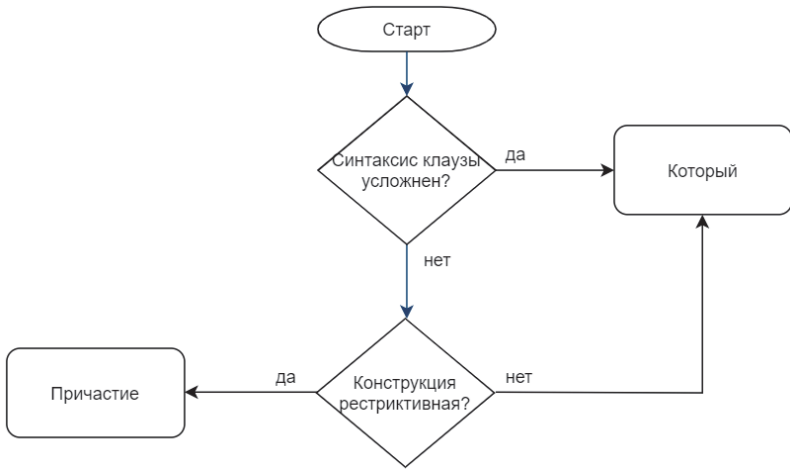
**Соотношение стратегий релятивизации в III и IV видах контекстов:
различие статистически не значимо (χ^2 , $P > 0,005$)**

	III вид контекстов	IV вид контекстов
Причастный оборот	11	21
Придаточное с <i>который</i>	83	88

В обоих типах контекстов респонденты при использовании релятивной стратегии предпочитали относительные придаточные с *который*. Значит, при сложности синтаксиса рестриктивность клаузы не влияет на выбор стратегии релятивизации. Иными словами, фактор *усложнение синтаксической структуры* является более приоритетным по сравнению с фактором *рестриктивность*. Тем самым, получаем следующую промежуточную схему принятия решений при выборе стратегии релятивизации⁵:

⁵ За идею представления полученных выводов в виде дерева решений мы благодарим анонимного рецензента.

Предварительный алгоритм выбора стратегии релятивизации

В схеме 1 присутствуют все рассмотренные в исследовании факторы, помимо падежа вершины и оказавшейся статистически не значимой рематичности.

При сравнении ответов на стимулы, которые отличались по падежу вершины, но принадлежали к одной и той же группе контекстов, статистически значимые различия были зафиксированы только в двух случаях.

Вершины в инструменталисе модифицировались придаточным с *который* значительно чаще, чем вершины в номинативе, аккузативе и генитиве в первой (*рестриктивность + рематичность*, см. (13), (14)) и пятой (отсутствие каких-либо факторов, кроме падежа, см. (15) и (16))⁶ группах контекстов. В контекстах I группы придаточное с *который* оказалось самой частотной стратегией релятивизации только для вершин в творительном падеже (14).

(13) *Завтра здесь будет проходить очень интересная встреча, но на нее приглашаются только студенты^{ном}, **которые прочитали <прочитавшие>** «Дон-Кихота» (ответов: 40 прич. vs. 16 *который*).*

(14) *При покупке у нас домашних животных, клиенты, как правило, стремятся не связываться с кошками^{инст}, **которые не умеют <не умеющими>** пользоваться лотком (ответов: 23 прич. vs 28 *который*).*

(15) *Моя мама^{ном}, **которая родилась <родившаяся>** в 1973, году сохранила яркие воспоминания о периоде правления Ельцина (ответов: 9 прич. vs 28 *который*).*

⁶ Далее в этом разделе речь идет только о номинативе, однако аккузатив и генитив всегда ведут себя аналогичным образом.

(16) *С ее сыном^{инст}, который иногда крадет<иногда крадущим> деньги, дружить, наверное, не стоит (ответов: 5 прич. vs 52 который).*

В то же время во второй ((17), (18)), третьей ((19), (20)) и четвертой ((21), (22)) группах контекстов статистически значимые различия в употреблении причастного оборота или придаточного с *который* в зависимости от падежа вершины не обнаружены – номинатив не влечет за собою рост частотности причастной стратегии. Номинативные вершины не склонны чаще оформляться причастием и при отсутствии других факторов.

(17) – *Кто из этих гастроэнтерологов считается лучшим специалистом?*

– *Лучший в Зеленограде – Доктор Кромин^{ном}, который сидит <сидящий> вон там (ответов: 14 прич. vs 31 который).*

(18) – *Чем она заболела?*

– *Она заразилась вирусом эбола^{инст}, который передается <передающимся> передаваться через кровь (ответов: 12 прич. vs 33 который).*

(19) *Моя сестра^{ном}, которая в прошлом работала <в прошлом работавшая> на заводе, где производятся микроволновки Horizont, рекомендовала их не покупать (ответов: 3 прич. vs 34 который).*

(20) *Нам не хватит денег на то, чтобы заключить договор с этой звездой^{инст}, которая отказалась <отказавшейся> делать нам скидку после того, как ей вручили Гремми (ответов: 3 прич. vs 19 который).*

(21) *Я считаю, что студенты^{ном}, которые провели <проведшие> всю ночь, готовясь к экзаменам, не будут бояться сесть за первую парту (ответов: 5 прич. vs 31 который).*

(22) *Лекарствами^{инст}, которые не производятся <не производящимися> в России и не продаются <не продающимися> за рубежом в нашем городе торгуют всего пара компаний (ответов: 4 прич. vs 14 который).*

Полученные результаты свидетельствуют о том, что нахождение вершины в номинативе не является фактором, способствующим использованию одной из стратегий. Однако таковым как будто является нахождение вершины в инструменталисе: существительные в этом падеже более склонны модифицироваться релятивной клаузой с *который*.

При взгляде на абсолютные числовые значения фактор нахождение вершины в инструменталисе выглядит более приоритетным по сравнению с рестриктивностью, однако эти данные не позволяют утверждать, что при столкновении этих двух факторов одна из стратегий становится более предпочтительной. В I (рестриктивной) группе контекстов соотношение *который* и причастия при вершинах

в инструментале стремится к 1:1, в связи с чем мы не можем признать *нахождение вершины в инструменталисе* самостоятельным фактором, влияющим на выбор стратегии релятивизации.

Таблица 7

Соотношение стратегий релятивизации в предложениях I вида контекстов в зависимости от падежа: различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,001$)

	Вершина относительной конструкции в:	
	Номинативе	Инструменталисе
Причастный оборот	40	23
Придаточное с <i>который</i>	16	28

Таблица 8

Соотношение стратегий релятивизации в предложениях V вида контекстов в зависимости от падежа: различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,005$)

	Вершина относительной конструкции в:	
	Номинативе	Инструменталисе
Причастный оборот	9	5
Придаточное с <i>который</i>	28	52

Тем не менее статистически значимое различие в способе релятивизации вершин в номинативе/генитиве/аккузативе и вершин в инструменталисе, вероятно, можно объяснить тем, что *нахождение вершины в инструменталисе* является одним из элементов усложненной синтаксической структуры, а значит, может снижать вероятность релятивизации посредством причастия, но не так значительно, как комбинация из нескольких факторов.

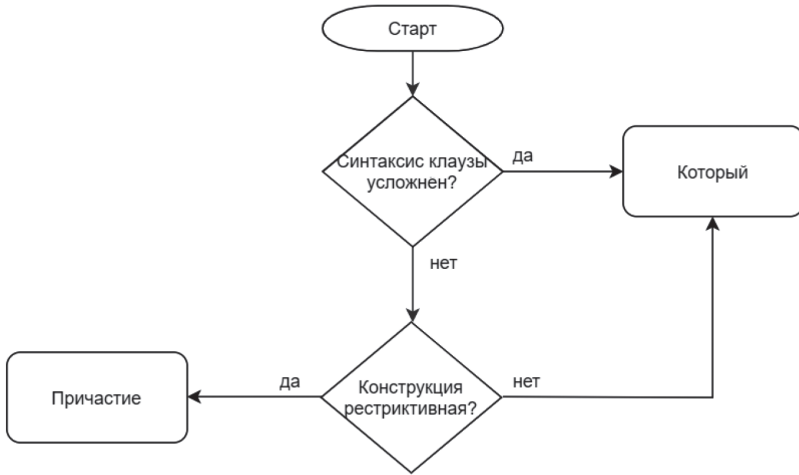
Описанные падежи отличаются с точки зрения синтаксиса. Номинатив, генитив и аккузатив – это структурные падежи, а инструменталис – ингерентный⁷. В лингвистике широко распространено мнение, что присвоение и обработка ингерентных падежей требует от говорящего большего числа когнитивных усилий.

Если наша гипотеза про влияние ингерентности на сложность синтаксической структуры верна, то нахождение вершины в дативе и локативе тоже должно способствовать употреблению придаточного с *который*.

Таким образом, в результате эксперимента получаем следующий алгоритм выбора стратегии релятивизации (схема 2).

⁷ Идея о том, что генитив – это ингерентный падеж, не является общепринятой. Подробнее см. обсуждение в [Лютикова, 2017: 128–139]. Наши данные скорее – аргумент в пользу этой идеи.

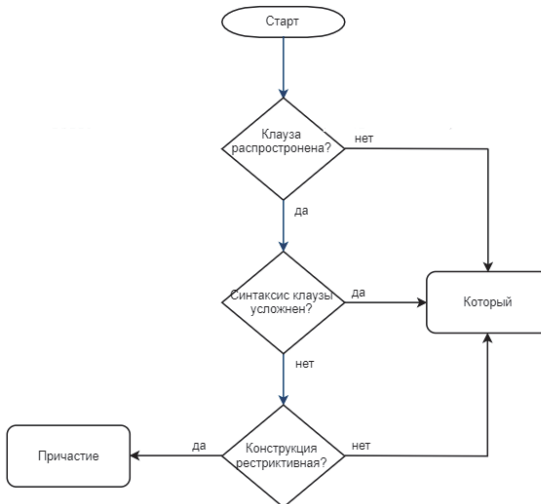
Финальный алгоритм выбора стратегии релятивизации

С учетом свидетельств из [Мещерякова, 2016] о влиянии распространенности на выбор стратегии релятивизации финальный алгоритм будет начинаться с ответа на вопрос «Клауза распространена?», так как синтаксически усложненная клауза заведомо распространенная (схема 3).

Схема 3

Финальный алгоритм выбора стратегии релятивизации с учетом [Мещерякова, 2016]

⁸ Поскольку фактор падеж вершины, как было показано, не играет роли в выборе стратегии релятивизации, схема 2 идентична представленной выше схеме 1.

3. Заключение

В современном русском языке выбор одной из двух основных стратегий релятивизации (который vs. причастие) зависит от наличия в предложении определенных признаков (вслед за [Холодилова, 2014] именуемых нами *факторами*), ранжированных по степени важности. Часть факторов способствуют употреблению стратегии с *который*, часть – стратегии с причастием. При выборе стратегии релятивизации говорящий смотрит не на наличие в клаузе всех факторов единовременно, а последовательно осуществляет поиск одного фактора за раз, начиная с самого приоритетного. В нашем исследовании таковым оказался признак *распространенность*.

Так, если релятивная клауза не распространена, с большей долей вероятности она будет оформляться посредством причастия. Если же она распространена, то говорящий должен ориентироваться на то, является ли клауза синтаксически сложной. Если да, то вводится она будет посредством *который*, если же – нет, то стратегия релятивизации будет зависеть от того, является ли клауза рестриктивной. Согласно нашим данным, рестриктивные клаузы более склонны оформляться с помощью причастия, а нерестриктивные – с помощью относительного местоимения *который*.

Данный алгоритм может быть использован для автоматического порождения русской речи, а также при обучении иностранцев русскому языку.

Список литературы

1. Лютикова Е.А. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 436–511.
2. Лютикова Е.А. Формальные модели падежа: теории и приложения. М., 2017.
3. Мецерекова Е.И. Регрессионный анализ факторов, влияющих на выбор стратегии релятивизации подлежащего в русском языке. Выпускная квалификационная работа. М., 2016.
4. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998.
5. Сай С.С. Причастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. М., 2011.
6. Сидорова М.Ю. Коммуникативно-функциональная грамматика и традиционные синтаксические объекты (придаточное определительное с союзным словом «*который*») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2015. № 6. С. 24–34.
7. Холодилова М.А. Релятивизация позиции посессора в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2011а. № 21. С. 5–46.
8. Холодилова М.А. Релятивизация О-участника при пассиве в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. СПб., 2011б.
9. Холодилова М.А. Конкуренция основных стратегий релятивизации подлежащего в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2014. № 10 (2). С. 478–509.

Alexander Orlov, Anna Leontyeva

**DISTRIBUTION OF RELATIVE CLAUSES WITH
KOTORYJ AND A PARTICIPLE IN THE RUSSIAN
LANGUAGE**

*National Research University 'Higher School of Economics',
20 Myasnitskaya Street, Moscow, 101000.*

There are two common relativization strategies in the Russian language: relativization with a relative pronoun *kotoryj* (roughly translatable into English as *that*) and relativization with a participle. Even though these two constructions do not show a significant difference in meaning, they are not fully interchangeable. The Russian language has several documented contexts (also known as “factors”), which makes one of the strategies more likely to appear in a sentence with the factor. These factors are not bound to each other. Therefore, they can appear in various combinations, including the cases when within one sentence there are two different factors which trigger two different strategies. We show that in such cases, relativization strategy will not be chosen randomly. There is a special conflict-solving algorithm which we display as a result of our psycholinguistic experiment. In this experiment the respondents were to fill the gaps in the sentences with various factors combinations, using relative constructions. The analysis of how the ratio of the two strategies changed in the respondents’ answers depending on the factors present in the sentence confirmed the hypothesis that the factors analyzed are ranked according to their importance for the choice of the strategy. The speaker, who is to make a choice between *kotoryj* and a participle, will not look for all the factors listed in this work at the same time. At each stage of the algorithm s/he has to identify in the sentence one of the discussed factors, starting from the most important one and going down the ranks. When such a factor is found, one of the two relative strategies will be chosen and the algorithm will be stopped, even if some other, less important factors are yet unidentified in the sentence.

Key words: relativization; participle; *kotoryj*; the Russian language.

About the authors: *Alexander Orlov* – PhD Student, School of Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics* (e-mail: alexander.orlov@gmail.com); *Anna Leontyeva* – PhD, Teaching Fellow, School of Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics* (e-mail: aleonteva@hse.ru).

References

1. Lyutikova E.A. Otnositel'nye predlozheniya s soyuznym slovom *kotoryj*: obshchaya kharakteristika i svoystva peredvizheniya [The Relative Clauses with the relativizing pronoun *kotoryj*: general characteristics and movement features]. *Korpusnye issledovaniya po russkoj grammatike* [Corpus studies on Russian grammar]. Moscow, 2009, pp. 436–511. (In Russ.)
2. Lyutikova E.A. *Formal'nye modeli padezha: teorii i prilozheniya* [Formal Models for Case: Theory and Application]. Moscow, 2017. (In Russ.)

3. Mescheryakova E.I. *Regressionnyj analiz faktorov, vliyayuschikh na vybor strategii relyativizacii podlezhashego v russkom yazyke* [Regression analysis of the factors that have an impact on the choice of the relativization strategy of a subject in the Russian Language]. Moscow, NRU 'HSE', 2016.
4. Rozental' D.E., Dzhandzakova E.V., Kabanova N.P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznasheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [Handbook on Orthography, Pronunciation, Literature Editing]. Moscow, 1998. (In Russ.)
5. Saj S.S. Prichastie [Participle]. *Materials for the corpus of Russian Grammar* (<http://rusgram.ru>). As a manuscript. Moscow, 2011.
6. Sidorova M.Yu. Kommunikativno-Funkcional'naya grammatika i tradicionnyye sintaksicheskie ob"ekty (pridatochnoe opredelitel'noe s soyuznym slovom "kotoryj") [The Communicative-functional Grammar and Conventional Syntactic Objects (the attributive subordinate with a conjunction like word "kotoryj")]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9. Philology* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]. 2015. № 6. (In Russ.)
7. Kholodilova M.A. Relyativizaciya pozicii posessora v russkom yazyke [Relativization of a Possessor Position in the Russian Language]. *Russkij yazyk v nauchnom osvyashhenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2011a. № 21. (In Russ.)
8. Kholodilova M.A. Relyativizaciya O-uchasnika pri passive v russkom yazyke [Relativization of an O-object in the Russian Language]. *Bachelor's graduation project in Linguistics*. Saint Petersburg, Saint-Petersburg, State University, 2011b. (In Russ.)
9. Kholodilova M.A. Konkurenciya osnovnyx strategij relyativizacii podlezhashego v russkom yazyke [Competition between the Main Strategies of Relativization in the Russian Language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Papers in Linguistics by the Russian Academy of Science*, 2014, № 10 (2), pp. 478–509. (In Russ.)

К.М. Шилихина

ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ СМЕХА ПО ДАННЫМ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1*

В статье на материале параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка проводится анализ употребления английских глаголов смеха *laugh*, *giggle* и *chuckle* и их переводов на русский язык в художественных текстах. Анализ словарных дефиниций показывает, что для описания значения глагола смеха могут быть важны три основные семы: «качество вокализации», «эмоциональное состояние смеющегося» и «намерение смеющегося». Поскольку данные компоненты могут образовывать различные комбинации, семантическая структура английских и русских глаголов смеха, которые считаются переводными эквивалентами, совпадает далеко не всегда. Например, при сходном качестве вокализации смех может быть вызван нервным напряжением (англ. *giggle*) либо отражать желание смеющегося выразить насмешку (рус. *хихикать*). Следствием такого несовпадения является многообразие способов перевода этих глаголов с английского на русский язык, не фиксируемое двуязычными словарями. Выбор переводного эквивалента может зависеть от того, какой из смысловых компонентов в значении глагола окажется для переводчика наиболее важным: «звуковой», «эмоциональный» или «интенциональный». Анализ разнообразных переводческих решений позволяет также говорить о творческом подходе к выбору переводного эквивалента: в тексте перевода описание смеха персонажа может быть более детальным либо содержать коннотации, которых нет в тексте оригинала. Такое переводческое решение можно считать оправданным, если описание смеховой ситуации дополняет общий образ персонажа. Однако в ряде случаев такие добавления искажают смысл текста оригинала, а описание смеховой ситуации противоречит образу персонажа, нарушая его целостность. Таким образом, анализ данных параллельного корпуса позволяет оценить переводческие решения с точки зрения их эквивалентности.

Ключевые слова: параллельный корпус; перевод; эквивалентность; вариативность; глаголы с семантикой смеха.

Смех является одним из важнейших действий в жизни человека: это своего рода социальный знак, который позволяет отделять «своих» от «чужих», демонстрировать расположение или неприязнь, выражать

Шилихина Ксения Михайловна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета (e-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru).

удовольствие, одобрение или критику [Козинцев, 2007; Chafe, 2007; Trouvain & Truong, 2017]. Социальной и психологической значимостью смеха можно объяснить существование в языках мира ЛСГ глаголов смеха, семантика которых отражает важные для носителей языка компоненты смеховой ситуации [Hempelman & Gironzetti, 2015; Hempelmann, 2017].

Анализ дефиниций глаголов смеха в англоязычных и русскоязычных толковых словарях позволяет выделить в значениях этих глаголов три основных семантических компонента: качество вокализации (интенсивность смеха, громкость, высоту голоса), эмоциональное состояние смеющегося (нервное возбуждение, радость и т.д.), его намерения (в частности, выражение одобрения или критики). Например, дефиниция глагола *giggle* включает следующий набор сем: “to laugh” + “in a nervous, excited or silly way” + “that is difficult to control”. Аналогичным образом может быть описана семантика любого глагола смеха, даже в том случае, если «смеховое» значение возникает в результате метафорического переноса (например, русский глагол *ржать*, употребляемый в переносном значении, может быть описан с помощью следующего набора смысловых компонентов: «смеяться» + «чрезмерно громко» + «несдержанно»).

Существует проблема описания глаголов смеха в двуязычных словарях: зачастую в словарную статью включается один-два переводных эквивалента, которые не раскрывают полностью семантическую структуру глагола в исходном языке. Следовательно, используя предлагаемый словарем эквивалент, переводящий должен делать сознательный семантический выбор, однако при этом количество вариантов, «одобренных» двуязычным словарем, весьма ограничено. Например, для уже упомянутого английского глагола *giggle* традиционно переводным эквивалентом считается русский глагол *хихикать*, дефиниции которого в толковых словарях под ред. Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой включают семы «смеяться тихо» + «со злорадством». В семантической структуре русского *хихикать* нет семы «неподконтрольности» смеха, вызванной нервным напряжением того, кто хихикает. Неполная семантическая эквивалентность двух глаголов в данном случае очевидна.

Решением проблемы подбора переводного эквивалента в этом случае может стать обращение к параллельным корпусам: они дают возможность наблюдать вариативность в использовании языка и обнаруживать такие переводческие решения, которые не фиксируются словарями [Добровольский, 2009; Добровольский, Шмелев, 2018]. Параллельный корпус позволяет проверить интуицию переводчика или лексикографа и обнаружить полноту (точнее, принципиальную неполноту) словарного описания. В сравнении со словарем корпус

демонстрирует более широкий спектр переводных эквивалентов и позволяет оценивать уровень переводческого мастерства, творческую составляющую и качество перевода.

Дальнейший анализ способов перевода глаголов смеха с английского языка на русский будет проведен на примере глаголов *to laugh*, *to giggle*, *to chuckle* и вариантов их перевода, содержащихся в параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Глагол *laugh* в словарях и переводах

Глагол *to laugh* является доминантой синонимического ряда глаголов с семантикой смеха. Согласно словарю Macmillan English Dictionary, он имеет два значения:

1) make the noise with your voice that shows you think something is funny;

2) show that you think someone or something is stupid or deserves no respect [www.macmillandictionary.com].

Англо-русский словарь общей лексики АБВУ Lingvo предлагает для глагола *laugh* весьма компактную словарную статью:

Laugh, гл.

1) смеяться; рассмеяться;

2) со смехом сказать, произнести [www.lingvolive.com].

Кроме того, в англо-русском словаре АБВУ Lingvo выделяется фразовый глагол *to laugh at* со значением «высмеивать кого-либо, смеяться над кем-либо».

В параллельном подкорпусе НКРЯ содержится более пяти тысяч контекстов с лексемой *laugh*. Уже первая сотня примеров демонстрирует большую вариативность в переводе глагола *laugh*:

[1] *You know kids when they're sore at you. They won't laugh or anything.*

Знаете, как ребята обижаются. Они даже **смеяться** не станут, ни в какую.

[2] *He turned to the audience with an embarrassed sigh. "And if I find which one of you provided that article, I'll have the consulate deport you." The crowd laughed.*

Он вздохнул и оглядел аудиторию. – И если я только узнаю, кто приволок сюда этот журнал, потребую вышвырнуть мерзавца вон. **Все снова дружно расхохотались.**

[3] *Stettner tried to redeem himself. "Because it's so pretty?" Everyone laughed.*

Стетнер и тут не упускает случая пошутить: – Потому, что оно такое красивое, да? **Аудитория разражается смехом.**

[4] *And often the ear of corn would simply slip out of their hands, and everyone would laugh yet again.*

А время от времени початок и вовсе выскальзывал у них из рук, и **окружающие опять принимались хохотать.**

[5] *When they reached the seventh floor, they heard two men laugh as somebody told a joke.*

Когда сироты добрались до седьмого этажа, они услышали, как за дверью **заливисто хохочут двое мужчин**, будто их рассмешили какой-то удачной шуткой.

Приведенные примеры позволяют увидеть, что выбор переводчиков не ограничивается вариантами, которые предлагают словари. Наряду с глаголом *смеяться* / *засмеяться* часто используются глаголы *хохотать* и *расхохотаться*, в семантике которых есть дополнительная сема качества вокализации – «громко». Помимо указания на громкость смеха, параллельные тексты позволяют оценить, где происходит потеря или приращение смысла в тексте перевода. Так, в примере [2] толпа не просто *смеется*, а *дружно хохочет*, в примере [5] двое мужчин *заливисто хохочут*, т.е. переводчик описывает интенсивность и громкость смеха, добавляя семантические компоненты, отсутствующие в тексте оригинала.

Глагол *giggle* в словарях и переводах

В английском языке глагол *giggle* – *laugh in a nervous, excited or silly way that is difficult to control* – обозначает трудно контролируемый смех, который может быть вызван нервным напряжением или возбуждением.

Для глагола *giggle* словарь ABBYY Lingvo предлагает единственный эквивалент – *хихикать*, значение которой толковые словари русского языка описывают как «*смеяться тихо или исподтишка, со злорадством*». Возникает вопрос, в какой степени эти глаголы являются семантическими эквивалентами: с одной стороны, и *giggle*, и *хихикать* являются звукоподражательными глаголами, обозначающими один и тот же звук. С другой стороны, для носителей английского языка этот звук ассоциируется с нервным напряжением, а для говорящих на русском языке часто важен недобрый замысел смеющегося.

Посмотрим, какими способами переводится английский глагол *giggle* на русский язык. Параллельный подкорпус НКРЯ фиксирует 202 вхождения этой лексемы. Действительно, наиболее частотным вариантом перевода глагола *to giggle* является русская лексема *хихикать*:

[6] *Old Tom would snigger, and Jane, Crutch-ley's girl from Sanitation, she was always in our office, would giggle.*

И старина Том ухмыльнется, а Джейн, подружка Крачли (она из отдела канализации, но вечно торчит у нас, в налоговом) – **хихикнет**.

Однако, помимо **хихикать**, параллельный корпус дает целый ряд примеров с другими вариантами перевода:

[7] *My sister appeared in the doorway, cradling the baby, who currently had drool halfway down his chubby chin but **was now giggling contentedly**.*

В дверном проеме показалась моя сестра с малышом на руках; Айзек пускал слюни и **довольно гулил**.

В данном контексте важным оказывается именно звук, который издает младенец. Очевидно, что младенец не может смеяться с недобрыми намерениями, поэтому глагол **хихикать** в данном контексте не может служить переводным эквивалентом и заменяется на **гулить**.

[8] *“That’s true,” said the pimpled man, **who seemed willing to giggle at one person or another**.*

– Да, верно, – подтвердил прыщавый. **Видно было, что ему все равно над кем – только бы посмеяться.**

Пример [8] иллюстрирует случай, когда важен не звук, а намерение, на которое указывает предлог *at* (ср. изменение значения у глагола *laugh at*, упомянутое выше). Поэтому в качестве переводного эквивалента используется глагол **смеяться / посмеяться над кем-либо** в значении «насмехаться, издеваться».

В примере [9] появление глагола **хмыкнуть** в качестве переводного эквивалента можно объяснить желанием переводчиков сделать акцент на «звуковом» аспекте поведения персонажа, однако при этом в переводе оказался утрачен «смеховой» компонент.

[9] *Julia **giggled**, preparing for a delectable evening.*

Джулия **хмыкнула**, предвкушая восхитительный вечер.

Отдельный интерес представляют случаи, когда «смеховой» компонент в речи персонажа остается непереуведенным. В результате теряются важные для понимания текста смысловые компоненты:

[10] *The old man’s fingers were trembling most terribly as they fumbled with the wrapper. “We don’t have a hope, really,” he whispered, **giggling a bit**. “You do know we don’t have a hope, don’t you?”*

Когда дедушка взялся за шоколадку, руки у него задрожали. – Надеяться не на что, – прошептал дедушка. – Ты ведь понимаешь, что надеяться не на что?

В тексте оригинала последовательно подчеркивается нервное возбуждение героя. Глагол *giggle* указывает на то, что эмоциональное напряжение проявляется не только в движениях, но и в голосе персонажа. Однако в русском переводе на возбуждение и волнение дедушки указывает только дрожание рук. Таким образом, данный контекст может служить примером переводческой потери, которая касается не столько информационного, сколько эмоционального аспекта восприятия текста.

Глагол *chuckle* в словарях и переводах

Глагол *chuckle* – *laugh quietly, especially in a private or secret way* – в своей семантике имеет «звуковой» компонент (тихий смех) и эмоционально-психологический компонент (это смех, который не предназначен для внешнего наблюдателя).

Словарь ABBYY Lingvo предлагает только два переводных эквивалента: *chuckle* – *тихо смеяться, посмеиваться*, каждый из которых отражает один их компонентов значения английского *chuckle*: либо невысокую громкость, либо то, что смеющийся старается делать это скрытно, незаметно для окружающих.

НКРЯ содержит 332 контекста с глаголом *chuckle*. В русских переводах для этого глагола используется большое разнообразие эквивалентов, причем ни один из переводов нельзя оценить как «неправильный»:

[11] “It is, Mr. Langdon.” The pilot **chuckled**.

– Так оно и есть, мистер Лэнгдон! – **коротко хохотнул** пилот.

[12] “I suppose you college pros don’t know anything about industrial laundries?” Jackson **chuckled**.

Я уверен, что ваши умники в колледже ничего не знают об автоматических прачечных. **Джексон фыркнул**.

[13] The man **chuckled slightly**. “An automatic system,” he said and gave a small sigh.

Он **насмешливо хмыкнул**. – Автоматика, – сказал он, и слегка вздохнул.

[14] After all, and he **chuckled** here, in a way, I am a layman.

Ведь в конце-то концов, – он **добродушно засмеялся**, – в известном смысле я и есть профан.

Вариативность переводов для английского *chuckle* – от *насмешливо хмыкнул* до *добродушно засмеялся* – позволяет увидеть, что в русских текстах описываются разные способы звучания смеха и разные эмоциональные состояния смеющихся. За всеми вариантами перевода стоит желание переводчиков передать эмоциональное состояние персонажей, однако это состояние не соответствует значению английского глагола, описывающего тихий смех, не предназначенный для явной демонстрации окружающим. Обратим внимание и на то, что в большинстве контекстов в переводах появляются наречия, описывающие эмоциональное состояние персонажей. Такую детализацию можно объяснить стремлением к пояснению «скрытого смысла», который, по мнению переводчика, содержит текст оригинала (о тенденции переводных текстов к пояснению более подробно см. [Рум, 2010]).

В ряде контекстов переводчики выбирают такие способы перевода, которые не только указывают на смеховую ситуацию, но и служат характеристикой смеющихся персонажей:

[15] Crabbe and Goyle **chuckled**. Harry, who was measuring out powdered spine of lionfish, ignored them.

Краббе и Гойл **гаденько захихикали**. Гарри, в тот момент отмерявший толченые позвонки рыбы-льва, предпочел не обращать на них внимания.

В примере 15 (переводчик – М. Спивак) с помощью словосочетания *гаденько захихикали* переводчик вводит дополнительные смыслы, прямо не выраженные в тексте оригинала. Негативная коннотация в русском тексте дополняет общую отрицательную характеристику персонажей, однако вряд ли данный перевод можно считать эквивалентным.

Еще один пример творческого подхода к выбору переводного эквивалента представлен в примере 16:

[16] *Up at the High Table, Dumbledore had swapped his pointed wizard's hat for a flowered bonnet, and was **chuckling merrily at a joke** Professor Flitwick had just read him.*

За Высоким Столом сидел Думбльдор, сменивший остроконечный колдовской головной убор на соломенную шляпку с цветами, **он весело кудахтал над анекдотом**, который ему только что рассказал профессор Флитвик.

В тексте оригинала персонаж весело посмеивается, очевидно, не привлекая внимания окружающих к своему смеху. Однако в русском переводе М. Спивак использует словосочетание *весело кудахтать*. Можно ли считать такой вариант перевода эквивалентным?

Отметим, что глагол *кудахтать* может употребляться в переносном значении для описания торопливой, суетливой женской речи, и такое значение фиксируется толковыми словарями. В переводе *кудахтать* акцентирует внимание на качестве вокализации, однако такой перевод может быть подвергнут критике, поскольку существующая в русском языке ассоциация кудахтанья с суетливой речью женщины противоречит создаваемому в книге Дж. Роулинг образу волшебника Дамблдора.

Данные параллельного подкорпуса демонстрируют большое разнообразие способов перевода глагола *chuckle*, причем спектр эмоций, соответствующих английскому глаголу *chuckle*, оказывается практически безграничным: от *гаденького хихиканья* до *добродушного смеха*. Такое разнообразие переводов может служить сигналом того, что в случае с английским глаголом *chuckle* мы имеем дело с лексемой, которая в определенной степени может считаться лингвоспецифичной, ср. мнение А.Д. Шмелева: «... обилие “эквивалентов” (а вернее – неточных аналогов) является надежным свидетельством лингвоспецифичности» [Шмелев, 2015: 586]. Хотя *chuckle* и не является ядром синонимического ряда глаголов смеха, его перевод

на русский язык требует переводческих трансформаций, например, регулярного употребления поясняющих наречий при глаголах смеха.

Данные параллельного корпуса позволяют увидеть, что семантические различия между русскими и английскими глаголами смеха касаются комбинаций семантических компонентов, необходимых для описания ситуации смеха: если компонент «качество издаваемого звука» может совпадать (как у глаголов *giggle* и *хихикать*), то эмоциональный компонент и компонент коммуникативного намерения могут различаться. Следовательно, при переводе необходимо либо делать выбор в пользу «звуковой» составляющей, либо акцентировать внимание на эмоционально-психологическом состоянии персонажа. Во втором случае вариативность в выборе переводного эквивалента увеличивается.

Подведем некоторые итоги. Параллельный корпус – это источник, который позволяет отследить не только регулярные межъязыковые соответствия, но и уникальные, творческие переводческие решения. Анализ даже небольшой части ЛСГ глаголов с семантикой смеха показывает, что данные корпуса могут служить «лакмусовой бумагой» проверки интуиции переводчика и иллюстрировать языковую вариативность, которая далеко не всегда очевидна для тех, кто имеет дело с иностранным языком. Систематизация вариантов перевода вырабатывает критическое и одновременно творческое отношение к проблеме выбора переводного эквивалента: корпус помогает обнаружить случаи переводческих неудач, которые можно объяснить недостаточным вниманием переводчика к отдельным компонентам значений слов в тексте оригинала. Кроме того, поскольку корпуса позволяют наблюдать вариативность в использовании языка, еще одним важным следствием привлечения параллельных корпусов для анализа переводческих решений является тот факт, что утверждения о «правильности» и «неправильности» перевода теперь носят не абсолютный, а вероятностный характер.

Список литературы

1. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 383–401.
2. Добровольский Д.О., Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные единицы, работы с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *что ни говори* // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 34–48.
3. Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб., 2007. 236 с.
4. Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2015. С. 584–594.

5. *Chafe W.* The importance of not being earnest: The feeling behind laughter and humor. Amsterdam; Philadelphia, 2007. 168 p.
6. *Hempelmann C.F., Gironzetti E.* An interlingual study of the lexico-semantic field LAUGH in Ken Kesey's *One flew over the Cuckoo's nest* // *Journal of Literary Semantics*. 2015. No. 44 (2). P. 141–167.
7. *Hempelmann C.F.* Key Terms in the Field of Humor // *The Routledge Handbook of Language and Humor* / Ed. by S. Attardo. N.Y.; L., 2017. P. 34–48.
8. *Pym A.* Exploring Translation Theories. N.Y., 2010. 201 p.
9. *Trouvain J., Truong K.P.* Laughter // *The Routledge Handbook of Language and Humor* / Ed. by S. Attardo. N.Y.; L., 2017. P. 340–355.

Ksenia Shilikhina

LAUGHTER VERBS: EVIDENCE FROM A PARALLEL CORPUS

Voronezh State University

1 Universitetskaya Square, Voronezh, Russia, 394018

The paper analyzes the verbs of laughter *laugh*, *giggle* and *chuckle* and their Russian translations. The analysis is based on the data of the literary works included in the parallel subcorpus of the National Russian Corpus. The meaning of the laughter verbs can potentially include three semantic components: “quality of the sound of laughter”, “emotional state,” and “the intention of the laughing person”. Since these components can be combined in different ways, the semantic structure of the laughter in Russian and English can differ. Consequently, there is a variety of translations of the English verbs of laughter into Russian. However, this variety of translation equivalents is not reflected in dictionaries. The translator adds an equivalent subject to the semantics of a word. The analysis of the translation equivalents demonstrates that the translator’s choice can be quite creative. In some texts, translators intentionally add details to the description of the situation of laughter to create a more holistic image of the character. At the same time, there are translations in which the original meaning is substituted with the translator’s interpretation of the situation, and the chosen translation technique contradicts the general image of the character. Research proves that data from the parallel corpus can be used for the evaluation of translation equivalence.

Key words: parallel corpus; translation; equivalence; variation; verbs of laughter.

About the author: *Ksenia Shilikhina* – Prof. Dr., Assoc. Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University (e-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru).

References

1. Dobrovol'skij D.O. Korpus paralelnykh tekstov v issledovanii kulturno-spetsifichnoj leksiki. [Parallel Corpus in the Studies of Culturally Specific Vocabulary] *Natsionalnyj korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezultaty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New Results and Perspectives]. Saint-Petersburg: *Nestor-Istoriya*, 2009, pp. 383–401.
2. Dobrovol'skij D.O., Shmelev A.D. Russkie ligvospetsifichnye edinit'sy, rabota s nimi pri raznykh strategiyakh perevoda i russkaja konstruksiya *chto ni govori* [Russian

language-specific items and their correlates in translation: The case of *chto ni govori* 'say what you will']. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, № 5, pp. 34–38.

3. Kozintsev A.G. Chelovek i smekh. [A Human and Laughter] Saint-Petersburg: *Aleteia*, 2007. 236 p.
4. Shmelev A.D. Russkie lingvospetsifichnye leksicheskie edinit'sy v paralelnykh korpusakh: vozmozhnosti issledovaniya i "podvodnye kamni". [Russian language-specific lexical items in parallel corpora: research opportunities and "stumbling blocks"] *Kompjuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog"*. Vyp. 14 (21). T. 1: Osnovnaya programma konferentsii. [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue". Issue 14 (21). Vol. 1: Main Program of the Conference]. Moscow: *RGGU*. 2015, pp. 584–594.
5. Chafe W. *The importance of not being earnest: The feeling behind laughter and humor*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007, 168 p.
6. Hempelmann C.F., Gironzetti E. An interlingual study of the lexico-semantic field LAUGH in Ken Kesey's *One flew over the Cuckoo's nest*. *Journal of Literary Semantics*. 2015, No. 44 (2), pp. 141–167.
7. Hempelmann C.F. Key Terms in the Field of Humor. *The Routledge Handbook of Language and Humor*. Ed. by S. Attardo. New York; London: Routledge, 2017, pp. 34–48.
8. Pym A. *Exploring Translation Theories*. New York: Routledge, 2010, 201 p.
9. Trouvain J., Truong K.P. Laughter. *The Routledge Handbook of Language and Humor*. Ed. by S. Attardo. New York; London: Routledge, 2017, pp. 340–355.

О.В. Тихонова, М.М. Мазняк

**ПОРТУГАЛЬСКАЯ АЛЖАМИА:
ПОРТУГАЛЬСКИЕ ТЕКСТЫ
В АРАБСКОЙ ГРАФИКЕ XVI в.¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9*

В статье анализируются документы на португальской алжамии (тексты на португальском языке в арабской графике). В отличие от испанского алхамиадо, на котором существует обширная литература, в том числе художественная, на португальской алжамии известны только восемь документов. Шесть из них – письма к королю Португалии от его подданных в Марокко о военно-политической обстановке в португальской колонии. Впервые документы были изданы португальским профессором Д. Лопешем в 1987 г. с подробными комментариями не только по истории арабо-португальских документов, но и по их орфографии. Авторы статьи опираются на разработки Д. Лопеша, что позволяет не только более точно и достоверно проанализировать предлагаемый вариант, но и познакомить читателя с основными параметрами исследования португальского профессора. Орфография арабо-португальских текстов значительно отличается от орфографии арабо-испанских, хотя есть и ряд общих черт. Как и в арабских текстах, в них не могут использоваться два согласных или два гласных подряд в начале слова, что создает определенные сложности при передаче дифтонгов. Огласовка в арабо-испанских текстах также более разработана, чем в арабо-португальских. Во всех арабо-португальских письмах встречаются клише с арабского языка, особенно при переводе приветственных формул “Nome de Deus misericordioso”, “Louvores ao seu Deus”, которые являются переводом измененных арабских формул. В одном письме встречается редкое фонетическое начертание арабского слова «Бог» (الله) вместо этимологического, принятого в арабо-испанских текстах соответствующего периода. Особый интерес представляет клятва турка, в которой упоминаются атрибуты всех трех авраимических религий. В письмах присутствует идентификация не по национальному, а по религиозному признаку.

Ключевые слова: история португальского языка; португальская алжамия; алхамиадо; португальские владения в Африке; арабо-португальские рукописи.

Тихонова Оксана Викторовна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры романской филологии филологического факультета СПбГУ (e-mail: pajaro@mail.ru).

Мазняк Мария Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии филологического факультета СПбГУ (e-mail: mmmazniak@mail.ru).

¹ Текст статьи основан на докладе, сделанном на Международной научной конференции «VI Камозэнсовские чтения» (30 ноября 2018, МГУ, Москва). Авторы выражают признательность И.Н. Воевуцкому за помощь в работе над статьей.

Португальская алжамия

Португальское слово «алжамия» (порт. “*aljamia*”) восходит к XV в., но как термин употребляется с XIX в. под влиянием испанского термина «алхамиадо» (исп. “*aljamiado*”). Термин «алжамия» обозначает рукописные тексты на португальском языке в арабской графике [Harvey, 1986: 1]: (от араб.-исп. *al'ağamiyya* от кл. араб. *a'ğamiyyah* «иностранный, чужой») [DRAE, 2014: 108] «текст, в котором звуки неарабского языка воспроизводятся арабскими символами» [DLP, 2001: 177]. Известны и тексты на испанском и португальском языках в еврейской графике [Teles Duchowny, 2007].

В терминологическом значении это слово окончательно закрепилось в португальском языке в 1940-е годы под влиянием трудов португальского историка-арабиста профессора Давида де Мелу Лопеша (1867–1942). Его первая книга по арабо-португальским текстам вышла в 1897 г. [Lopes, 1897]. В книге собраны восемь документов на португальском языке в арабской графике из Государственного архива Португалии «Торре ду Томбу» (шифр РТ/ТТ/CART/891.2) [Lopes, 1897: 40–77]: семь писем и одна клятва [Lopes, 1897: 40–77]. Все документы относятся к периоду португальского владычества в г. Сафи (Марокко) (1508–1542 гг.) [Lopes, 1897: xxxi], в частности, ко времени правления короля Португалии Мануэла I. В шести письмах королю сообщают о военно-политической обстановке в португальской колонии². Письма не являются автографами. Это списки, сделанные, вероятно, переписчиками короля. Всем спискам (кроме клятвы) предпосланы фразы: “*Tralado da carta*” (порт. «Переложение письма»). Книга Д. Лопеша выдержала два издания³ [Lopes, 1940].

² Подробнее об истории португальских завоеваний в Африке и о португальских морских см. [Dias Farinha, 1999; Barletta, 2011].

³ Второе издание претерпело значительные изменения. Прежде всего, были внесены правки в порядок представления документов в соответствии с предполагаемой хронологией событий, так как ни один документ не был датирован (в скобках указывается номер документа, соответствующий первому изданию): 1. “*Tralado da carta a el rei nosso senhor*” (порт. «Переложение письма к королю господину нашему») (№ 6); 2. “*Tralado da carta de cide Iáhia ao senhor D. Nuno*” (порт. «Переложение письма сиды Йахьи к господину сеньору дону Нуно») (№ 7); 3. “*Tralado de carta de cide Iáhia a el rei nosso senhor*” (порт. «Переложение письма сиды Йахьи к королю господину нашему») (№ 1); 4. “*Tralado da carta de Cide Iáhia a el rei nosso senhor*” (порт. «Переложение письма сиды Йахьи к королю господину нашему») (№ 8); 5. “*Tralado de outra carta de cide Iáhia a el rei nosso senhor*” (порт. «Переложение другого письма сиды Йахьи к королю господину нашему») (№ 3); 6. “*Tralado da carta do heque Saíde do cabo de Guer a el rei nosso senhor*” (порт. «Переложение письма шейха Саида из Кабо де Гэр [мыса Кап Гхир – уточнение наше] к королю господину нашему») (№ 2); 7. “*Tralado da carta do heque da Enxovia Iáhia bem Bulisbé a el rei nosso senhor*” (порт. «Переложение письма шейха Эншовии Йахьи бен Булисбе к королю господину нашему») (№ 4); 8. “*Juramento que faz o turco quando comette alguma grande cousa*” (порт. «Клятва, которую дает турок, когда совершает некий великий поступок») (№ 5).

Кроме того, семь писем были изданы в серии “Sources inédites de l’histoire du Maroc” [Patrick Harvey, 1986: 13], подготовленной Д. Лопешом [Castries, Lopes, Richard, 1941].

Арабо-португальские тексты не получили такого распространения, как арабо-испанские⁴. В отличие от испанского алхамиадо, на котором существует обширная художественная и религиозная мусульманская литература [Martinez-de-Castilla-Munoz, 2014: 519], на португальской алжамии известны только эти восемь документов [Drumond Braga, 2008: 113]. Именно трудности при передаче носовых португальских гласных на письме стали, по мнению Д. Лопеша, одной из причин столь малочисленных примеров португальской алжамии [Lopes, 1897: xviii-xxx; Patrick Harvey, 1986: 8–11]. Действительно, ко времени написания рассматриваемых документов, в португальском языке наблюдались некоторые заметные изменения: в частности, в фонетике, активно шел процесс назализации гласных. Однако такое объяснение не кажется исчерпывающим.

Орфография арабо-португальских текстов

Арабо-португальские тексты, как и арабские, читаются справа налево. Д. Лопеш приводит следующие соответствия для арабских и португальских букв в текстах на алжамии⁵ [Lopes, 1897: xxvi, xxxvii]:

a, e□	أ (a), آ (ā)□	g (=gu)□	غ (гъайн) (ġ)□
i, e□	إ (i), إِي (iy)□	j□	ج (джи:м) (ġ)□
u, o, ou□	أ (u), أُو (uw)□	l□	ل (ля:м) (l)□
□	□	m□	م (ми:м) (m)□
b, p□	ب (ба:’) (b)□	n□	ن (ну:н) (n)□
c, q□	ك (кя:ф) (k), ق (ко:ф) (q)□	r□	ر (ро:’) (r)□
ç□	س (си:н) (s), ص (со:л) (s)□	s, x□	ش (ши:н) (š)□
d□	د (дэ:ль) (d)□	t□	ت (та:’) (t), ظ (зо:’) (z)□
f, v□	ف (фа:’) (f)□	z□	ز (зэ:ййй) (z)□

Магрибское письмо отличается от принятого на востоке: кроме прочего, «ко:ф» (ق) пишется с одной точкой наверху (ف), а «фа:’»

⁴ Подробнее см. [Тихонова, Шакунова, 2019].

⁵ В скобках указаны названия арабских букв и их обозначение при общепринятой транслитерации с арабского алфавита на латинский.

(ف) с одной точкой внизу (فـ); буква «йа:’» (ي) встречается без двух точек [Menéndez Pidal, 1902: 2].

В данном разделе помимо переводов слов на португальский, предложенных Д. Лопешом, используется общепринятая транслитерация с арабского алфавита на латинский для более точной передачи португальских слов. При транслитерации огласовок «фатха» (◌َ) передается как “a”, что может соответствовать португальским буквам “a” и “e”; «кясра» (◌ِ) как “i” – порт. “i” и “e”; «дамма» (◌ُ) как “u” – порт. “u” и “o”. Также в статье используется значок (’) для обозначения «сукуна» (◌ْ).

Согласные

Иногда, чтобы компенсировать отсутствие некоторых «романских» звуков в арабском, наблюдается тенденция создавать новые буквы или символы, чтобы точно передать на письме звучащую речь [Levi, 2013: 4]. В арабских текстах, а также арабо-испанских, для удвоения согласных ставится знак «ташдид» (◌ّ): “n” (نّ) «ро:’», “ñ” (نّ) «ну:н», “ll” (لّ) «ля:м». В арабо-португальских текстах ташдид не используется. Поэтому буквосочетания “nh” и “lh”, произносимые в португальском языке как «мягкий», но при этом четкий “n” и “l” соответственно [Мазняк, Николаева, 2013: 137, 142], передаются в арабской графике как “n” и “l”: “minha” (مِنْ minā) (№ 5); “filhos” (فِيلُوش fīlyuš) (№ 5) [Lopes, 1897: 50].

В арабо-португальских текстах арабская буква «ба:’» (ب) передает португальские “b” и “p”⁶. Буква «фа:’» (ف) в арабо-испанских текстах соответствует испанской “f”, а в арабо-португальских – “f” и “v”.

В арабо-португальских текстах, как и в арабских, не используются два согласных подряд в начале слога. Они разделяются гласным, дублирующим последующий: слово “tralado” пишется буквально как “taralado” (تَرَالَدُوْ zāraladu) (№ 1) [Lopes, 1897: 40]; слово “sempre” – как “sempere” (سَمْبِيرِي šim’biri) (№ 3) [Lopes, 1897: 46].

Гласные

В арабо-португальских текстах огласовка менее разработана, чем в арабо-испанских. Арабские огласовки «фатха» (◌َ), «кясра» (◌ِ), «дамма» (◌ُ), в испанском передающие звуки [a], [i], [u, o], в арабо-португальском менее стабильны⁷. Так, для передачи “e” часто используется кясра (◌ِ). При транслитерации с арабского на латинский по

⁶ В арабо-испанских текстах ташдид ставится и для передачи букв, обозначающих согласные звуки, отсутствующие в арабском: “ch” (چ), “p” (پ). Без знака ташдид арабские «джи:м» (ج) и «ба:’» (ب) соответствуют испанским “j” и “b”. В арабо-испанских текстах буква “v”, как и буква “b”, передается как «ба:’» (ب).

⁷ В арабо-испанских текстах разработано отдельное обозначение для звука [e]: ĩ.

общепринятым правилам слово “sempre” (شَـمْـبَـرِ šim ‘biri) (№ 3) [Lopes, 1897: 46] читается буквально как “šimbiri”. Для указания на отсутствие последующего гласного, как и в арабском, ставится «сукун» (◌ْ).

Как в арабских, так и в арабо-португальских текстах не могут использоваться два гласных подряд. Поэтому в зияниях гласные разделяются полугласными «йа:’» (ي) и «wa:w» (و). В арабо-испанских текстах разработано постоянное обозначение дифтонгов: “ie” (يَا), “ue” (يَا) и т. п. Для передачи гиагов с “a” в качестве подставки для фатхи «алиф» (ا). В арабо-португальских текстах это обозначение более сложное. Кроме полугласных «йа:’» (ي) и «wa:w» (و), часто используется в качестве подставки «хамза» (ء), которая в арабо-испанских текстах ставится только в начале слова для обозначения гласного “e” (ءا): “Deus” (دِـءَـؤْـشَـنْ diawš) (№ 2) [Lopes, 1897: 42]; “eu” (يـءَـؤْـيـءَـؤْ yaaw) (№ 6) [Lopes, 1897: 50].

Носовые гласные-монофтонги, а также носовые дифтонги, представляют собой определённую трудность португальского языка. Согласно исследованию Лопеша, португальские носовые гласные в арабской графике передаются следующим образом: “mandei” (مَدَى maday), здесь носовой гласный «а» стоит в безударной, т.е. более слабой позиции, и передается как неносовой гласный звук. Сочетания носового гласного, на который падает внутреннее ударение дифтонга, и полугласного “i” или “u”, на который частично распространяется назализация, образуют носовой дифтонг, состоящий из двух элементов, которые произносятся слитно в быстрой последовательности друг за другом [Мазняк, Николаева, 2013: 153]: “capitão” (كَبِيتَاؤْ kabitāw’) (№ 6); “acharem” (أَشَارَى ašaray’); “quem” (كَيْ كَي kay’) (№ 6). В арабской графике дифтонг «ão», находящийся в ударной позиции, передается близко к оригинальному произношению «āw», однако безударный носовой дифтонг «em» теряет свою назализацию при смене графики «au»; что касается последнего примера, приведенного Лопешом, слово “quem”, состоящее из одного слога с ударным носовым дифтонгом, также передается без назализации «kau» [Lopes, 1897: 54].

В арабо-испанских и в арабо-португальских текстах часто встречается слитное написание не только артикля с существительным, как в арабском, но и местоимения с глаголом, предлога с существительным и т. п.

Клятва верности

В качестве примера сохранившегося текста на алжамии, приведем, вслед за Д. Лопешом, текст клятвы верности [Lopes, 1987: 50–51]. Текст приводится в нескольких графических вариантах: 1) в арабской графике; 2) в латинской транслитерации справа налево; 3) в латинской

транслитерации слева направо; 4) вариант текста на португальском языке слева направо, предложенный Д. Лопешом; 5) перевод текста с португальского на русский язык.

جَرَمَنْتُ كَبْرًا أَتَرَكَ كَنْدَ كَرْمَةِ الْغَوْ غَرَنْدُ كَوْج
ağ'wuk id'narağ awuğ'la aam'ruk ud'nak uk'rut u 'zafik ut'nimaruğ
ğuramin'tu kifaz' u tur'ku kan'du kurmati al'guwa ğaran'di kuw'ğa
Juramento que faz o turco quando comette alguma grande cousa.
Клятва, которую дает турок, когда совершает некий великий поступок
جُرْ بُرْ دَعُوشْ بُرْ دَعُوشْ بُرْ دَعُوشْ كَرِيْنَرْ دُسَاوْ اَد تَار
arāt ad a uwās ud 'rudayirik 'š'waid 'rub 'š'waid 'rub 'š'waid 'rub uruğ
ğuru bur' diaw'š' bur' diaw'š' bur' diaw'š' kiriyaður' du sāwu a da tāra
Juro por Deus, por Deus, por Deus, criador do ceo e da terra,
Клянусь Богом, Богом, Богом, создателем неба и земли;
اَبُرْ شَوَاشْ شِرْ كَشْتَانَشِيَاشْ بِجِيْفِيْشْ بِجِيْفِيْشْ اَبْلَمُوْ
'wamulub a 'šiuyafyiğif'niy 'šiufayyiğif 'šāyiš'nāt'suk'riš 'šāwuš 'rub a
a bur' šuwāš' šir'kuš'tān'šiyāš' fiğiyfayiš' yin'fiğiyfauyiš' a bulumaw'
e por suas circunstancias visíveis e invisíveis, e polo meu
и его мирами, видимым и невидимым; и моим
بُرَيْتْ مُفُمَدِ الْمَصْطَبِ كَبِرْ غَوْ اِزْمُوْ اُمُشْتَرُوْ اِذَا كُنُوشْ
'šwunik āf a 'wwurut'šum a 'wam'rif a 'wwuğarabik afat'šum'la idamufum ataf'rub
bur'fata mufumadi la'muș'tafa kibarağuw'w' a fir'maw' a muš'turuw'w' a fā kinuwš'
profeta Mufumade Almostafa, que pregou e firmou e mostrou a fé que nós
пророком Мухаммадом Избранным, который возвестил, и утвердил, и
засвидетельствовал, во что мы,
اَتَرَشْ مَوْرَشْ اَشْلَمُوْشْ كَرِيْمَشْ اَبْلُوْلَكَرُوْ يَكْوَالْ اَشْتَا
āt'si 'laawukuy 'wuruk'lawulub a 'šumyirik 'šwwumalaš a šur'wum 'šur'tu
ut'ruš' muw'ruš a šalamuw'wš' kiriymuș' a buluwal'kuruw' yukuwaal' iš'tā
outros mouros e salamões queremos, e polo alcorão, e o qual está
другие мавры и последователи Соломона, верим; и Кораном, который

Эта клятва была расценена западными исследователями как «загадочная» и даже не вошла в собрание арабо-португальских документов из “Sources inedited” [Patrick Harvey, 1986: 13]. Клятва представляет как филологический, так и исторический и культурологический интерес. Рассмотрим подробнее содержание клятвы.

جُرْمَنْتُ كَهْرًا تَرَكْتُ كَرَمَةَ الْغَوْ غَرِدْتُ كَوْجَ
ağ'wuk id'narağ awuğ'la aam'ruk ud'nak uk'rut u 'zafik ut'nimarug
guramin'tu kifaz' u tur'ku kan'du kurmati al'guwa garan'di kuw'ga
Juramento que faz o turco quando comette alguma grande cousa.
Клятва, которую дает турок, когда совершает некий великий поступок
جُرْ بُرْ دَعُوشْ بُرْ دَعُوشْ بُرْ دَعُوشْ كَرِينْدُ سَاوْ ا د تَارْ
arāt ad a uwās ud 'rudayirik 'š'waid 'rub 'š'waid 'rub 'š'waid 'rub urug
guru bur' diaw's' bur' diaw's' bur' diaw's' kiriyadur' du sāwu a da tāra
Juro por Deus, por Deus, por Deus, criador do ceo e da terra,
Клянусь Богом, Богом, Богом, создателем неба и земли;
ا بُرْ شَوَاشْ شِرْكُشْتَالشِيشَانْ فِجْبِيشْ يَنْفِجْبِيشْ ا بَلْمُوْ
'wamulub a 'šiyuafyigif'niy 'šiyafyigif 'šāyis'nāt'šuk'riš 'sāwuš'rub a
a bur' šuwāš' šir'kuš'tān'šiyāš' fiğyfayis' yin'fiğyfauyiš' a bulumaw'
e por suas circunstancias visíveis e invisíveis, e polo meu
и его мирами, видимым и невидимым; и моим
بُرْفِتْ مُقَمَدِ الْمُصْطَبِ كَبْرُغُوْ ا فِرْمُوْ ا مُشْتَرُوْ ا فَا كِنُوْشْ
'šwunik āf a 'wwurut'šum a 'wam'rif a 'wwuğarabik afat'šum'la idamufum ataf'rub
bur'fata mufumadi la'muș'tafa kibarağuw' a fir'maw' a muș'turuw' a fā kinuwš'
profeta Mufumade Almostafa, que pregou e firmou e mostrou a fé que nós
пророком Мухаммадом Избранным, который возвестил, и утвердил, и засвидетельствовал, во что мы,
اَتْرُشْ مُورُشْ ا شَلْمُوْشْ كَرِيْمُشْ ا بُلُوْلُكُرُوْ يَكُوَالْ اَشْتَا
āt'si 'laawukuy 'wuruk'lawulub a 'šumyirik 'šwwumalaš a šur'wum 'šur'tu
ut'ruš' muw'ruš a šalamuwš' kiriyuș' a buluwal'kuruw' yukuwaal' iș'tā
outros mouros e salamões queremos, e polo alcorão, e o qual está
другие мавры и последователи Соломона, верим; и Кораном, который

Идентификация по религиозному признаку

В клятве упоминаются три религии, их представители и атрибуты. Напрямую называются только мавры (“mouros”), т.е. мусульмане. В других документах встречаются названия и других представителей религий. В письмах к своим христианским покровителям Йахйя бен Та'фуфа определяет людей не по национальному, а по религиозному признаку как: мавров (“mouros”) (№ 6, 7, 8), христиан (“cristãos”)

(№ 6, 7, 8) и иудеев (“judeus”) (№ 8). Например, в письме к дону Нуну (№ 7) сид Йахйа жалуется: “...não vi nenhum prazer nem descanso com cristãos, nem menos com mouros. Os mouros dizem que sou cristão, e os cristãos dizem que sou mouro, e assim estou em balanços sem saber o que hei de fazer de mim, senão o que Deus quiser, e quem boa conreição tiver Allá o salvará...” (порт. «...я не нахожу удовольствие ни в отдыхе с христианами, ни еще меньше, с маврами. Мавры говорят, что я христианин, а христиане говорят, что я мавр; так я и балансирую, не зная, что станется со мной, как Богу будет угодно; кто ведает, накажет ли Аллах или спасет»). Хотя в клятве иудеи не называются, упоминаются «люди соломоновой веры» (“salamões”). Скорее всего, речь идет об иудеях.

В названии документа упоминается некий турок: “Juramento que faz o turco quando comette alguma grande cousa” (порт. «Клятва, которую дает турок, когда совершает некий великий поступок»). П. Харвей отмечает, что слово «турок» использовалось для обозначения не этнической принадлежности, а религиозной, как синоним «мусульманин». Но для начала XVI в. это не было характерно [Patrick Harvey, 1986: 13]. Обычно для обозначения магометан служило слово “mouros” (порт. «мавр»), которое используется и в самой клятве.

Славословие

Клятва начинается троекратным призыванием Бога: “Juro por Deus, por Deus, por Deus” (порт. «Клянусь Богом, Богом, Богом») [Lopes, 1897: 49–50]. Слово «Бог» приводится в португальском переводе “Deus” (порт. «Бог»). По-арабски это слово в мусульманских документах встречается только один раз. Даже в мусульманских формулах и клише используется перевод слова «Бог» на португальский.

Два письма начинаются традиционной формулой «басмалая» (بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ) в переводе на португальский: “Nome de Deus misericordioso” (порт. «Во имя Бога милостивого») (№ 2, 4) [Lopes, 1897: 42–43; 48–49]. Это письма шейха Саида из Кабо де Гэр (№ 2) и шейха Эншовии Йахйи бен Булисбе (№ 4) к королю Португалии. Шейх бен Булисбе дополняет эту формулу приветствием: “...e louvores ao seu Deus” (порт. «и хвала Вашему Богу») (№ 4) [Lopes, 1897: 48–49]. Это измененная формула «Хвала Аллаху» (الْحَمْدُ لِلَّهِ). Интересно, что в письмах к королю Йахйа бен Та‘фуфа использует только эту последнюю формулу, игнорируя «басмалая»: “Louvores ao seu Deus” (порт. «Хвала Вашему Богу») (№ 1, 6, 7) [Lopes, 1897: 40–41, 50–51, 62–63].

Как отмечалось, слово «Бог» на арабском в этих документах встречается один раз в письме Йахйи бен Та‘фуфы к дону Нуну и в фонетическом начертании: ʾAlá “Alá” (№ 7). Видеть такое написание тем более странно, что в арабо-испанских текстах это слово всегда пишется верно: الله. Однако в другом собрании архива хранятся письма

сида Йахйи на арабском (шифр РТ/ТТ/CART/891.2/49), в которых слово «Аллах» встречается в верном начертании [Castries, 1921: 53–58].

Выводы

Орфография арабо-португальских текстов значительно отличается от орфографии арабо-испанских, хотя есть и ряд общих черт. Как и в арабских текстах, в них не используются два согласных подряд в начале слога. Не пишется два гласных подряд, что создает определенные сложности при передаче дифтонгов. Огласовка в арабо-испанских текстах более разработана, чем в арабо-португальских.

Во всех арабо-португальских письмах встречаются клише с арабского языка, особенно, при переводе приветственных формул: “Nome de Deus misericordioso”, “Louvores ao seu Deus”. В одном письме встречается редкое фонетическое начертание “Alá” арабского слова «Бог» вместо этимологического (الله), принятого в арабо-испанских текстах соответствующего периода.

Особый интерес представляет клятва, в которой упоминаются атрибуты всех трех авраамических религий. В письмах присутствует идентификация не по национальному, а по религиозному признаку.

Список литературы

1. Мазняк М.М., Николаева Е.С. Вводный фонетический курс португальского языка с грамматическими комментариями. СПб., 2013.
2. Тихонова О.В., Шакунова Л.А. Первый перевод Корана на испанский и рукопись Т 235 // Письменные памятники Востока. Т. 16. 2019. № 2. С. 63–74.
3. Barletta V. Pulações do império: aljama portuguesa e a nova filologia // Tárides, 1, 2011. P. 70–88.
4. Castries H. Les Sources Inédites de l'Histoire du Maroc. T. I. Paris; Madrid, 1921.
5. Castries H., Lopes D., Richard R. Les Sources Inédites de l'Histoire du Maroc. T. I. 1-e série. Paris, 1939.
6. DLP. Dicionário da Língua Portuguesa Contemporânea da Academia das Ciências de Lisboa. Lisboa, 2001.
7. DRAE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: 300 años. Madrid, 2014.
8. Drumond Braga I. Do árabe e do aljamiado em Portugal // Anaquel de estudios árabes. Anejo I. Serie de monografías, 2008. P. 111–128.
9. Dias Farinha A. Os portugueses em Marrocos. Trad. Hassanein B.Y.Y. Lisboa, 1999.
10. Levi J. A. Muslim Science as the Source of the Portuguese Age of Discoveries, CLCWeb: Comparative Literature and Culture 14.5 (2013). URL: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2135>
11. Lopes D. Textos em aljama portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim. Lisboa, 1897.
12. Lopes D. Textos em aljama portuguesa: estudo filológico e histórico. 2ª edição. Lisboa, 1940.
13. Martínez-de-Castilla-Munoz N. Los copistas y sus textos. Las traducciones moriscas del Coran en la Biblioteca Tomas Navarro Tomas // Al-Qantara. XXXV 2. 2014. P. 493–525.
14. Menéndez Pidal R. Poema de Yúçuf. Madrid, 1902.

15. *Patrick Harvey L. Aljamia Portuguesa Revisited // Portuguese Studies Review. 2. 1986. P. 1–14.*
16. *Teles Duchowny A. De magia (Ms. Laud Or. 282, Bodleian Library): edição e estudio. Brasil, 2007.*

Oxana Tikhonova, Maria Mazniak

PORTUGUESE ALJAMÍA: 16TH –CENTURY PORTUGUESE TEXTS IN THE ARABIC SCRIPT

St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034

The article discusses documents in Portuguese Aljamía (Portuguese texts in the Arabic alphabet script). Unlike Spanish Aljamiado, the common basis for an extensive literature, including fiction, only eight manuscripts are known to have been written in Portuguese Aljamía. Six of them are letters to the King of Portugal from his subjects in Morocco that report the military and political situation in the Portuguese colony. Portuguese Professor David Lopes first published these manuscripts in 1987, with detailed comments not only on the history of Portuguese-Arabic documents, but also on their spelling. Spanish language texts in Aljamiado transcription are significantly different from those in Portuguese, although there are some common features. As is the case with Arabic texts, in the texts under analysis, initial syllables cannot have two consonants or two vowels in a row, which creates certain difficulties in the transcription of diphthongs. The Spanish Aljamiado text vocalization is also more developed than the Portuguese Aljamía text. All Portuguese Aljamía letters contain greeting clichés from the Arabic language changed when translating: “Nome de Deus misericordioso”, “Louvores ao seu Deus”. In one letter there is a rare phonetic inscription of the Arabic word: “God” (الله) instead of etymological, adopted in the Spanish Aljamiado’s texts of the corresponding period. The Turk’s oath that mentions the attributes of all three Abrahamic religions is of particular interest. The letters can be identified not in terms of nationality, but religion.

Key words: history of the Portuguese language; Portuguese Aljamia; Spanish Aljamiado; Portuguese colonial possessions in Africa; Portuguese-Arabic manuscripts.

About the authors: *Oxana Tikhonova* – PhD, Assistant Professor, Department of Romance Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University (e-mail: pajaro@mail.ru); *Maria Mazniak* – PhD, Associate Professor, Department of Romance Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University (e-mail: mmmazniak@mail.ru).

References

1. Maznyak M.M., Nikolaeva E.S. *Vvodnyj foneticheskij kurs portugal'skogo yazyka s grammaticheskimi kommentariyami*. [Introductory phonetic course of the Portuguese language with grammatical comments] Moscow, URSS, 2013, 232 p. (In Russ.)
2. Tikhonova O.V., Shkunova L.A. *Pervyj perevod Korana na ispanskij i rukopis' T 235*. [The first translation of the Quran into Spanish and the manuscript T 235] *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the East]. T. 16, № 2. Nauka, Vostochnaya literatura, 2019, pp. 63–74. (In Russ.)

3. Castries H. *Les Sources Inédites de l'Histoire du Maroc*. T. I. Paris, Madrid, 1921, 670 p. (In French)
4. Castries H., Lopes D., Richard R. *Les Sources Inédites de l'Histoire du Maroc*. T. I. 1-e série. Paris, 1939, 576 p. (In French)
5. DLP. *Dicionário da Língua Portuguesa Contemporânea da Academia das Ciências de Lisboa*. Lisboa, Verbo, 2001, 3014 p. (In Portuguese)
6. DRAE. *Diccionario de la Lengua Española*. Real Academia Española: 300 años. Madrid, Espasa, 2014, 2432 p.
7. Drumond Braga I. Do árabe e do aljamiado em Portugal, *Anaquel de estudios árabes*. Anejo I. Serie de monografias, 2008, pp. 111–128. (In Portuguese)
8. Dias Farinha A. *Os portugueses em Marrocos*. Trad. Hassanein B.Y.Y. Lisboa, Instituto Camões, 1999, 104 p. (In Portuguese)
9. Levi J.A. Muslim Science as the Source of the Portuguese Age of Discoveries, *CLCWeb: Comparative Literature and Culture* 14.5 (2013). URL: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2135>
10. Lopes D. *Textos em aljamia portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim*. Lisboa, Imprensa Nacional, 1897, 162 p. (In Portuguese)
11. Lopes D. *Textos em aljamia portuguesa: estudo filológico e histórico*. 2ª edição. Lisboa, Imprensa Nacional, 1940, 282 p. (In Portuguese)
12. Martínez-de-Castilla-Munoz N. *Los copistas y sus textos. Las traducciones moriscas del Coran en la Biblioteca Tomas Navarro Tomas // Al-Qantara*, XXXV 2, 2014, pp. 493–525. (In Spanish)
13. Menéndez Pidal R. *Poema de Yúçuf*. Madrid, Tip. de la Rev. de Archivos, 1902. 150 p. (In Spanish)
14. Patrick Harvey L. Aljamia Portuguesa Revisited. *Portuguese Studies Review*, 1986, 2, pp. 1–14.
15. Teles Duchowny A. *De magia (Ms. Laud Or. 282, Bodleian Library): edição e glossário. Arquivos do NEHiLP*. São Paulo, FFLCH/USP, 2014, 448 p. (In Portuguese)

А.А. Левитская

**МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
ДИСКРЕТНО-МНОГОАКТНЫЙ СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ**

Государственное бюджетное учреждение

«Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания»

362025, Республика Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

В статье рассматриваются особенности обозначения в современном осетинском языке мультипликативной неоднократности в сравнении с обозначением этого семантического типа в русском языке. Выделяются пять разновидностей мультипликативности, три из которых имеют словообразовательную маркировку и образуют разряды характеризованных способов действия, что заметно отличает осетинское микрополе мультипликативности от русского. Две другие разновидности объединены автором в нехарактеризованный многоактный способ действия, как глаголы без формального выражения мультипликативности. Подробно охарактеризован дискретно-многоактный СД с разделением на глаголы дискретно-разложимой и дискретно-неразложимой природы. Проведен анализ аспектуально-акциональных смыслов в осетинских глаголах однократного СД, в которых всегда значение однократности (одноактности) комбинируется либо с дополнительными оттенками акциональности, либо с пространственно-ориентационными значениями, либо и с теми, и с другими одновременно. В статье приведен языковой материал, свидетельствующий о том, что универсальные аспектуально-акциональные смыслы представлены в сопоставляемых языках в разных комбинациях. Многоактный характер действий находит отражение в строении экспонентов соответствующих осетинских глаголов: расчлененность действия на однородные акты выражается расчлененной звуковой оболочкой, что по сравнению с их русскими эквивалентами делает их более выразительными. Анализируя суждения некоторых русских аспектологов о том, что «слабодискретная природа» многоактности обуславливает несоотнесительность части русских многоактных глаголов с одноактными, автор статьи приводит контраргументы против данной точки зрения, а также показывает на конкретном осетинском языковом материале, что осетинский язык отличается большей дифференциацией значения семельфактивности и большей последовательностью при образовании одноактных от многоактных: у бесприставочных многоактных нет соответствующих одноактных. Комбинации универсальных аспектуально-акциональных смыслов могут в сопоставляемых языках совпадать

Левитская Алина Афаковна – кандидат филологических наук, доцент, руководитель отдела культурного наследия Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания (e-mail: 54alina.levitskaya@gmail.com).

и различаться не только набором денотативных значений, они специфичны в сигнификативном и экспрессивно-стилистическом планах.

Ключевые слова: многоактные/одноактные глаголы; мультипликативные способы действия; дискретно-многоактный способ действия; осетинский язык; русский язык.

Основными разновидностями значения неоднократности в русской аспектологии традиционно считают мультипликативное (многоактное), дистрибутивное (выражается в русском языке глаголами распределительно-суммарного СД, кумулятивного СД, тотального СД) и итеративное (многократное) значения, которые, по мнению В.С. Храковского [Храковский, 2001: 151–152], соотносятся с выделенными им типами множества ситуаций – мультипликативным, дистрибутивным и итеративным. Предложенная В.С. Храковским классификация семантических типов неоднократности «является универсальной и потому относится не только к русскому, но и к другим языкам» [Храковский, 2001: 152] и позволяет определить сходства и различия мультипликатива, дистрибутива и итератива в различных языках благодаря своеобразным комбинациям значений установленных им классификационных признаков.

Значение мультипликативной неоднократности, которой присущи две семантические особенности (одни и те же участники повторяющейся ситуации и монотемпоральность), реализуется в современном русском языке в глаголах многоактного СД (многофазисных, мультипликативных). Они обозначают непосредственно воспринимаемые органами чувств человека конкретные физические действия, способные прерываться и возобновляться и состоящие из ряда неограниченно повторяющихся одинаковых актов или «квантов», причем многие из них звуко-свето-изобразительного характера: булькать, громыхать, мерцать, шататься, теребить и т.д. [Бондарко, 1983: 142; Исаченко, 1960: 253; Маслов, 1965: 77; Ремчукова, 1984: 52; Рощина, 1982: 11–12; Сенаторова, 1974: 54–55; Спагис, 1961: 145; Храковский, 2001: 127, 134; Шелякин, 1972: 223; Шелякин, 1983: 194; Шелякин, 2001: 83; Яковлев, 1975: 98 и др.]. При этом «повторяющееся множество ситуаций выражается лексемой глагола, а не значением граммы НСВ» [Храковский, 2014: 8].

По мнению Е.В. Ремчуковой, у русских многоактных глаголов значение мультипликативности (многофазисности) «является компонентом лексической структуры словообразовательно немотивированного глагола, т.е. это значение не маркировано формальными средствами... Соотношение этих глаголов с глаголами на -нуть не может являться их грамматическим признаком, так как не является универсальным, а лишь слегка “окрашивает” лексичность многоактности...» [Ремчукова, 1984: 28–29]. С позицией Е.В. Ремчуковой не

совпадает утверждение В.С Храковского о том, что «многоактное (мультипликативное) значение маркируется деривационно благодаря тому, что многоактные глаголы НСВ соотносятся с формально маркированными одноактными глаголами СВ ...Это не просто специфический семантический класс неопределенных глаголов НСВ, но и особый формально характеризованный СД» [Храковский, 2001: 135]. Точка зрения Е.В. Ремчуковой представляется нам более приемлемой, поскольку соотнесенность русских многоактных глаголов с одноактными для значительной части многоактных отсутствует, «не является универсальной» [Ремчукова, 1984: 53].

В современном осетинском языке, в отличие от современного русского языка, значение мультипликативной неоднократности может маркироваться специальными формальными показателями – особыми словообразовательными моделями.

На материале осетинской глагольной лексики¹ нами выделены пять разновидностей обозначения мультипликативности, три из них имеют словообразовательную маркировку.

Первая модель

Составной глагол, состоящий из смысловой части, образованной повтором имени существительного звуко-свето-изобразительной семантики (мимео-изобразительные слова) [Абаев, 1956: 409], и вспомогательного глагола *кæнын/делать* (или – *реже* – *лæсын/вlech* при обозначении энергичности, стремительности, особой экспрессивности действия). Например: *бæз-бæз кæнын/жужжжать*; *дзæкк-дзæкк к./тикать*; *дзой-дзой к./шататься*; *сыллынг-сыллынг к./лакать*; *тыбар-тыбур к./мерцать, поблескивать* и др.

Вторая модель

Составной глагол, состоящий из смысловой части – имени существительного (обычно звуко-свето-изобразительной семантики) во множественном числе или субстантивированного причастия прошедшего времени во множественном числе – и вспомогательного глагола *кæнын/делать*. Например: *æхситтытæ к./свистеть (неоднократно)* ← *æхситтытæ/свисты* ← *æхситт/свист (звукоподражательное)*; *кæстытæ к./посматривать* ← *кæстытæ/взгляды* ← *каст/взгляд* ← *каст/просмотренный (причастие прошедшего времени)* ← *кæсын/смотреть*; *цудтытæ к./пошатываться* ← *цудтытæ/пошатывания*

¹ Примеры из следующих словарей: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Л., 1958–1979. 1802 с.; Гуриев Т.А. Краткий осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2003. 260 с.; Осетинско-русский словарь / Сост.: Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева. Орджоникидзе, 1962. 662 с.

² Здесь и далее к. – *кæнын/делать*.

← *цудт/пошатывание* ← *цудт/пошатнувшийся* (причастие прошедшего времени) ← *цудын/шататься* и др.

Третья модель

Составной глагол, состоящий из смысловой части, образованной повтором приставочной глагольной основы, и вспомогательного глагола *кæнын/делать*. Например: *æркув-æркув к./клевать носом, дремать, кивать головой* ← *æркувын/поклониться, задремать* ← *кувын/кланяться, дремать*; *схæц-схæц к./делать неоднократные попытки приподнять что-либо, сдвинуть с места* ← *схæцын/приподнять, сдвинуть* ← *хæцын/держать, хватать*; *фæрттив-фæрттив к./поблескивать* ← *фæрттивын/заблестеть, блеснуть* ← *æрттивын/блестеть* и др.

Наряду с группами глаголов трех названных моделей в современном осетинском языке значительная часть глагольной лексики с семантикой мультипликативности в статусе «категориального компонента лексической семантики» [Маслов, 1984: 14], но без ее формального выражения. Например, это так называемые обычные глаголы [Абаев, 1956: 411] типа *рæйын/лаять*; *тылын/махать, качать, трясти*; *хуыфын/кашлять* и др. Или составные глаголы типа *æхситт к./свистеть*; *зилдох к./вращать*; *къунн к./стучать*; *хиртт к./сморкаться*; *хъыдзы к./щекотать*; и др. Глаголы этих двух разновидностей выделены нами в нехарактеризованный многоактный СД.

Обозначенные выше разряды осетинских бесприставочных многоактных глаголов объединяются в микрополе мультипликативности, представленное четырьмя разновидностями одной акциональности [Цалиева (Левитская), 1983: 107–114], четырьмя разными способами действия³: глаголы первой словообразовательной модели – дискретно-многоактный СД, второй модели – собирательно-многоактный СД, третьей модели – результативно-многоактный СД и выше на-

³ В нашем понимании способа действия (Aktionsart – далее СД) мы опираемся на его определение в трудах Ю.С. Маслова [Маслов, 1959: 191; 1965: 72; 1984: 12–14], А.В. Бондарко [Бондарко, 1967: 21–23], Шелякина [Шелякин, 1972: 240–253; 2001: 66]. «СД – это некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения... глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [Маслов, 1984: 14; Шелякин, 2001: 66]. Метонимически термин «способы действия» обозначает кроме указанных особенностей значения глаголов также и те глагольные разряды, которые формируются на основе сходств и различий в этих «особенностях значения», т.е. именно аспектуальные подклассы [там же]. «Способы действия не отделены друг от друга какими-то устойчивыми и вполне четкими перегородками и не составляют звеньев единой стройной системы. В некоторых случаях те или иные способы действия... допускают дальнейшее подразделение на группы, которые, в свою очередь, можно было бы назвать способами действия» [Маслов, 1959: 88].

званный нехарактеризованный многоактный СД. Считаем возможным обозначить их как различные способы действия [Маслов, 1959: 188], поскольку каждый из выделенных нами глагольных разрядов отличается и спецификой выражения значения многоактности, и смысловыми нюансами, связанными с особенностями ее протекания, т.е. по-своему характеризует «аспектуальное проявление действия» [Шелякин, 2001: 68].

Охарактеризуем подробнее глаголы первой словообразовательной модели, которые могут быть объединены в рамках **дискретно-многоактного СД** с разделением их на глаголы, называющие действия дискретно-связанной (дискретно-неразложимой) природы типа *дыз-дыз к./дрожать мелкой дрожью; сым-сым к./сонеть; хыр-хыр к./хрипеть; сыбар-сыбур к./шелестеть и т.д.*, и глаголы, называющие действия дискретно-разложимой природы типа *къуырцц-къуырцц к./слегка постукивать; гæпп-гæпп к./прыгать, подпрыгивать; дæнг-дæнг к./палить бесперебойно; къæрцц-къæрцц к./хлопать в ладоши, стучать палками в такт музыке; цъыкк-цъыкк к./хлестать (тонким острым предметом); тикать и др.* Глаголы дискретно-многоактного СД обозначают прерывистое действие, проявляющееся в более или менее равномерном воспроизведении одинаковых по характеру актов данного действия в один локально-временной промежуток. Выделение двух разновидностей внутри этого способа действия основывается на некоторой разнице в особенностях характера обозначаемой ими многоактности. *Дискретно-неразложимые действия* – это действия неразрывной, так сказать, «квантовости», с «нечеткой расчлененностью» [Сенаторова, 1974: 52] между «квантами», не допускающей вычленения одного отдельного акта = «кванта» вследствие чрезвычайно «тесной» дробности действия, дискретного по своей природе. Интервал между отдельными квантиками такого действия чрезвычайно мал. Объективная природа этих действий такова, что даже один «квант» подобного действия является прерывистым. Если попытаться выделить из такого «кванта» его составляющие, то природа действия изменится, это будет уже какое-то другое действие – не многоактное. Интересны в этой связи наблюдения Э.П. Сенаторовой, исследовавшей разные типы оппозиций однокоренных многоактных/одноактных глаголов с суффиксом -ну- в современном русском языке. Она выделяет в отдельную группу многоактные глаголы с семантикой, аналогичной семантике осетинских глаголов дискретно-многоактного СД дискретно-неразложимой разновидности, как глаголы, «называющие расчлененные действия с «нечеткой» расчлененностью: бормотать/бормотнуть, скрежетать/скрежетнуть, шелестеть/шелестнуть... Как первые, так и вторые члены оппозиций, – по мнению Э.П. Сенаторовой, – называют более или менее расчлененные действия, различающиеся степенью длительности...

Лексы без суффикса -ну- называют длительное действие, а с суффиксом -ну- – действие краткое» [Сенаторова, 1974: 52–53], т.е. в таких парах следует говорить о действиях одной (многоактной!) природы, но разной протяженности! Очевидно, что в подобных случаях невозможность выделения одного акта = кванта действия зависит от объективных свойств самих действий, обозначаемых многоактными глаголами. Подтверждением этой мысли служат осетинские примеры, подобные нижеприведенным:

Сылгоймаджы ныхасы хуызæн кæмæн уыд йæ ныхас, уыцы адæймаг ма дзуаппæн цыдæр ахыст-хыст кодта, æмæ иууылдæр ныххудтысты (212) // Человек с бабьим голосом что-то пискнул в ответ, и все засмеялись (167)⁴.

Глагол «пискнул» переведен приставочным глаголом ахыст-хыст кодта/пропищал, производным от многоактного хыст-хыст к./пищать, т.е. в осетинском эквиваленте подчеркнута определенная протяженность, более соответствующая значению русского протяженно-одноактноактного СД [Шелякин, 2001: 71, 80].

«Рагацау зæгъ Земнухов æмæ Стаховичæн», – басусубусу кодта Валяйы хъусы (520) // «Предупреди Земнухова и Стаховича», – шепнула она Вале (408).

«Шепнула» переведен приставочным глаголом «басусубусу к.», значение которого более соответствует русскому варианту «прошептать», т.е. глаголу протяженно-одноактного СД. Тем самым эти и подобные им осетинские примеры подтверждают мысль о том, что в глагольных парах (многоактный/одноактный) дискретно-связанной семантики следует говорить о многоактном действии разной протяженности во времени. Особенность одноактных глаголов подобной семантики отмечает и М.А. Шелякин [Шелякин, 2001: 69].

Отличительная особенность семантики многоактных глаголов другой разновидности – дискретно-разложимой – состоит в том, что в называемых ими действиях протяженность интервалов между составляющими их актами достаточна для отделения одного акта данного действия от другого. Примеры с глаголами дискретно-разложимой многоактности:

1) *Æмæ афтæ æнæдзургæ бадтысты суанг боныцъæхтæм, – æрмæст цъыкк-цъыкк кодта сахат (189) // И так они молча сидели до самого рассвета, – одни часы тикали (150);*

2) *Зæронд Гаврилæ Петрович... æрмæст мæстæй хæлгæйæ, садæил лæдзæг къуырци-къуырци кæны (154) // Дед, Гаврила Петрович... только яростно стучит клюшкой (122).*

⁴ Здесь и далее приводятся примеры: *Фадеев А.А. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М., 1970; Фадеев А.А. Арыгонгварди. Дзæудæыхæу, 1953.*

Русским глаголам однократного СД данной семантики соответствуют осетинские глаголы однократного СД, нос дополнительными акциональными оттенками и/или пространственно-ориентационными значениями, причем в качестве производящих для осетинских глаголов однократного СД выступают глаголы нехарактеризованного многоактного СД. Например:

Однократный СД

Æвæццæгæн уæд уæзласæн машинамæ цы лæппу сгæпп кодта, ... уыцы лæппу ...йæ дзырд сæххæст кодтаид. (91) // Наверно, если бы тот парень, что вскочил (в осет.: выпрыгнул. – А.Л.) тогда в грузовик..., тот парень ... бы сдержал свое слово... (151);

гæпп к./прыгать – сгæпп к./прыгнуть снизу вверх, запрыгнуть (приставка с- вносит значение однократности и дополнительное значение «направление движения снизу вверх»).

Смягчительно-однократный СД

Чызг æппындæр нæ фæкъуылымпы, зынарвæссонæй чысыл урс-урсид къухæй æрцъыкк кодта часовойы чъизи къух, дæлбазырмаæ цырд суади æмæ, йæ' мбалмæ фæстæмæ фæзилгæйæ, загъта: «Ниночка, рауай, рауай...» (319) // Девушка, нисколько не смутившись, небрежно хлопнула своей маленькой белой ручкой по грязной руке часового, быстро взошла на крыльцо и, обернувшись к подруге, сказала: «Ниночка, иди, иди»... (254);

цъыкк к./ударять чем-либо острым, тонким – æрцъыкк к./слегка хлопнуть (приставка æр- вносит значение однократности с оттенком незначительного проявления действия).

Внезапно-однократный СД

Сæхи йеттæмæ уаты æппындæр ничи уыди, фæлæ цæстыфæныкъуылдмæ цымæ уæлдæфæй равзæрд, уыйау командиры раз февзæрд Федоренко, йæ цырыхъыты зæвæттæ афтæ æрбакъуырцц кодта, æмæ сеппæт дæр фæхъæлдзæг сты! (792)/ Никого, кроме них, не было в комнате, но в то же мгновение Федоренко, самозародившись из воздуха, вырос перед командиром и так щелкнул каблуками, что всем стало весело (620);

къуырцц к./постукивать, пощелкивать – æрбакъуырцц к./внезапно стукнуть, щелкнуть (приставка æрба- вносит значение однократности с дополнительным оттенком неожиданности, внезапности).

Интенсивно-однократный СД

Æрра туг ныссæххæтт кодта Оледжы сæрмаæ (268) / Бешеная кровь хлынула Олегу в голову (212);

сæххæтт к./быстро выплескивать – ныссæххæтт к./выплеснуть резко, хлынуть с напором (приставка ны- вносит кроме значения однократности и значение интенсивности).

Приведенные и другие примеры свидетельствуют о том, что от исходных многоактных, как правило, – «морфологически непроеизводных глаголов НСВ, чье аспектуальное значение детерминировано акциональным классом, к которому относятся эти глаголы, образуются производные глаголы СВ» [Храковский, 2018: 105] разных приставочных способов действия. При этом очевидно, что универсальные аспектуально-акциональные признаки с разными специальными оттенками предстают в сопоставляемых языках в разных комбинациях.

Глаголы дискретно-многоактного СД, образованные удвоением именной части, представляющей собой звукосимволическое⁵ слово, для которого редупликация служит одним из критериев идентификации действия [Воронин, 1982: 89], и вспомогательного глагола *кæнын/делать*, являются словами с реальной мотивировкой, с хорошо понятной внутренней формой слова, отраженной в строении экспонента. Особенности характера протекания многоактного действия наглядным образом воспроизводятся в экспоненте, «сохраняющем отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова» [Маслов, 2005: 123]. Многоактный характер действий находит отражение в строении экспонентов соответствующих глаголов: расчлененность действия на однородные акты выражается расчлененной звуковой оболочкой. Данная особенность осетинских глаголов дискретно-многоактного СД обеспечивает им большую по сравнению с их русскими эквивалентами выразительность.

Исследуя осетинские многоактные бесприставочные глаголы на предмет их соотносительности с одноактными, обнаруживаем, что у них нет соотносительных одноактных бесприставочных глаголов. Этот факт мы сопоставили с рассуждениями исследователей русских мультипликативов на тему их соотносительности с одноактными глаголами. Попытка связать наличие/отсутствие пары многоактный/одноактный с идеей о том, что у части русских мультипликативов, обозначающих действия, состоящие из последовательности «слабодискретных актов, временные интервалы между которыми стремятся к нулю» [Храковский, 2001: 135], «слабодискретная» природа действия

⁵ «В основу номинации звукосимволических слов могут быть положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека... Это могут быть признаки, получаемые через слух, зрение, обоняние, вкус, осязание, органические ощущения» [Воронин, 1982: 87].

не позволяет выделить один акт и, соответственно, обозначить его одноактным глаголом, опровергается и фактами русского языка, и фактами осетинского языка.

Наш анализ глаголов мультипликативной семантики, которые приведены, например, в списке В.Н. Яковлева [Яковлев, 1975: 103–104] как не соотносительные с одноактными (на этот список ссылается и В.С. Храковский [Храковский, 2001: 135]!), не подтверждает гипотезу о том, что «слабодискретная природа» многоактности обуславливает несоотносительность части русских многоактных глаголов с одноактными.

Во-первых, из 65 глаголов, включенных В.Н. Яковлевым в список несоотносительных, 25 глаголов следует исключить, поскольку они имеют пару и приводятся в словарях современного русского языка как парные⁶. Это такие глаголы, как *бредить/брехнуть* [Тихонов, 1: 120; БАС, 1: 628]; *гоготать/гоготнуть* [Ожегов: 135; Ефремова: 319]; *грести/гребнуть* [Тихонов, 1: 253]; *грохотать/грохотнуть* [БАС, 3: 424–425; Тихонов, 1: 257]; *дребезжать/дребезгнуть* [Даль, I: 813]; *ёрзать/ёрзнуть* [БАС, 3: 1268; Тихонов, 1: 330]; *квохтать/квохтнуть* [Тихонов, 1: 425]; *колотить/колотнуть* [Даль, II: 230]; *кряхтеть/кряхнуть* [Тихонов, 1: 507]; *кудахтать/кудахтнуть* [Тихонов, 1: 508; БАС, 5: 1790]; *лупить/лупнуть* [Даль, II: 452]; *молотить/молотнуть* [Даль, II: 567]; *мычать/мыкнуть* [Тихонов, 1: 646; БАС, 6: 1430]; *пиликать/пиликнуть* [Тихонов, 1: 748; БАС, 9: 1188]; *скрести/скребнуть* [Тихонов, 2: 115]; *сопеть/сопнуть* [Тихонов, 2: 145]; *строгать/строгнуть* [Тихонов, 2: 181]; *тесать/тесануть* [Тихонов, 2: 225]; *трепать/трепануть* [Тихонов, 2: 257]; *храпеть/храпануть, храпнуть* [Тихонов, 2: 344]; *цокать/цокнуть* [Тихонов, 2: 359; БАС, 17: 716]; *шамкать/шамкнуть* [БАС, 17: 1259–1260; Тихонов, 2: 386]; *шелестеть/шелестнуть* [Тихонов, 2: 390; БАС, 17: 1332]; *ширять/ширнуть* [Тихонов, 2: 397; БАС, 17: 1425]; *шнырять/шнырнуть* [Тихонов, 2: 403].

Во-вторых, только пять глаголов из 65 в списке В.Н. Яковлева (бубнить, дребезжать, клокотать, тараторить, тарахтеть) можно, на наш взгляд, опираясь на то толкование их семантики, которое дается в словарях современного русского языка, считать мультипликативами, называющими многоактные действия «слабодискретной» природы:

бубнить – глухо, невнятно говорить, бормотать, ворчать [БАС, 1: 663];

⁶ В рамках данной статьи мы не останавливаемся на вопросе о видовой парности глаголов семельфактивного и мультипликативного СД, но отметим, что придерживаемся точки зрения тех авторов, которые не считают такую пару видовой [Горбова, 2017: 35; Маслов, 2004: 328 и др.]

дребезжать⁷ – издавать (обычно при сотрясении) прерывистый, звенящий звук, звяканье [БАС, 2: 1101–1102];

клокотать – 1. бурлить, кипеть с шумом (о жидкостях, паре); 2. шуметь (о глухих прерывистых звуках в горле, в груди при болезненных припадках) [БАС, 5: 1041–1042];

тараторить – говорить очень быстро, скороговоркой, бормотать [БАС, 15: 119–120];

тархатеть – 1) производить резкие, грохочущие звуки; 2) двигаться, катиться с шумом, грохотом [БАС, 15: 120–121].

Все остальные (35) глаголов (*приведены далее*) из вышеупомянутого списка 65 несоотносительных – это глаголы, которые называют действия с четко воспринимаемыми временными интервалами между отдельными актами мультипликатива, т.е. это не «слабодискретная», а дискретно-разложимая многоактность. В соответствии с изложенной выше точкой зрения [Храковский, 2001: 135] они должны были бы иметь соотносительные одноактные пары, но не имеют таковых. Это такие глаголы, как: баюкать, бить, вихлять, гладить, елозить, жевать, жучить, клекотать, клепать, клохтать, косить, куковать, кресать, кромсать, лаять, мерцать, мести, петлять, пилить, пыхтеть, сечь, скоблить, стонать, стрекотать, сучить, тарабанить, теревить, тереть, толочь, тормошить, топтать, тузить, улюлюкать, хромать, чеканить (шаг) [Яковлев, 1975: 102–104].

В-третьих, основываясь на позиции зависимости корреляции многоактный/одноактный от характера «дискретности» действия (слабодискретная или дискретно-разложимая), невозможно объяснить соотносительность/несоотносительность с одноактными глаголами некоторых русских мультипликативов в следующих случаях. Почему, скажем, такие русские мультипликативы, обозначающие действия с четкой дискретно-разложимой природой, как *гавкать, гоготать, каркать, квакать, крякать, кукарекать, курлыкать, мурлыкать, мяукать, пищать, рыкать, рывкать, тявкать, ухать, фыркать, хрюкать, чирикать*» имеют соотносительную одноактную пару, а глаголы подобной же природы *блеять, клекотать, клохтать, куковать, лаять, мычать, ржать, стрекотать, цокотать, щебетать*» не имеют такой пары? [Яковлев, 1975: 102–104] Более того, невозможно объяснить с этой позиции и случаи расхождения в плане корреляции «многоактность/одноактность» среди некоторых глаголов-синонимов, называющих одно и то же действие, причем дискрет-

⁷ В словаре В.И. Даля (т. 1, 2004), как отмечено нами ранее, этот глагол приведен в паре с одноактным (несмотря на слабодискретный характер обозначаемой им многоактности действия!)

но-разложимой природы. Например, глаголы «гавкать», «тявкать» и «бrehать» имеют пару, а глагол «лаять» – нет; аналогично: глагол «квохтать» соотносится с глаголом «квохтнуть», а синоним глагола «квохтать» – глагол «клохтать» не имеет одноактной пары!

Обозначение аспектуально-акциональных особенностей действий многоактного/одноактного характера в сопоставляемых языках заметно отличается. В русских глаголах значение мультипликативности не маркируется, а в осетинском языке оно может маркироваться особыми словообразовательными моделями, выделенными нами в качестве отдельных способов действия. Если в русском языке у части многоактных глаголов нет соотносительных пар, «наблюдается не-реализованность семантически детерминированного деривационного процесса» [Храковский, 2001: 135], или речь идет об «отсутствии корреляции по чисто техническим языковым причинам» [Яковлев, 1975: 101], то в современном осетинском языке ситуация, с одной стороны, отличается, так сказать, бóльшей последовательностью – у многоактных бесприставочных глаголов вообще нет одноактных бесприставочных пар, а, с другой стороны, наблюдается бóльшая дифференциация значения семельфактивности в приставочных глаголах однократного СД, обозначающих не только однократность действия, но и другие акциональные смыслы. Глаголы дискретно-многоактного СД в роли производящих для глаголов однократного СД не выступают.

Как отмечалось нами ранее, комбинации универсальных акционально-аспектуальных признаков могут совпадать и отличаться не только набором денотативных значений, они специфичны в сигнификативном и экспрессивно-стилистическом отношении [Шелякин, 1972: 238]. На примере дискретной многоактности как одной из разновидностей мультипликативности мы наблюдаем различную степень обязательности выражения того или иного аспектуально-акционального смысла при обозначении типовых ситуаций в сопоставляемых языках, отличающихся степенью значимости и частотности в выражении отдельных категориальных смыслов. Эти различия можно считать проявлением своего рода языковой относительности в сфере грамматики, а истоки присутствия в функционально-семантическом поле осетинского языка, в зоне микрополя мультипликативности, универсальных (перечисленных нами выше) признаков, бесспорно, «коренятся в общих закономерностях отражения объективной действительности в человеческом сознании, т.е. в единстве мира и единстве его восприятия людьми в процессе их деятельности» [Бондарко, 2001: 31].

Список литературы

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Л., 1958–1979.
2. *Абаев В.И.* Мимео-изобразительные слова в осетинском языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 4. 1956. С. 409–427.
3. *Бондарко А.В.* К проблематике функционально-семантических категорий: Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С. 18–31.
4. *Бондарко А.В.* Лимитативность как функционально-семантическое поле // Теория функциональной грамматики. М., 2001.
5. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
6. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
7. *Горбова Е.В.* Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.
8. *Гуриев Т.А.* Краткий осетино-русский словарь. Владикавказ, 2003.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. М., 2004.
10. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1. М., 2001.
11. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
12. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание: Учебник для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.; М., 2005.
13. *Маслов Ю.С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157–312.
14. *Маслов Ю.С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
15. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
16. *Маслов Ю.С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965. С. 53–80.
17. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2006.
18. Осетинско-русский словарь / Сост.: Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева. Орджоникидзе, 1962.
19. *Ремчукова Е.В.* Структурно-семантическая зона «сложное действие» в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
20. *Рощина Л.М.* Соотношение лексической семантики и видовых значений в глаголе (в сфере повторяемости действия) // Семантический аспект изучения языковых единиц. Ашхабад, 1982. С. 11–19.
21. *Сенаторова Э.П.* О значении суффикса -ну- // Грамматические проблемы русского языка. Барнаул, 1974. С. 50–64.
22. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965. [БАС]
23. *Спагис А.А.* Образование и употребление видов глагола в русском языке: Пособие для учителей нерусских школ. М., 1961.
24. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
25. *Фадеев А.А.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М., 1970.
26. *Фадеев А.А.* Ёрыгон гварди. Дзæуджыхъæу, 1953.
27. *Храковский В.С.* Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узuallyное / хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 3–12.

28. Храковский В.С. И опять о «болевых точках» категории вида // Вопросы языкознания. 2018. № 1. С. 105–118.
29. Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2001.
30. Цалиева (Левитская) А.А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
31. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы. Таллин, 1983.
32. Шелякин М.А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): Дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1972.
33. Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Таксис. М., 2001. С. 63–85.
34. Яковлев В.Н. Многоактность как способ глагольного действия // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. № 3. С. 97–105.

Alina Levitskaya

**MULTIPLICATIVE MODES OF ACTION
(ACTIONSARTS) IN MODERN OSSETIAN
AND MODERN RUSSIAN:
A DISCRETE MULTI-ACT MANNER OF ACTION**

*Institute of History and Archeology of The Republic of North Ossetia – Alania
46 Vatutina Street, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, 362025*

The article discusses the peculiarities of naming the multiplicative reusability in the modern Ossetian language in comparison with the nomination of this semantic type in Russian. Five varieties of multiplicativity are distinguished, three of which have derivational marking and form classes of characterized modes of action, which distinguishes the Ossetian micro-field of multiplicativity from the Russian one. The author combines two other varieties in an uncharacterized multi-act mode of action, as verbs without a formal expression of multiplicativity. The discrete-multi-act mode of action (MA) with the separation of verbs of a discrete-decomposable and discrete-indecomposable nature is described in detail. The analysis of aspectual action meanings in Ossetian verbs of one-act MA, in which the value of momentariness (one-actuality) is always combined either with additional shades of actionality, or with spatial-orientational values, or with both simultaneously. The article provides language material, indicating that universal aspect-action meanings are presented in comparable languages in different combinations. The multi-act character of actions manifests itself in the structure of the exponents of the corresponding Ossetian verbs: the separation of the action into homogeneous acts is expressed by a split sound shell, which makes them more expressive than their Russian equivalents. Analyzing the judgments of some Russian linguists, that the “low-discrete nature” of polyactivity determines the inconsistency of a number of Russian multi-act verbs with one-act verbs, the author of the article gives counter-arguments against this point of view, and also shows on the specific Ossetian language material that the Ossetian language has a greater differentiation of semelfactivity and more continuity in the formation of one-

act verbs from multi-act ones: unprefixed multi-act verbs do not have corresponding one-act ones. Combinations of universal aspect-actional meanings in the compared languages can be the same and differ not only by the set of denotative meanings, they are specific in the signficative and expressive-stylistic aspects.

Key words: multi-act/one-act verbs; multiplicative modes of action; discrete-multi-action mode; Ossetian language; Russian language.

About the author: *Alina Levitskaya* – PhD, Associate Professor, Department of Cultural Heritage, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia – Alania (e-mail: 54alina.levitskaya@gmail.com).

References

1. Abaev V.I. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka*: v 4 t. L., 1958–1979.
2. Abaev V.I. Mimeo-izobrazitel'nye slova v osetinskom jazyke. *Trudy Instituta jazykoznanija AN SSSR*. T. 4. 1956. S. 409–427.
3. Bondarko A.V. K problematike funkcional'no-semanticheskikh kategorij: Glagol'nyj vid i "aspektual'nost'" v russkom jazyke. *Voprosy jazykoznanija*. 1967. № 2. S. 18–31.
4. Bondarko A.V. Limitativnost' kak funkcional'no-semanticheskoe pole. *Teorija funkcional'noj grammatiki*. M., 2001.
5. Bondarko A.V. *Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii*. L., 1983.
6. Voronin S.V. *Osnovy fonosemantiki*. L., 1982.
7. Gorbova E.V. Russkoe videoobrazovanie: slovoizmenenie, slovoklassifikacija ili nabor kvazigrammem? (eshhe raz o bolevyh tochkah russkoj aspektologii). *Voprosy jazykoznanija*. 2017. № 1. S. 24–52.
8. Guriev T.A. *Kratkij osetino-russkij slovar'*. Vladikavkaz, 2003.
9. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: Sovremennoe napisanie*: v 4 t. M., 2004.
10. Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. T. 1. M., 2001.
11. Isachenko A.V. *Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim*. Ch. 2. Bratislava, 1960.
12. Maslov Ju.S. *Vvedenie v jazykoznanie: Uchebnik dlja filol. i lingv. fak. vyssh. uceb. zavedenij*. SPb; M., 2005.
13. Maslov Ju.S. Glagol'nyj vid v sovremenom bolgarskom literaturnom jazyke (znachenie i upotreblenie). *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo jazyka*. M., 1959. S. 157–312.
14. Maslov Ju.S. *Izbrannye trudy. Aspektologija. Obshhee jazykoznanie*. M., 2004.
15. Maslov Ju.S. *Očerki po aspektologii*. L., 1984.
16. Maslov Ju.S. Sistema osnovnyh ponjatij i terminov slavjanskoj aspektologii. *Voprosy obshhego jazykoznanija*. L., 1965. S. 53–80.
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. M., 2006.
18. Osetinsko-russkij slovar'. Sost.: B.B. Bigulaev, K.E. Gagkaev, N.H. Kulaev, O.N. Tu-aeva. Ordzhonikidze, 1962.
19. Remchukova E.V. *Strukturno-semanticheskaja zona "slozhnoe dejstvie" v sovremenom russkom jazyke*: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1984.
20. Roshchina L.M. Sootnoshenie leksicheskoi semantiki i vidovyh znachenij v glagole (v sfere povtorjaemosti dejstviya). *Semanticheskij aspekt izuchenija jazykovykh edinic*. Ashhabad, 1982. S. 11–19.
21. Senatorova Je.P. O znachenii suffiksa -nu-. *Grammaticheskie problemy russkogo jazyka*. Barnaul, 1974. S. 50–64.
22. *Slovar' sovremenno go russkogo literaturnogo jazyka*: v 17 t. M.; L., 1950–1965. [BAS]

23. Spagis A.A. *Obrazovanie i upotreblenie vidov glagola v russkom jazyke: posobie dlja uchitelej nerusskikh shkol.* M., 1961.
24. Tihonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: v 2 t.* M., 1985.
25. Fadeev A.A. *Sobranie sochinenij. V 7 t. T. 3: Molodaja gvardija.* M., 1970.
26. Fadeev A.A. *Ærygon gvardi. Dzæudzhyhæu,* 1953.
27. Hrakovskij V.S. Est' li u nesovershennogo vida v russkom jazyke povtoritel'noe (neogranichenno-kratnoe / mnogokratnoe / iterativnoe / uzual'noe / habitual'noe) znachenie? *Voprosy jazykoznaniya.* 2014. № 4. S. 3–12.
28. Hrakovskij V.S. I opjat' o "bolevyh tochkah" kategorii vida. *Voprosy jazykoznaniya.* 2018. № 1. S. 105–118.
29. Hrakovskij V.S. *Kratnost'. Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis.* M., 2001.
30. Calieva (Levitskaja) A.A. *Aspektual'nost' v osetinskom jazyke, ee geneticheskie i areal'nye svyazi: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk.* L., 1983.
31. Sheljakin M.A. *Kategorija vida i sposoby dejstvija russkogo glagola. Teoreticheskie osnovy.* Tallin, 1983.
32. Sheljakin M.A. *Pristavochnye sposoby glagol'nogo dejstvija i kategorija vida v sovremennom russkom jazyke (k teorii funkcional'no-semanticheskoi kategorii aspektual'nosti): dis. ... d-ra filol. nauk.* L., 1972.
33. Sheljakin M.A. Sposoby dejstvija v pole limitativnosti. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Taksis.* M., 2001. S. 63–85.
34. Jakovlev V.N. Mnogoaktnost' kak sposob glagol'nogo dejstvija. *Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki.* 1975. № 3. S. 97–105.

H.-G. Nesselrath

**PAGAN CHALLENGE AND CHRISTIAN RESPONSE, OR
HOW ORIGEN USES LUCIAN OF SAMOSATA TO DEAL
WITH CELSUS' ATTACK ON CHRISTIANITY**

*University of Göttingen,
Germany, Humboldtallee 19, 37073 Göttingen*

There are remarkably few explicit mentions of Lucian of Samosata and his writings in the times of the Later Roman Empire¹, so that one might be forgiven for thinking that Lucian – who enjoyed such a remarkable fortune in Early Modern Europe and was probably one of the most read ancient Greek authors between the 15th and the early 19th centuries – was more or less totally unknown for long centuries soon after his death. This, however, is not really the case: it can be shown (and has been shown²) that several authors – like the Emperor Julian in the middle of the 4th century CE and the poet Claudian at its end – did in fact read Lucian, though they did not explicitly quote him, and this paper is going to argue that we can add at least another interesting author to the (slowly growing) list of Lucian's ancient readers: the important (and not uncontroversial) Christian theologian Origen in the first half of the 3rd century CE (and thus only a few generations after Lucian's death). In what follows I will try to show that Origen's extensive apologetic treatise "Against Celsus" contains clear evidence that its author read several pieces of Lucian's large and manifold oeuvre and that these readings may (at least every now and then) have inspired Origen's response to the challenge that Celsus' anti-Christian treatise presented to him.

Key words: Lucian of Samosata; the reception of Lucian in late antiquity; Origen; "Against Celsus".

1. Origen's Celsus – Platonist or Epicurean?

How does Lucian's heritage manifest itself in Origen's work? First of all, apparently in Origen's peculiar perception of his opponent. Scholars today are fairly certain that the Celsus against whom Origen wrote his treatise was a Platonist³; Origen himself, however, was of another

Heinz-Günther Nesselrath – Prof. Dr., Georg-August-Universität Göttingen (e-mail: HeinzGuenther.Nesselrath@phil.uni-goettingen.de).

¹ Only the following quotes are known: Lactantius (early 4th century CE), *Div. Inst.* 1, 9, 8 calls Lucian an author, *qui diis et hominibus non pepercit*; Eunapius of Sardis (late 4th century CE), *Vitae Sophistarum* 2.1.9 p. 454 mentions Lucian's *Vita Demonactis* and calls him a "man who seriously strove to produce laughter"; Isidorus of Pelusium (5th century CE), *Ep.* 4.55 stresses Lucian's affinity to Cynicism. The next to quote Lucian was the Byzantine patriarch Photius (9th century).

² See Nesselrath [1994: 30–44].

³ See most recently A. Villani, *Platon und der Platonismus in Origenes' Contra Celsum* [Origenes der Christ und Origenes der Platoniker, 2018: 109–127] 109 with n. 1; A.M.

opinion: in several places he addresses Celsus as an Epicurean,⁴ while in others he is not so sure. Already in 1.8 he points out that Celsus “is found to be an Epicurean in other writings, but in this one [i.e. in the *Alethes Logos*, against which Origen directs his own text] he does not profess the teachings of Epicurus, because he thinks he can (thus) attack Christianity with better effect”⁵. Likewise in 4.4, Origen accuses Celsus of not “distinctly showing” that he is an Epicurean, but pretending to accept the notion of providence (πρόνοια), something no Epicurean would do⁶. Later in the same book, in ch. 54, Origen goes even further; after observing that Celsus in a passage quoted by Origen has paraphrased Plato’s [!] *Timaeus*, Origen considers several possibilities why Celsus does so: either he insincerely hides his Epicurean opinions, or he has changed his former affiliation with Epicurus into something better (i.e. an allegiance to Plato), or he has never been an Epicurean at all but simply happens to have the same name as the Epicurean Celsus⁷. This is the closest Origen comes to recognizing that there actually may have been two Celsuses – one an Epicurean, the other a Platonist – and that he may have confused the one with the other. In at least two other places Origen acknowledges

Ritter, *Kritik an den traditionellen Göttern zwischen paganer Welt und Christentum* [Götter unter sich: Lukian, Göttergespräche, 2019: 141–165] 156–160.

⁴ See Cels. 2.60 (ὡς Ἐπικούρειος); 3.35 (Εἰ μὲν γάρ φησι μηδὲν ἕτερον εἶναι μήτε δαιμόνιον μήτε θεῖον περὶ τούτους, κἄν νῦν ὁμολογησάτω τὴν ἑαυτοῦ γνώμην, Ἐπικούρειος ὢν ...); 3.80 (Ἀγωνισάσθω οὖν μηκέτι κρύπτων τὴν ἑαυτοῦ αἵρεσιν ἀλλ’ ὁμολογῶν Ἐπικούρειος εἶναι πρὸς τὰ παρ’ Ἑλλήσι καὶ βαρβάροις οὐκ εὐκαταφρονήτως λεγόμενα περὶ τῆς ἀθανασίας τῆς ψυχῆς ἢ τῆς ἐπιδιαμονῆς αὐτῆς ἢ τῆς τοῦ νοῦ ἀθανασίας, καὶ παραδεικνύτω ταῦτα μὲν εἶναι λόγους, κούφαις ἐλπίσιν ἀπατώντας τοὺς συγκατατιθεμένους αὐτοῖς, τοὺς δὲ τῆς ἑαυτοῦ φιλοσοφίας καθαροὺς εἶναι κούφων ἐλπίδων καὶ ἥτοι προσάγοντας ἐλπίσιν ἀγαθαῖς ἢ, ὅπερ μάλλον ἀκόλουθόν ἐστιν αὐτῶ, οὐδεμίαν ἐμποιοῦντας ἐλπίδα διὰ τὴν τῆς ψυχῆς εὐθὺς παντελῆ φθοράν); 4.75 (Οἶεται γὰρ πρῶτον μὲν μὴ ἔργα θεοῦ εἶναι βροντὰς καὶ ἀστραπὰς καὶ ὑετοῦς, ἤδη σαφέστερον Ἐπικουρίζων <...> συντυχικῶς διδοὺς καὶ οὐ κατὰ πρόνοιαν ὡς ἀληθῶς Ἐπικούρειος ταῦτα συμβαίνειν); 5.3 (Ὅρα δὴ ὅτι <...> πρὸς τὸν Ἐπίκουρον αὐτομολῶν ἐλέγχεται).

⁵ Orig. Cels. 1.8: Ἐλεγκτέον δὴ ὡς τὰ ἐναντία ἑαυτῷ λέγοντα τὸν Κέλσον. Εὐρίσκεται μὲν γὰρ ἐξ ἄλλων συγγραμμάτων Ἐπικούρειος ὢν· ἐν ταῦτα δὲ διὰ τὸ δοκεῖν εὐλογώτερον κατηγορεῖν τοῦ λόγου μὴ ὁμολογῶν τὰ Ἐπικούρου προσποιεῖται κρεῖττόν τι τοῦ γηίνου εἶναι ἐν ἀνθρώπῳ συγγενὲς θεοῦ καὶ φησιν ὅτι οἷς τοῦτο εὐ ἔχει, τοῦτέστιν ἡ ψυχή, πάντῃ ἐφίενται τοῦ συγγενοῦς, λέγει δὲ τοῦ θεοῦ, καὶ ἀκούειν αἰεὶ τι καὶ ἀναμιμνήσκεισθαι περὶ ἐκείνου ποθοῦσιν.

⁶ Orig. Cels. 4.4: Λελέγεται οὖν ὅπερ ἡμῖν καὶ Ἰουδαίοις προσάγει ὁ Κέλσος καὶ πρὸς αὐτόν· ὅτι ἄρα, ὦ οὗτος, οἶδεν ὁ ἐπὶ πᾶσι θεὸς τὰ ἐν ἀνθρώποις ἢ οὐκ οἶδεν; Ἄλλ’ εἴπερ τίθης εἶναι θεὸν καὶ πρόνοιαν, ὡς ἐμφαίνει σου τὸ σύγγραμμα, ἀναγκαῖον αὐτὸν εἶδέναι. Εἰ δ’ οἶδεν, διὰ τί οὐκ ἐπανορθοῖ; Ἡ ἡμῖν μὲν ἀναγκαῖον ἀπολογεῖσθαι, διὰ τί εἰδὼς οὐκ ἐπανορθοῖ· σοὶ δέ, μὴ πάνυ ἐμφαίνοντι διὰ τοῦ συγγράμματος τὸν Ἐπικούρειον ἀλλὰ προσποιουμένῳ πρόνοιαν εἶδέναι, οὐκ ἐπ’ ἴσης λελέγεται, διὰ τί εἰδὼς τὰ ἐν ἀνθρώποις πάντα ὁ θεὸς οὐκ ἐπανορθοῖ οὐδὲ θεία δυνάμει ἀπαλλάσσει πάντας τῆς κακίας;

⁷ Orig. Cels. 4.54: Ἐπεὶ δ’ ἐν ἡ ἐξεθέμην τοῦ Κέλσου λέξει παραφραζούσῃ ἀπὸ τοῦ Τιμαίου τινὰ γέγραπται <...>, φέρε καὶ περὶ τούτων ἐπ’ ὀλίγον διαλάβωμεν, ἐλέγχοντες τὸν ἥτοι μὴ προσποιούμενον τὴν ἑαυτοῦ Ἐπικούρειον γνώμην ἢ, ὡς ἂν εἴποι ἂν τις, ὅστερον μεταθεμένον ἐπὶ τὰ βελτίω ἢ καί, ὡς ἂν λέγοιτο, τὸν ὁμώνυμον τῷ Ἐπικουρεῖῳ.

that the Celsus he is dealing with “Platonizes in many respects” and that he “often pays his respects to Plato”⁸.

If, then, this Celsus in so many ways really seems to be a follower of Plato and not of Epicurus, why does Origen consider him so often (though with varying degrees of conviction) to be an Epicurean at all? The only somewhat prominent Epicurean bearing the name Celsus occurs – as far as I know – in a rather famous piece of writing by Lucian, namely his wonderfully written rogue’s biography of the religious impostor and false prophet Alexander of Abonuteichos: this Celsus is the addressee for whom Lucian (or so he claims in his proem) has written down Alexander’s life and whom Lucian obviously regards as a fellow Epicurean, as the last chapter (61) demonstrates⁹. Clearly, Lucian’s Life of Alexander would have contained much of interest for a Christian thinker like Origen: it vividly describes the rise – and the final unsavoury end – of a pagan impostor who builds his very commercialized religious enterprise on nothing but fraud and considers not only Epicureans, but also Christians¹⁰ as his greatest enemies.

By the way, Origen is not the only one who has (though with some doubts) identified the Platonist author of the *Alethes Logos* – the first great pagan pamphlet against Christianity – with Lucian’s Epicurean addressee Celsus: not only the Byzantine scholia on Lucian identify these two Celsuses¹¹, but even modern theologians are sometimes not immune against this temptation; thus Josef Lössl in his article “Lukianos” in the sixth volume of the “Lexikon für Theologie und Kirche” [1997: 1117]¹² seems to think it at least possible that Lucian knew Celsus, the author of the *Alethes Logos*. While this is not impossible, this Celsus is very probable not identical with Lucian’s addressee in the Life of (the False Prophet) Alexander.

2. Another mysterious Epicurean in “Contra Celsum”

If I am not mistaken, Celsus is not the only Lucianic Epicurean who makes his appearance in Origen’s “Contra Celsum”. In 6.41 Origen dis-

⁸ Orig. Cels. 4.83 l. 38s. (καὶ γὰρ ἐν πολλοῖς πλατωνίζειν θέλει); 6.47 (οὐδ’ ἐβουλήθη τὸ παρὰ Πλάτωνι ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς λελεγμένον <...> περὶ τοῦ διακοσμήσαντος τὸδε τὸ πᾶν ὡς ὄντος υἱοῦ θεοῦ παραθέσθαι· ἵνα μὴ καὶ αὐτὸς ὑπὸ τοῦ Πλάτωνος, ὃν πολλάκις ἐσέμνυνεν, ἀναγκασθῇ παραδέξασθαι ὅτι ὁ μὲν δημιουργὸς τοῦδε τοῦ παντὸς υἱὸς ἐστὶ τοῦ θεοῦ, ὁ δὲ πρῶτος καὶ ἐπὶ πᾶσι θεὸς πατὴρ ἐστὶν αὐτοῦ).

⁹ See also ch.s 25 and 47, in which the author professes his unconditional admiration for Epicurus.

¹⁰ See Luc. Alex. 25 and 38.

¹¹ Schol. ad Luc. Alex. init. p. 180.14–9 Rabe: οὗτός ἐστι Κέλσος ὁ τὴν καθ’ ἡμῶν μακρὰν γράψας φλυαρίαν ἐν ὅλοις ὀκτῶ βιβλίοις, ᾧ πρὸς ἰσαριθμὸν ἀντεξαγόμενος πρόθεσιν ὁ σπουδαιότατος ἀντίπεν Ὑριγένης μεστοὺς ἀπάσης σοφίας καὶ εὐσεβείας ἐξυφανάμενος λόγους καὶ λῆρον ἀποφήνας τὸ θαυμαστὸν αὐτοῦ σπούδασμα. See also Arnold [2016: 16].

¹² Arnold [2016: 335 n. 441] is (rightly) skeptical.

cusses the relationship between magic and philosophy and disputes Celsus' opinion that magic can have no power over true philosophers. Origen begs to differ and points out that the famous Apollonius of Tyana – who was both a philosopher and a magician, at least according to the author Moiragenes, who wrote down his *Apomnemoneumata* – brought some honourable philosophers under his spells, among them one called Euphrates and “a certain Epicurean”, for whom no name is given¹³. But who might this be? We do not have Moiragenes' work, but we have the very extensive “Life of Apollonios” by Philostratus, who mentions Moiragenes as one of his sources (and also criticizes him¹⁴). Now in Philostratus' work no Epicurean can be found either, but there is a man called Damis who is Apollonius' most reliable friend and follower (and Philostratus claims to have based his description of Apollonius' life most extensively on the records of this Damis¹⁵); and there is in fact a prominent Epicurean with this very name (Damis) again in one of Lucian's best Menippean Satires, namely in “Zeus as tragic actor” (*Iuppiter tragoedus*) – and this is actually the only Epicurean with the name Damis in all of Greek literature.

To explain, then, Origen's rather extraordinary claim that there was an Epicurean in the entourage of the philosopher-magician Apollonius of Tyana, we would have to assume that Origen combined what he knew – either from Moiragenes, whom he cites, or from Philostratus, whom he does not cite but may nevertheless have read – about the existence of a certain Damis as a faithful follower of Apollonius with what he had read in Lucian's satire “Zeus as tragic actor”. Certainly, this piece would have been of considerable interest for a Christian thinker, for it shows how a bold and intelligent Epicurean enters into a very public dispute with a Stoic philosopher about the power and providence of the pagan gods and soundly defeats him, reducing the shocked gods to powerless onlookers of their own dethronement. What more could a Christian theologian ask for?

3. Further plausible traces of Lucian having been read by Origen

With the “Life of Alexander the False Prophet” and “Zeus as a Tragic Actor”, Origen would have known two major pieces of Lucian's oeuvre which are rather famous even today. Can we find more? Let me try to point out some further possible traces of Lucianic thought and themes in Origen's “Contra Celsum”.

¹³ Orig. Cels. 6.41: περί μαγείας φαμέν ὅτι ὁ βουλόμενος ἐξετάσαι, πότερόν ποτε καὶ φιλόσοφοι ἄλωτοί εἰσιν αὐτῇ ἢ μὴ, ἀναγνώτω τὰ γεγραμμένα Μοιραγένηι τῶν Ἀπολλωνίου τοῦ Τυανέως μάγου καὶ φιλοσόφου ἀπομνημονευμάτων· ἐν οἷς ὁ μὴ Χριστιανὸς ἀλλὰ φιλόσοφος ἔφησεν ἁλῶναι ὑπὸ τῆς ἐν Ἀπολλωνίῳ μαγείας οὐκ ἀγεννεῖς τινας φιλοσόφους ὥς πρὸς γόητα αὐτὸν εἰσελθόντας· ἐν οἷς οἶμαι καὶ περὶ Εὐφράτου <τοῦ> πάνυ διηγῆσατο καὶ τινος Ἐπικουρείου.

¹⁴ Philostr. VA 1.3.

¹⁵ Philostr. VA 1.3.1.

In Lucian's "Dialogues of the Gods" Zeus, the highest god of them all, plays a very prominent role, and he is also mentioned – in most instances unfavourably, of course – in "Contra Celsum": in 1.17 his criminal insurrection against his father is pointed out, as well as the scandalous detail that he had intercourse with his own daughter Persephone (and this is mentioned again in 1.25). Now these topics are already found also in earlier Christian apologetic writings (e.g. in Tatian's "Address to the Greeks"), and they are in fact not prominent in Lucian's depiction of Zeus (Lucian focuses much more on Zeus' notorious philandering and innumerable erotic affairs). There is, however, one passage in "Contra Celsum" that may point to a specific Lucianic source. In 3.22 Origen discusses pagan claims that Zeus' son Heracles and Zeus' grandson Asclepius, though originally mere men, have become gods after their death and dismisses these claims: "we shall demonstrate that it is impossible for these <...> to obtain a better country and position after their departure from this world; for this we refer to the stories that are told about them, in which the great dissoluteness of Heracles is recorded and his effeminate servitude under Omphale, and about Asclepius, how he was struck down by the Greeks' Zeus by means of a thunderbolt"¹⁶.

In this passage Origen has picked out the two most demeaning episodes of the myths of Asclepius and Heracles, and it may be more than a coincidence that both episodes are also combined in the fifteenth of Lucian's "Dialogues of the Gods". In this little scene Asclepius and Heracles quarrel about who is to have the better place in the gods' symposium, with Heracles reproaching Asclepius with having been thunderbolted by Zeus for doing forbidden things, and Asclepius reproaching Heracles with ignominiously serving the queen Omphale in women's clothes. Certainly, it cannot be proved more mathematico, but it is at least very much plausible that Origen's passage was inspired by Lucian's little scene.

In another passage (3.37) Origen depicts – with clearly visible satirical delight – the greediness of the pagan gods as to sacrifices offered to them by humans: "Christians <...> have learned that all the gods of the pagans are greedy demons, which flit around the sacrifices and the bloody offerings and the (other) gains arising out of sacrifices"¹⁷. In 4.32, Origen supplements this by describing the gods' delighting "in frankincense and blood and in the exhalations of sacrificial odours"¹⁸. All these details can

¹⁶ Orig. Cels. 3.22: δειξομεν ὅτι οὐχ οἷόν τε τούτους πολυθεοὺς γενομένους ἐν χώρᾳ καὶ μερίδι κρείττονι γεγονέναι μετὰ τὴν ἐντεῦθεν ἀπαλλαγὴν, φέροντες τὰς περὶ αὐτῶν ἱστορίας, ἐν αἷς ἀναγέγραπται πολλὴ Ἡρακλέους ἀκολασία καὶ ἡ πρὸς τὴν Ὀμφάλῃν γυναικειῶς δουλεία, καὶ τὰ περὶ Ἀσκληπιοῦ ὡς κεραυνῷ βληθέντος ὑπὸ τοῦ Διὸς αὐτῶν.

¹⁷ Orig. Cels. 3.37: Χριστιανοῖς <...> μαθοῦσι δὲ καὶ "ὅτι πάντες μὲν οἱ θεοὶ τῶν ἐθνῶν εἰσι δαιμόνια" λίχνα καὶ περὶ τὰς θυσίας καὶ τὰ αἵματα καὶ τὰς ἀπὸ τῶν θυσιῶν ἀποφορὰς καλινδούμενα...

¹⁸ Orig. Cels. 4.32: δαιμόνων <...> λιβανωτῶ καὶ αἵματι καὶ ταῖς ἀπὸ τῆς κνίσσης ἀναθυμιάσεσι χαιρόντων...

also be found in the very vivid description how the gods most eagerly look out from heaven down to earth in order to detect sacrificial activity by humans in Lucian's essay "On sacrifices" (ch. 9): "The gods, assembled in the house of Zeus <...> look off at the earth and gaze about in every direction, leaning down to see if they can see fire being lighted anywhere, or steam drifting up to them 'about the smoke entwined'. And if anybody sacrifices, they all have a feast, opening their mouths for the smoke and drinking the blood that is spilt at the altars, just like flies..." [transl. by Harmon]¹⁹. If we compare these passages, we may well see that Lucian's description is well suited to inspire Origen's vivid remarks about the pagan gods greedily longing for sacrificial food and drink.

And there is yet another area, in which a Lucianic work may have provided Origen with well-presented arguments to further his response to Celsus' challenge: in his discussion about how to deal with the (often rather disharmonious) polyphony of the numerous rivalling Greek philosophical schools. In 1.10, Origen tries to counter Celsus' argument that Christians privilege irrational faith over rational argument by pointing out that also pagans often choose the philosophical school they attach themselves to in a quite irrational manner, which he describes like this: "For who turns to the study of philosophy and throws himself either by chance into the ranks of some philosophical sect or because he has somehow acquired a teacher of that school, and adopts such a course for any other reason than because of his faith that this particular sect is superior to any other? For he does not wait to hear the arguments of all the other philosophers and of all the different sects and the reasons for condemning one system and for supporting another and in this way chooses to become a Stoic or a Platonist or a Peripatetic or an Epicurean or a follower of whatever other school; no, borne along by some kind of irrational impulse – although they will not admit this –, they proceed to practice, say Stoicism and disregard the other doctrines, or Platonism and despise the other doctrines as being too mean, or the Peripatetic doctrine as being the most human and more readily acknowledging the blessings of human life fairness than the other doctrines"²⁰.

¹⁹ Luc. Sacr. 9: "οἱ δὲ θεοὶ παρ Ζηνὶ καθήμενοι" <...> ἀποσκοποῦσιν εἰς τὴν γῆν καὶ πάντῃ περιβλέπουσιν ἐπικύπτοντες εἰ ποθεν ὄψονται πῦρ ἀναπτόμενον ἢ ἀναφερομένην κνῖσαν ἑλισσομένην περὶ καπνῶ. κἀν μὲν θύῃ τις, εὐωχοῦνται πάντες ἐπικεχνηότες τῷ καπνῷ καὶ τὸ αἶμα πίνοντες τοῖς βωμοῖς προσχεόμενον ὥσπερ αἱ μυῖαι ...

²⁰ Orig. Cels. 1.10: Τίς γὰρ προτραπείς ἐπὶ φιλοσοφίαν καὶ ἀποκληρωτικῶς ἐπὶ τινὰ αἵρεσιν ἑαυτὸν φιλοσόφων ῥίψας ἢ τῇ εὐπορηκέσσει τοιοῦδε διδασκάλου ἄλλως ἐπὶ τοῦτο ἔρχεται ἢ τῷ πιστεῦν τὴν αἵρεσιν ἐκείνην κρείττονα εἶναι; Οὐ γὰρ περιμένας ἀκοῦσαι τοὺς πάντων φιλοσόφων λόγους καὶ τῶν διαφορῶν αἱρέσεων καὶ τὴν ἀνατροπὴν μὲν τῶνδε κατασκευὴν δὲ ἐτέρων, οὕτως αἱρεῖται ἥτοι Στωϊκὸς ἢ Πλατωνικὸς ἢ Περιπατητικὸς ἢ Ἐπικούρειος εἶναι ἢ ὅποιασδήποτε φιλοσόφων αἱρέσεως· ἀλλ' ἀλόγῳ τινί, κἀν μὴ βούλωνται τοῦτο ὁμολογεῖν, φορᾷ ἔρχονται ἐπὶ τὸ ἀσκήσαι, φέρ' εἰπεῖν, τὸν Στωϊκὸν λόγον, καταλιπόντες τοὺς λοιπούς, ἢ τὸν Πλατωνικόν, ὑπερφρονήσαντες ὡς ταπεινότερων

What Origen describes in this passage, is very vividly illustrated in what is probably Lucian's most serious (and almost Platonic looking) dialogue, "Hermotimus": in it, the author's alter ego Lycinus converses with a disciple of the Stoic school (this is the Hermotimus who gives the dialogue its title) and asks him for what reasons he has chosen to become a Stoic and not an adherent of another philosophical school, and in the course of the conversation it turns out that Hermotimus did so not for any rational reason but simply because the Stoics behaved so very seriously and solemnly in public and because he saw so many other people join their ranks (Luc. Herm. 15–18). Reacting to this, Lycinus points out that these are no valid reasons at all and argues that Hermotimus should really have seriously and in detail examined the contents of the doctrines of each and every philosophical school before making the far-reaching decision to join any of them (Luc. Herm. 47–49). Origen's above-cited remarks in "Contra Celsum" 1.10 read very much like a summary of these Lucianic statements, and thus the probability that Origen read Lucian's "Hermotimus" and used its arguments against Celsus seems rather high.

4. Concluding remarks

The observations presented in this paper seem to make it plausible that Origen read quite a number of Lucian's writings and used their contents in his refutation of Celsus' treatise against Christianity:

1. The very fact that Origen repeatedly regards Celsus as an Epicurean is best explained by the assumption that he identified him with the Celsus who is the obviously Epicurean addressee of Lucian's "Life of Alexander the False Prophet" – a treatise every Christian would surely have savoured as relentlessly uncovering the fraudulent rites and customs of pagan religion.

2. The fact that Origen localizes another Epicurean in the entourage of the magician-philosopher Apollonius of Tyana is also best explained by assuming that Origen identified Apollonius' faithful follower Damis with the Epicurean Damis, who is the real hero of Lucian's "Zeus as a Tragic Actor", where he convincingly debunks his Stoic opponent's claim that the pagan gods are the benevolent executors of divine Providence – yet another line of anti-pagan argument that Christians would certainly have welcomed.

3. A close agreement between the content of Lucian's fifteenth "Dialogue of the Gods" and Origen's depiction of the faults of the once-human-then-divinized figures of Heracles and Asclepius makes it appear at least conceivable that Origen read Lucian's "Dialogues of the Gods" – a series of wonderfully vivid sketches in which the Olympian Gods appear in a

τῶν ἄλλων, ἢ τὸν Περιπατητικὸν ὡς ἀνθρωπικώτατον καὶ μᾶλλον τῶν λοιπῶν αἱρέσεων εὐγνωμόνως ὁμολογοῦντα τὰ ἀνθρώπινα ἀγαθὰ.

very unfavourable light (which would again have very much appealed to Christians), namely as a contemptible bunch of spoiled brats with all-too-human appetites and weaknesses²¹.

4. Origen's repeated depiction of Greek gods as being greedy for sacrifice (particularly for sniffing the delightful odours wafting up from burnt-offerings) has clear parallels in Lucian's essay "On sacrifices", and especially the satirical tone that both authors adopt in connection with this detail makes it probable that Origen had read Lucian's essay – which can indeed be read as an eloquent indictment of Greek sacrificial religion.

5. Finally, Origen's argument (in 1.10) that even philosophizing Greeks do not rationally choose the philosophical school they want to adhere to but let themselves rashly be persuaded by totally irrelevant factors when making their choice neatly summarizes thoughts developed in Lucian's dialogue "Hermotimus" against all the "dogmatic" philosophical sects – thus presenting a fundamental attack against the vast majority of pagan Greek thinkers in Lucian's (and Origen's) time and providing Christians with wonderful material to establish their new religion as a respectable alternative.

All in all, the works of Lucian that Origen possibly (or even probably, if my arguments are convincing) used could (and probably did) provide Christian thinkers with valuable inspirations for how to defend themselves against pagan attacks like that of Celsus. And let me add one final thought: the material presented in this paper is only the result of a few and rather random soundings – "test drills", so to speak – taken from Origen's comprehensive and rich treatise against Celsus. I would in fact hope that this paper might induce somebody to begin a much more thorough and systematic study of the relationship between Lucian and Origen; I am rather confident that much more can be found.

References

1. Arnold J. *Der "Wahre Logos" des Kelsos*. Münster, 2016.
2. *Götter unter sich: Lukian, Göttergespräche*. F. Berdozzo, H.-G. Nesselrath (Hgg.). Tübingen, 2019.
3. *Lexikon für Theologie und Kirche*. 3. Aufl. Bd. 6. Freiburg, 1997.
4. Nesselrath H.-G. Menippeisches in der Spätantike: Von Lukian zu Julians Caesares und zu Claudians In Rufinum. *Museum Helveticum*, 1994, vol. 51, № 1, pp. 30–44.
5. *Origenes der Christ und Origenes der Platoniker*. B. Bäbler, H.-G. Nesselrath (Hgg.). Tübingen, 2018.

²¹Arnold [2016: 181 n. 711, 267 n. 223] points out that Origen's and Celsus' treatment of Amphiaraus and Trophonius in Orig. Cels. 3.35 seems similar to that in Lucian, DMort. 3; but the agreement between these passages does not seem very close (Origen also enumerates more than just these two divinized seers), so that it might just be a coincidence and no proof that Origen also read Lucian's "Dialogues of the Dead".

Г.-Г. Нессельрат

ВЫЗОВ ЯЗЫЧНИКА И ОТВЕТ ХРИСТИАНИНА, ИЛИ КАК ОРИГЕН ИСПОЛЬЗУЕТ ЛУКИАНА САМОСАТСКОГО, ЧТОБЫ СПРАВИТЬСЯ С НАПАДКАМИ ЦЕЛЬСА НА ХРИСТИАНСТВО

Гёттингенский университет, 37073, Гёттинген, аллея Гумбольтов, 19

Лукиан Самосатский и его труды довольно редко упоминаются в эпоху поздней Римской империи, так что было бы простительно думать, что Лукиан, который в XV–XIX вв. был, вероятно, одним из самых читаемых древнегреческих авторов, оставался в той или иной степени совершенно неизвестным долгие столетия после его смерти. Однако на самом деле это предположение совершенно неверно: можно показать (что и было сделано), что несколько авторов, к примеру, император Юлиан в середине IV в. н.э. и поэт Клавдиан в конце IV в., в действительности читали Лукиана, хотя они не цитировали его явно. В статье приводится аргументация в пользу того, что в медленно растущий список древних читателей Лукиана мы можем добавить, по крайней мере, еще одного интересного автора: важного, хотя и не однозначного, христианского богослова Оригена, трудившегося в первой половине III в. н.э. (а, следовательно, всего через несколько поколений после смерти Лукиана). В статье показано, что обширный апологетический трактат Оригена «Против Цельса» содержит ясное доказательство того, что его автор прочел несколько фрагментов обширного и многообразного наследия Лукиана и что это чтение могло – по крайней мере, время от времени – вдохновлять ответ Оригена на тот вызов, который бросал ему антихристианский трактат Цельса.

Ключевые слова: Лукиан Самосатский; рецепция Лукиана в поздней античности; Ориген; «Против Цельса».

Сведения об авторе: *Гейнц-Гюнтер Нессельрат* – ординарный профессор классической филологии в Гёттингенском университете (e-mail: HeinzGuenther.Nesselrath@phil.uni-goettingen.de).

Список литературы

1. Arnold J. Der “Wahre Logos” des Kelsos. Münster, 2016.
2. Götter unter sich: Lukian, Göttergespräche / F. Berdozzo, H.-G. Nesselrath (Hgg.). Tübingen, 2019.
3. Lexikon für Theologie und Kirche. 3. Aufl. Bd. 6. Freiburg, 1997.
4. Nesselrath H.-G. Menippeisches in der Spätantike: Von Lukian zu Julians Caesares und zu Claudians In Rufinum. Museum Helveticum, 1994. Vol. 51. № 1. P. 30–44.
5. Origenes der Christ und Origenes der Platoniker / B. Bäbler, H.-G. Nesselrath (Hgg.). Tübingen, 2018.

К.Р. Ибрагимова

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЕ МАСКИ ЭЗРЫ ПАУНДА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена древнеанглийской теме в ранних поэтических работах Эзры Паунда. Дается краткий обзор, посвященный изучению Паундом древнеанглийского языка в годы обучения в колледже, освещаются интересы поэта в области английских древностей. Сформированный Паундом образ вечного странника, связанный с его биографией, во многом коррелирует с древнеанглийской элегической топикой и претворяется в творчестве поэта в ряд образов-масок, характерных для паундовской ранней лирики: см., например, “At the Heart O’ Me” (ок. 1905, опубл. 1909), “The Seafarer” (1911), перевод древнеанглийской героической элегии (Sæfaran, X в.). Оба стихотворения объединены общими мотивами – одиночества, тревоги, морского странствия, – однако по сравнению с не вполне конкретной образностью «В сердце моем» текст «Морестранника» насыщен куда более точными яркими образами. «Древнеанглийскость» здесь проявляется и в технических особенностях, имитирующих древнеанглийский стих: метрике, аллитерации, вариации. Помимо этого, в «древнеанглийских» стихотворениях Паунда возникает и нехарактерная для древнеанглийской поэзии тема метаморфозы, которая чрезвычайно важна для паундовской поэтики в целом и актуализируется особым образом. Таким образом, древнеанглийская тема в ранней лирике Паунда оказывается не только важным аспектом его отношений с традиционной культурой, которую он вписывает в контекст своей поэзии, но и возможностью для разработки ключевых черт его личной поэтики.

Ключевые слова: Эзра Паунд; «В сердце моем»; «Морестранник»; древнеанглийская поэзия; маска; метаморфоза.

Существует устойчивое мнение, что древнеанглийская тема, возникающая в раннем творчестве Эзры Паунда (1885–1972), не играла основополагающей роли в его поэтическом развитии, будучи лишь причудливой инкрустацией в ткани его поэтики [Davie, 1964: 23; Brooke-Rose, 1971: 86]. Условно «средневековый» и «архаический» пласт у Паунда традиционно связывается с исканиями поэта на поле романской культуры, что имеет свои резоны: в самом деле, в количественном отношении сумма обращений к древнеанглийскому материалу у Паунда значительно уступает объему текстов,

Ибрагимова Карина Рашитовна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: agitato72@mail.ru).

отсылающих к провансальской, итальянской, испанской, а также китайской и японской культурам. Что же касается английских древностей, паундовские программные тексты включают лишь перевод древнеанглийской поэмы «Морестранник» (“Sæfaran”, X в.; вариант Паунда – “The Seafarer”, 1911). Впрочем, древнеанглийская тема у Паунда этим стихотворением не ограничивается и встраивается в общий контекст его поэтики.

Большая часть обращений к подобного рода образности зафиксирована в ранней лирике Паунда, к которой относятся уже упомянутый выше “The Seafarer”, “At the Heart O’Me”, нап. ок. 1905, опубли. 1909) и несколько неопубликованных стихотворений, написанных в годы обучения в колледже и раньше. Так, самое раннее из известных нам стихотворений на эту тему (начинающееся со строки “The Gods of the North are fallen”¹) датировано 1902 г.; moreover, представленный в нем образный ряд, ограничивающийся общими местами, выдает лишь поверхностное знакомство молодого поэта с миром северной архаики.

Первая же серьезная встреча Паунда с древнеанглийским языком произошла в 1904 г. во время учебы в колледже Гамильтон [Jones, 2006: 17]. На протяжении трех семестров Паунд изучал английские древности, восторженно отзываясь о процессе обучения в письмах к родителям осенью 1904 г.: отмечая, что «древнеанглийский язык очень увлекателен» [Pound, 2010: 23], он перечисляет ключевые древнеанглийские тексты, которые переводит к занятиям: среди них фрагменты из «Беовульфа» (Beowulf, ок. VII–VIII в.), «Путешествие Охтхере» (Öhthere reise, IX в.), творчество Кюневульфа (Cynewulf, IX в.), их же он готов рекомендовать для чтения матери, если она выразит желание ознакомиться с ними в переводе на современный английский язык [Pound, 2010: 25].

Неудивительно, что энтузиазм Паунда по отношению к изучаемому им предмету был вознагражден: к 1905 г. Паунд становится «гордостью Биба» – так студенты называли своего преподавателя древнеанглийского языка Джозефа Д. Ибботсона (Joseph Darling Ibbotson, 1869–1952) [Norman, 1969: 11]. С последним Паунд сохранил дружеские отношения и даже обсуждал с ним в то время еще находившуюся в зародыше идею “The Cantos”, сравнивая свою будущую поэму с «эпосом англосаксонских времен» [Froula, 1984: 12].

Древнеанглийская тема в творчестве Паунда способствует разработке одного из ключевых принципов его ранней лирики – использования целой цепи образов-масок, неких «драматических голосов

¹ “The Gods of the North are fallen,
Thor’s laid his hammer down
Men fear not the wrath of Odin
Nor the dark Valkyries frown” [Robinson, 1993: 244].

поэта» [Tytell, 1984: 40], с помощью которых, перевоплощаясь, тот осваивал реальность, касаясь ее разными гранями своего существа. Паундовские образы-маски играли как роль приема, позволявшего оживить интересных Паунду людей иных эпох, так и предоставляли поэту возможность выразить свои личные «эпические устремления и страхи» [Witemeyer, 1969: 60], скрывшись за принимаемой им маской. Характерные для древнеанглийской поэзии образы одиночества, изгнанничества, морских странствий влекли Паунда (оказываясь, по выражению Борнштейна, «средством выражения эмоций юного изгнанника – его беспокойности, гордости, веры в свою звезду» [Bornstein, 1977: 78]), который провел если не в изгнании, то в некоем одиссеевском странствии почти всю жизнь. Поэтому образы древнеанглийских мореплавателей (долгое плавание по морю – тема, которая впоследствии окажется одной из ключевых в творчестве Паунда²) как нельзя лучше подходили поэту; как иронически отмечает Х. Карпентер, «несомненно, образ бездомного Морестранника – «маска», казавшаяся Эзре очень привлекательной, но так как он неизменно страдал от морской болезни, требовались усилия, чтобы это вообразить...» [Carpenter, 1988: 156].

Итак, ярким примером паундовской маски в ее древнеанглийском варианте становится стихотворение «В сердце моем», создавая которое, Паунд, по всей видимости, вдохновлялся древнеанглийской элегией «Послание мужа» (The Husband's Message, ок. VIII в.) [Jones, 2006: 24]. Как древнеанглийская элегия, так и стихотворение Паунда рассказывают историю мореплавателя, которого тревожат не ратные подвиги, но мысли о его возлюбленной, с которой он разлучен. Ни дары, ни восхваления не радуют его сердца: он боится, что его возлюбленная в его отсутствие услышит зов неких духов, которых Паунд именует «они» (they³) и покинет его, т.е., вероятнее всего, умрет.

Стихотворение это, несомненно, не относится к сильнейшим работам Паунда: в нём много подражательного как в отношении стиля (к примеру, широкое использование Паундом составных прилагательных напоминает скорее не о древнеанглийской поэзии, но о творчестве Данте Габриэля Россетти и Уильяма Морриса – перевод «Беовульфа» за авторством последнего Паунд оценивал чрезвычайно высоко [Alexander, 1979: 53]), так и в отношении образности: загадочные «они», возникающие в третьей строфе, напоминают йейтсовских фей и духов, «белый лесной народ» (white folk of the forest).

Монолог героя стихотворения отвечает всем характеристикам, встречающимся в других паундовских масках: перед нами, как и

² См.: «Гвидо приглашает так» (Guido Invites You Thus, 1909), «Любовная песнь к Эвное» (Love Song to Eunoë, ок. 1915); «Хью Селвин Моберли» (Hugh Selwyn Mauberley, 1920); «Песни».

³ Здесь и далее текст «В сердце моем» Эзры Паунда цит. по: [Pound, 1909: 34–35].

всегда, представлен «момент песнопения, самоанализа или внезапно-го осознания или откровения» [Pound, 1951: 36]. «Голосом» Паунда становится не обыватель, но поэт, некий древнеанглийский scop, получающий от «чужеземцев» (*kindly strange peoples*) дары за свои «сказания о странствиях» (*tales of wandering*) и в паундовской личной мифологии оказывающийся северным вариантом провансальского трубадура, балансирующего на грани между своими ипостасями воителя, влюбленного и творца.

В сущности, все остальные образы в стихотворении, отсылающие к древнеанглийской поэзии, очень размыты и неконкретны, что создает впечатление разворачивающегося на глазах читателей костюмированного представления: так, в эпиграф Паунд выносит дату 751 A.D., отсылающую к году падения династии Меровингов, однако это не вполне древнеанглийский, а в целом обобщенный архаический германский образ; в 30-й строке он вводит древнеанглийское слово “*Middan-gard*”, которое снабжает сноской “*Anglo-Saxon, "Earth"*”, демонстрируя свою эрудицию. Впрочем, внимания достойны кеннинги, появляющиеся в стихотворении, которые Паунд частично заимствует из древнеанглийских текстов: так, в 23-й строке появляется кеннинг «китовые пути» (*whale-ways*) – обозначение моря, характерное для древнеанглийской поэзии. Любопытно, что наряду с этим кеннингом в тексте стихотворения возникают и другие слова, лишь маскирующиеся под кеннинги благодаря широкому использованию дефисов у Паунда: так, появляющееся в той же строфе слово «кольчуга» (*chain-mail*) можно принять за кеннинг, хотя оно вполне устоялось в современном английском языке; слова наподобие “*sea-coasts*” и “*in-streams*” получают лишний дефис, несмотря на то, что здесь в нем нет особой необходимости.

Впрочем, Паунд так настойчиво использует эти дефисы по другой причине: с их помощью он стремится решить сложную задачу передачи ритмического звучания древнеанглийского стиха средствами современного английского языка (строй которого отличен от строя древнеанглийского языка). Согласно системе, разработанной Э. Сиверсом (*Eduard Sievers, 1850–1932*), существовало пять типов древнеанглийского стиха: А (хореический, нисходящий; / x / x), В (ямбический, восходящий; x / x /), С (со срединным стыком ударений; x // x), D (с начальным стыком ударения; // x x), Е (с кольцевым ударением; / x x / или / x x /) [Смирницкая, 1994: 15–16]. Паунда особенно привлекали последние три типа, включающие стыки ударений, что происходит, когда аллитерационные вершины находятся рядом. В двух последних типах – D и Е – смыкание вершин достигалось за счет составных слов, стоящих либо в конце, либо в начале полустро-

ки. При этом было важно не только ударение, но и то, как проявляла себя аллитерация, однако последний аспект Паунд зачастую упускал из виду, оставаясь верным лишь использованию составных слов.

Паундовские «псевдо-кеннинги», встречающиеся в стихотворении «В сердце моем», как раз и играют роль таких составных слов, необходимых для подражания полустрокам типов C, D или E. Так, с типом E сближаются строка 2 (“Long by still **sea-coasts**”) и строка 23 (“Booty of **whale-ways**”); даже название корабля героя в строке 3 (Grey-Falcon) содержит дефис; в строке 9 (“the **land-caressing in-streams**”), в которой Паунд, впрочем, пренебрегает аллитерацией, стык ударений присутствует как в начале, так и в конце, что затрудняет точное определение типа стиха, но зато как нельзя лучше отражает, как Паунд воспринимал древнеанглийскую метрику и чему подражал в первую очередь. Случаи использования типов A и B тоже встречаются в стихотворении (строки 13, 33), но так как в остальном Паунд не выдерживает метрическую структуру, редкие попытки писать в соответствии с законами древнеанглийского стиха можно расценить лишь как стилистические вкрапления в паундовский свободный стих.

Аллитерация тоже оказывается лишь украшением стихотворения, а не фундаментом, на котором оно строится: примечательно, что она возникает чаще всего именно в упомянутых выше строках, где сохраняется метрическая структура, имитирующая древнеанглийскую – строки 2 (“Long by still **sea-coasts**”), 13 (“and **wine** for my tales of **wandering**”), при этом она нерегулярна и, в сущности, лишь напоминает древнеанглийскую. Зато Паунд очень точно подражает древнеанглийской вариации, в качестве объекта которой он избирает ключевой для англосаксов образ моря, последовательно называя его “the sea”, “the pale courses of in-streams”, “whale-ways” и т.п.

Если сравнить стихотворение «В сердце моем» с паундовским переводом «Морестранника» (созданного на несколько лет позже), то, несомненно, в отношении поэтической техники преимущество за последним. Лексическая вариация и кеннинги в переводе «Морестранника» также присутствуют, но в этом случае все находки принадлежат оригинальному тексту и не являются заслугой Паунда. Аллитерация здесь возникает почти в каждой строке, и, несмотря на то, что она не вполне совершенна, – например, Паунд задействует четвертую вершину (чего древнеанглийский стих не допускает), один и тот же звук у него может аллитерировать в двух строках подряд, иногда меняется главный аллитерирующий звук строки, – всё же в точности соблюсти все особенности древнеанглийской поэзии можно лишь в одном языке: в древнеанглийском, и все, что делает Паунд в своем переводе, представляется целесообразным. Паунда все так же

интересуют стыки ударений – таких примеров в тексте насчитывается более семи (например, строка 29 – “Wealthy and wine-flushed, how I weary oft”⁴), что не всегда соответствует оригинальному тексту, но указывает на то, что восприятие Паундом основ древнеанглийской метрики не изменилось со времен «В сердце моем».

Еще одним важным элементом для «древнеанглийских» стихотворений Паунда оказывается использование темы метаморфозы, ключевой для его поэтики в целом. «Вещи никогда не остаются теми же. Они становятся иными путем мгновенного и недоступного анализу процесса» [Pound, 1954: 431] – писал Паунд, воспринимая постоянное перетекание одной формы в другую как естественный процесс бытия всего мироздания. Человек, природа и некие незримые силы оказываются тесно связанными, что позволяет им как постепенно, так и мгновенно принимать иной облик, меняться. Механизм метаморфозы, по Паунду, заключается в следующем: одно мгновенно становится другим, теряя свои прежние характеристики и обретая новые, – подобный подход к метаморфозе многократно встречается в ранней лирике Паунда, его «Песнях» и, на первый взгляд, имеет лишь слабую связь с повествованиями о древнеанглийских мореплавателях.

Думается, однако, что в стихотворении «В сердце моем» перед нами пример некой прото-метаморфозы. Монолог паундовского героя фиксирует колебание, вероятность изменения, которое может произойти, впрочем, как и в более поздних стихотворениях Паунда, в первую очередь не с субъектом высказывания, а с его объектом. Таким объектом метаморфозы здесь оказывается возлюбленная героя, с которой может случиться что-то загадочное (не уточнено, что именно, – образ намеренно размывается): то ли она будет похищена феями, которые окликнут ее «из-за рубежа» (from out the borderland), то ли заболит от тоски и умрет.

Метаморфоза в поэзии Паунда не процессуальная: чаще всего это мгновенное изменение, руководимое некими божественными силами. Эта внезапность не дает возможности осмыслить, как изменение происходит: метаморфоза, по выражению К. Чухрукидзе, не имеет настоящего, она колеблется между прошлым и будущим: каждая вещь видится как *еще не* (субъект находится в ожидании ее) или *уже* превращенная (субъект видит итоговый результат, но знает, что до этого объект выглядел иначе) [Чухрукидзе, 1999: 56–57]. Таким образом, взгляд на еще не или уже превратившуюся вещь тесно связан с ужасом, тревогой – ведь процесс этот необратим.

Именно поэтому тревогу героя за свою возлюбленную в стихотворении можно истолковать как тревогу, связанную с метаморфозой:

⁴ Здесь и далее текст «Морестранника» Эзры Паунда цит. по: [Pound, 1911: 107].

болезнь или исчезновение возлюбленной равняется изменению ее фигуры в пространстве, рассеиванию ее тела. Важным оказывается не то, что произойдет в действительности, но что видит герой стихотворения: объект, подвергающийся метаморфозе (здесь: возлюбленная героя, которая еще может дожидаться героя и выжить) уже увиден как измененный, а, значит, мгновенно может измениться. Божественные силы, вступающие в игру в связи с метаморфозой, присутствуют либо в объективной реальности, либо в сознании героя, не случайно он думает о «них» (they).

Несмотря на все указанные свойства паундовской метаморфозы (присутствие потусторонних сил, тревога, еще не измененный объект, уже воспринимающийся как измененный), трансформация всё же не завершается, что заставляет нас назвать происходящее в стихотворении прото-метаморфозой. Загадочность того, что же произойдет с возлюбленной героя, не позволяет нам определить форму, в которую отойдет ее тело после того, как метаморфоза совершится.

Метаморфический потенциал присутствует и в паундовском «Морестраннике»: здесь он представлен не так ярко, поскольку перед нами всё же перевод, а не оригинальное стихотворение Паунда. Трансформации объектов, пусть и в несколько иной форме, – чаще демонстрирующие связь между человеком и природой, заставляющие их взаимно изменяться [Quinn, 1966: 24], – также присутствуют и фиксируются речью героя как мгновенные. Это, во-первых, изменения, происходящие с природой (зимний морской пейзаж переходит в описание весенних бурь), при этом переход внезапен, не сглажен; во-вторых, изменения, связанные с возрастом (в начале стихотворения герой молод, в конце возникает тема старости, которая может быть соотнесена и с героем). В-третьих, в стихотворении присутствуют некие «приключения сердца героя»⁵, причем герой и его сердце находятся в отношениях, которые можно условно назвать «синекдохическими»: так, слово «сердце» сначала используется для характеристики душевного состояния героя (“...chafing sighs / Hew my heart round (10–11)”), а в конце стихотворения как бы отделяется от героя, оставаясь выразителем его переживаний, но одновременно становясь и его своеобразным двойником. (“On earth’s shelter cometh often to me, / Eager and ready, the crying lone-flyer, / Whets for the whale-path the heart irresistibly” (61–63).)

И в «В сердце моем», и в «Морестраннике» присутствует интерес к субъекту, к личности, характерный для паундовской ранней лирики. Даже метаморфоза происходит именно в сознании героя, раздира-

⁵ Следует отметить явный интерес Паунда к образу сердца в связи с древнеанглийской тематикой – ср. с названием одного из анализируемых стихотворений.

емого внутренними противоречиями: герои обоих стихотворений не могут жить без своих морских странствий, но оба же мечтают о спокойной жизни на суше. Метаморфоза происходит не сама по себе, а именно благодаря раздвоенности души субъекта: всё вокруг начинает меняться, подчиненное импульсу его мысли.

Подведем итоги. Древнеанглийская тема в ранней лирике Паунда становится не только важным аспектом его отношений с традиционной культурой, которую он вписывает в контекст своей поэзии, но в ней ярко проявляются ключевые черты поэтики Паунда. Древнеанглийская образность оказывается важной гранью масок Паунда благодаря связи элегического образа одинокого странника с биографическим контекстом жизни поэта. Обращение к древнеанглийской метрике и ее осмысление существенно расширяют технические возможности Паунда (как известно, в «Песни I» (Canto I) он сохранит ритмическую структуру «Морестранника»). Присутствие же идеи метаморфозы, совершенно нехарактерное для древнеанглийской образности, но чрезвычайно характерное для Паунда, перекидывает мост от ранней его лирики к поздней, делает эти стихотворения не просто копиями с древних образцов, но примерами выражения его личного голоса.

Список литературы

1. *Смирницкая О.А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.
2. *Чухрукидзе К.К.* Pound & £. М., 1999.
3. *Alexander M.* The Poetic Achievement of Ezra Pound. Boston, 1979.
4. *Bornstein G.* The Postromantic Consciousness of Ezra Pound. Victoria (B.C.), 1977.
5. *Brooke-Rose C.* A ZBC of Ezra Pound. L., 1971.
6. *Carpenter H.* A Serious Character. Boston, 1988.
7. *Davie D.* Ezra Pound. Poet as sculptor. N.Y., 1964.
8. *Ezra Pound to his Parents. Letters 1895–1929* / Ed. by Mary de Rachewilz, A. David Moody, and Joanna Moody. Oxford, 2010.
9. *Froula C.* To Write Paradise: Style and Error in Pound's Cantos. New Haven, 1984.
10. *Jones C.* Strange Likeness: The Use of Old English in Twentieth-Century Poetry. Oxford, 2006.
11. *Literary Essays of Ezra Pound* / Ed. and with an introduction by T.S. Eliot. N.Y., 1954.
12. *Norman Ch.* Ezra Pound: A Biography. L., 1969.
13. *Pound E.* I Gather the Limbs of Osiris. The New Age (30 Nov. 1911): 107–107.
14. *Pound E.* Personae. L., 1909.
15. *Quinn M.B.* Ezra Pound and the Metamorphic Tradition // The Metamorphic Tradition in Modern Poetry. N.Y., 1966.
16. *Robinson F.C.* "The Might of the North": Pound's Anglo-Saxon Studies and "The Seafarer" // The Tomb of Beowulf and other essays on Old English. Oxford, 1993.
17. *The letters of Ezra Pound, 1907–1941* / Ed. by D.D. Paige. L., 1951.
18. *Tytell J.* Ezra Pound: The Solitary Volcano. N.Y., 1984.
19. *Witemeyer H.* The poetry of Ezra Pound. Forms and renewal, 1908–1920. Los Angeles, 1969.

The article focuses on the Old English motives in Ezra Pound's early lyrics. It offers a brief outlook on Pound's study of the Old English language during his college years, highlighting the poet's interests in Old English culture. The image of the eternal wanderer created by Pound in close connection with the poet's biography correlates with the Old English elegiac imagery and turns into a series of personae, the most characteristic device in Pound's early lyrics. Two poems by Pound are among them: 'At the Heart O'Me' (written ca. 1905, publ. 1909) and 'The Seafarer' (1911); it also has Pound's translation of the eponymous Old English heroic elegy (Sæfaran, X c.). Both poems are united by common motives – loneliness, anxiety, and sea travels. However, comparing the texts of 'At the Heart O'Me' and 'The Seafarer', we can see that the latter includes much more accurate and vivid images. A certain 'Old Englishness' in these poems is also seen in the technical features used by Pound which imitate the Old English verse: metrics, alliteration, and variation. Moreover, in Pound's Old English poems the theme of metamorphosis arises, which is highly uncharacteristic for Old English poetry, but is extremely important for Pound's poetics in general and expresses itself in 'At the Heart O'Me' and in 'The Seafarer' in a specific way. Thus, the Old English theme in Pound's early lyrics is not only an important aspect of his relationship with traditional culture in the context of his poetry, but also an opportunity to develop the key features of his individual poetics.

Key words: Ezra Pound; 'At the Heart O'Me'; 'The Seafarer'; Old English poetry; persona; metamorphosis.

About the author: *Karina Ibragimova* – PhD Student, Department of the History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: agitato72@mail.ru).

References

1. Smirnitskaya O.A. *Stikh i yazyk drevnegermanskoi poezii*. [Verse and Language of the Old Germanic Poetry]. M.: *Филология*, 1994, 481 p. (In Russ.)
2. Chukhruidze K.K. *Pound & £*. M.: *Logos*, 1999, 176 p. (In Russ.)
3. Alexander M. *The Poetic Achievement of Ezra Pound*. Boston: *Faber & Faber*, 1979, 247 p.
4. Bornstein G. *The Postromantic Consciousness of Ezra Pound*. Victoria (B.C.): *University of Victoria Press*, 1977, 84 p.
5. Brooke-Rose C. *A ZBC of Ezra Pound*. L.: *Faber & Faber*, 1971, 297 p.
6. Carpenter H. *A Serious Character*. Boston: *Houghton Mifflin Company*, 1988, 1005 p.
7. Davie D. *Ezra Pound. Poet as sculptor*. N.Y.: *Oxford University Press*, 1964, 261 p.
8. Ezra Pound to his Parents. Letters 1895–1929. Ed. by Mary de Rachewilz, A. David Moody, and Joanna Moody. Oxford: *Oxford University Press*, 2010, 737 p.
9. Froula C. *To Write Paradise: Style and Error in Pound's Cantos*. New Haven: *Yale University Press*, 1984, 205 p.

10. Jones C. *Strange Likeness: The Use of Old English in Twentieth-Century Poetry*. Oxford: *Oxford University Press*, 2006, 266 p.
11. *Literary Essays of Ezra Pound*. Ed. and with an introduction by T.S. Eliot. N.Y.: *Faber & Faber*, 1954, 464 p.
12. Norman Ch. *Ezra Pound: A Biography*. L.: *Macdonald*, 1969, 493 p.
13. Pound E. *I Gather the Limbs of Osiris*. *The New Age* (30 Nov. 1911): 107–107.
14. Pound E. *Personae*. L.: *E. Matthews*, 1909, 59 p.
15. Quinn M.B. Ezra Pound and the Metamorphic Tradition. *The Metamorphic Tradition in Modern Poetry*. N.Y.: *Gordian Press*, 1966, pp. 14–49.
16. Robinson F.C. “The Might of the North”: Pound’s Anglo-Saxon Studies and “The Seafarer”. *The Tomb of Beowulf and other essays on Old English*. Oxford: *Blackwell*, 1993, pp. 239–258.
17. *The letters of Ezra Pound, 1907–1941*. Ed. by D.D. Paige. L.: *Faber & Faber*, 1951, 464 p.
18. Tytell J. *Ezra Pound: The Solitary Volcano*. N.Y.: *Anchor Press*, 1984, 368 p.
19. Witemeyer H. *The poetry of Ezra Pound. Forms and renewal, 1908–1920*. Los Angeles: *University of California press*, 1969, 220 p.

Янь Куань

ДИНАМИКА ДВОЕМИРИЯ В РОМАНАХ Г. ГАЗДАНОВА РАННЕГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена исследованию двоемирия в раннем романном творчестве писателя младшего поколения русской эмиграции «первой волны» Г. Газданова. С точки зрения современных историко-литературных представлений двоемирие выступает инвариантной формой пространства в художественных произведениях Газданова, которое часто проявляется в форме дихотомии «реального» и «воображаемого». Анализ ранней прозы Газданова показывает, что соотношение между «реальным» и «воображаемым» в романах писателя оказывается далеко не однотипным, а авторское отношение к этим пространствам в разных произведениях сильно различается. Композиция пространства от романа к роману меняется. В связи с этим в статье выявляются разные типы и разные способы соотнесения двух миров, прослеживаются изменения их статуса в ценностной системе писателя. Подробно проанализирована поэтика художественного пространства в романах «Вечер у Клэр», «История одного путешествия» и «Ночные дороги» – на этой основе описаны главные этапы в развитии пространственных композиционных «матриц» писателя. Центральный лейтмотив трех анализируемых произведений – стремление главных героев к гармонии с окружающей средой или поиск ими пространства, которое могло бы стать «домом» для них. Выделены и описаны три диалектически взаимодействующих вектора в поисках главными героями произведений гармоничного пространства («дома»): признание приоритета воображения над реальностью, отказ от воображения ради возвращения в действительность и, наконец, разрушение хрупкого баланса между «идеальным» и «действительным» мирами и наделение каждого из них амбивалентными чертами. Автор статьи характеризует газдановское экзистенциальное миропонимание через призму художественного пространства в произведениях писателя. Сделан вывод, что радикальные изменения в соотношении двух миров отражают базовые сдвиги в мировосприятии Газданова – именно с этим связана новизна предпринятого исследования.

Ключевые слова: двоемирие; Г. Газданов; поэтика пространства; воображение; реальность.

Двоемирие – инвариантная форма изображения жизни в романном творчестве Г. Газданова. «Художественная картина мира автора

Янь Куань – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ykuniqe@yandex.ru).

состоит из двух обязательных компонентов: внешнего пространства, которое соответствует здесь-и-сейчас героя, и внутреннего пространства, расширяющего эти границы» [Кузнецова, 2012: 20]. Например, в романе «Вечере у Клэр» (1929), «Истории одного путешествия» (1935) и «Ночных дорогах» (1941) двумя главными локусами являются некое воображаемое место и парижское реальное пространство.

Пристальное прочтение романов позволяет заметить, что их общим сюжетным знаменателем является история духовного путешествия, постоянные перемещения главного героя из пространства реального в воображаемое, и наоборот. Конечной целью этих переходов оказывается достижение гармонии между героем и миром (в авторском тезаурусе – «довоплощение») [Проскурина, 2009: 253–254]. Но ответ на вопрос об иллюзорности и/или подлинности жизненного пространства в этом процессе является диалектически изменчивым. Дихотомические структуры в мире Газданова не стабильны, но подобны динамической спирали.

В романе «Вечер у Клэр» Газданов впервые последовательно противопоставляет пространства реального и воображаемого, отдавая безусловный ценностный приоритет последнему. Альтернативное пространство формируется силой творческого воображения. Главный герой стремится к своего рода мнемоническому сотворению мира. Из материала памяти формируется то личное пространство, которое будет надежно защищено от веяний социальной истории. Николай Соседов артикулирует свою стратегию практически в программном виде, давая, по сути, метаописание пространственной структуры романа: «Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограниченна, я не подчинялся никому, ничьей воле» [Газданов, 2009, 1: 52].

Реальное пространство в романе представлено размещенным в ночном Париже домом Клэр, а воображаемый мир – это бескрайняя Россия, пространство, лишенное изотропности, ценностно неоднородное и побуждающее героя к постоянным перемещениям из одного места в другое. В центрах двух вселенных стоят Клэр и Николай, которые и определяют свойства собственных пространств.

Несходство двух миров подчеркивает заданная уже в начале романа антитеза игрового, легкомысленного отношения Клэр к жизни и серьезного стремления Николая к пониманию сущности любого явления повседневности и к истинному чувству. Расхождение ценностных позиций отчетливо представлено в том, как герои понимают музыку. Клэр смотрит на нее лишь как на развлечение, а Соседов видит в ней тонкую форму духовного бытия. Музыка будоражит его внутреннее «я», позволяет ему видеть мир глубже. Так, слушая песенку горничной, Николай ощущает острое несоответствие слов

песенки облику героини, ее грустным интонациям: «фраза “*fraîche comme la fleur éclose*” (свежая, как распутившийся цветок) сразу напоминала мне пожилое лицо горничной, ее пенсне, ее роман и постоянную ее задумчивость» [Газданов, 2009, 1: 44].

Повествователь пытается поделиться с Клэр собственными ощущениями, приобщить ее к эмоциональным основам своего мира, однако героиня понять этого не может. Она воспринимает песню лишь как повод для шутки. Легкомысленное, игривое отношение Клэр к подлинному чувству смущает повествователя, разрушает хрупкую эмоциональную гармонию, которую он ощущал в словах и звуках песни. Эпизод весьма символичен и в свернутом виде предъявляет одну из конфликтных линий романного сюжета: искусство утрачивает чистоту и объемность в двумерной скучной действительности.

Когда после десяти лет ожиданий желание героя исполнилось и то, что существовало только в воображаемом мире, стало реальностью, в постели Клэр Николай почувствовал разочарование и печаль. Долгожданная любовь не принесла ему счастья и лишила возможности мечтать: «...Теперь я жалел о том, что я уже не могу больше мечтать о Клэр, как я мечтал всегда» [Газданов, 2009, 1: 47]. Тоска, затопившая сознание героя в реальном мире, подталкивает его к творческой ретроспекции – к созиданию воображаемого пространства, в которое можно будет поместить идеальный образ Клэр. «Пройдет еще много времени, пока я создам себе иной ее образ, и он станет в ином смысле столь же недостижимым для меня, сколь недостижимым было до сих пор это тело, эти волосы, эти светло-синие облака» [Газданов, 2009, 1: 47].

Важно, что антитеза воображения и реальности задана в сильной позиции текста – в эпиграфе к роману. Это строчки из письма пушкинской Татьяны Онегину: «Вся жизнь моя была залогом / Свиданья верного с тобой». Татьяна любит не реального Онегина, а созданный ею воображаемый образ, своеобразный пастиш из литературных героев популярных произведений сентиментализма и романтизма, что предопределяет личную драму Татьяны. Но, в отличие от Татьяны, главный герой Газданова в пространстве воображения обретает спокойствие и гармонию, которые отсутствуют в реальности.

В финале герой не возвращается в действительность, а решает остаться в воображаемом мире – в тот самый момент, когда для всего его поколения окончательно вершится историческая катастрофа: «...только звук колокола соединял в медленной стеклянной своей прозрачности огненные края и воду, отделявшие меня от России, с лепечущим и сбывающимся, с прекрасным сном о Клэр» [Газданов, 2009, 1: 162]. Финальная фраза окончательно устанавливает приоритет «воображаемой географии» над пространством реальной исторической трагедии.

Как и Николаю Соседову, главному герою романа «История одного путешествия» присуще необычайно активное воображение. «С давнего времени у него образовалась привычка исправлять воспоминания и пытаться воссоздавать не то, что происходило, а то, что должно было произойти, – для того, чтобы всякое событие как-то соответствовало всей остальной системе представлений» [Газданов, 2009, 1: 177]. Тем не менее воображение в этом романе воспринимается не как достоинство творца, а как некая прилипчивая болезнь, отягощающая душу человека.

Показателен в этом отношении образ учительницы немецкого языка. Эта женщина способна погружаться в чужие воспоминания о разных эпохах. Однако ее дар не приносит ей счастья, он преследует и мучит ее. Странный талант заставил ее расстаться с реальностью и лишил всякой возможности радоваться жизни. Героиня обречена на одиночество. А сам главный герой скептически относится к идее «ментального элизиума», созданной воображением гармонии. В юности в Стамбуле он услышал слова незнакомой женщины о том, что она забыла свое прошлое, в то время как сам герой еще бережно хранил собственное. Однако позже, возвращаясь к этому эпизоду, он осознал, что спокойствие и гармония, достигнутые в мире воображаемом, есть лишь побег от реальности и самообман: «не лгать, не обманывать, не фантазировать и знать раз навсегда, что всякая гармония есть ложь и обман» [Газданов, 2009, 1: 178].

Отрицательное отношение протагониста к бесконтрольному уходу в мир воображения является своеобразной антитезой по отношению к идее замены реальности фантазией в «Вечере у Клэр». Выдуманный мир воспринимается на этот раз как неустойчивая и меняющаяся иллюзия. А то, что было скучной реальностью в «Вечере у Клэр», здесь гармоничный мир, исполненный душевной теплоты.

Это особенно хорошо видно в эпизодах, связанных с автомобильными гонками, спортивными играми и поглощением еды. Например, поездка в автомобиле всегда дает герою ощущение необыкновенной жизненной силы. Высокая скорость становится источником страсти и радости для Николая и Вирджинии. Та же чувственная плотность реального пространства проявляется в описании теннисного матча между Николаем и Артуром – сцене, буквально наэлектризованной витальной силой: «Партия шла очень ровно, капли пота сверкали на лбу Николая, под курчавыми волосами; один раз Артур, стремительно отбегая вглубь корта, поскользнулся и упал, но тотчас же повернулся в воздухе, коснулся земли вытянутой рукой и вскочил, как подброшенный пружиной; Артур играл молча, Николай изредка бурчал – дьявол! здорово! черт!» [Газданов, 2009, 1: 195]. Сенсуальная насыщенность этого эпизода, подробное описание движений, мимики, звуков непо-

средственно передает читателям ощущение физического здоровья и бодрости души персонажей.

В целом можно утверждать, что второй роман Газданова отличается стремлением главного героя к радостям жизни, активному участию в действительности. Бесконтрольное погружение в мир фантазий рассматривается в этом романе как душевная болезнь, а источник радости и спокойствия видится теперь в настоящем. Такое отношение предопределяет отказ героя от печального «прошлого» и его стремление к неизвестному «будущему», что символически закрепляется финалом произведения: «...не оставалось ничего, ни мыслей, ни воспоминаний, – только слезы и задыхающееся сожаление о последнем путешествии, сквозь которое сейчас проходил поезд, гремя и исчезая навсегда в стремительно несущейся тьме» [Газданов, 2009, 1: 290].

Однако идиллический модус в осмыслении пространства Парижа вскоре уходит из прозы Газданова: в романе «Ночные дороги» парижская действительность предстает в предельно сумрачном освещении – как мир, в котором сконцентрированы человеческие мерзости. В романе с угнетающе высокой степенью детализации представлена маргинальная жизнь парижских низов.

Как и главные герои первых двух романов, протагонист «Ночных дорог» имеет привычку трансформировать реальность посредством воображения: «...я невольно приучил свою фантазию к слишком усиленной и напряженной работе, – и, раз начавшись, эта работа продолжалась, и я не всегда мог ее остановить» [Газданов, 2009, 1: 207]. Однако в этом произведении отношение героя к воображаемому миру чрезвычайно сложно, символически неоднозначно: прежняя пространственная дихотомия, основанная на четком разведении локусов на ценностной шкале, сменяется амбивалентностью каждого из миров.

С одной стороны, герой скептически относится к замене реальности фантазией: персонажи существуют в смутном, своего рода «психоделическом» мире, который сами ежедневно воссоздают. Но слишком высокая степень мечтательности, отрешенности от реальности сближает работу воображения с психической болезнью, которая приводит персонажей-мечтателей к сумасшествию или самоуничтожению. К таким людям, например, относится Васильев: мания преследования не только привела его к смерти, но и косвенно повлияла на Федорченко.

С другой стороны, главный герой признает, что воображение есть способ преодоления времени: «И над этими вещами, в том виде, в каком они оставались во мне, время было бессильно, и это было, пожалуй, единственное, что мне удавалось удержать из беспрестанно исчезающего, движущегося мира, который все увеличивался...»

[Газданов, 2009, 1: 176]. В мире своей фантазии герой чувствует спокойствие и теплоту дома, это его отдушина в жестокой жизни.

Однако, в отличие от мира воображения в «Вечере у Клэр», здесь иллюзорное пространство оказывается недостаточно самостоятельным, чтобы обрести бытийную определенность и составить надежную устойчивую оппозицию реальности. Фантазия подспудно подтачивается физической и психологической реальностью, подавляется бытом: «Мне все чаще и чаще начинало казаться, что та беззвучная симфония мира <...> огромная и сложная система понятий, представлений, образов,двигающаяся сквозь воображаемые пространства, – что она звучала все слабее и слабее и вот-вот должна была умолкнуть» [Газданов, 2009, 1: 131].

Таким образом, хрупкая дихотомия пространств в сознании главного героя должна разрушиться. Он или потеряет контроль над фантазией, став безнадежным мечтателем, или постепенно утратит связь с миром воображения и погрузится в беспросветную депрессию. Настроения пессимизма и разочарования в возможном будущем у героя-протагониста Газданова именно в «Ночных дорогах» достигают кульминации. Неизбывным становится чувство отчаяния, которое порождает в финале романа образ фантасмагорического, страшного Парижа: «...как сожженный и мертвый мир, как темные развалины рухнувших зданий, будет стоять неподвижным и безмолвным напоминанием этот чужой город далекой и чужой страны» [Газданов, 2009, 1: 214].

Предпринятый анализ того, как изменяются коннотации пространств воображения и реальности в трех романах раннего периода творчества Газданова, позволяет говорить об общей эволюции авторской модели мира. Константой этой модели является стремление «я» к гармонии с окружающей средой или поиск пространства, которое могло бы стать «домом» для героя-протагониста. Но сам объект, на который возлагаются подобные надежды, претерпевает изменения.

В «Вечере у Клэр» место «безопасного, теплого дома» занимает ирреальный мир, созданный на основании воспоминаний, затем в «Истории одного путешествия» обретенной «пристанью гармонии» становится реальный локус – дом Николая Рогачева, который втягивает в себя и его друзей. Но вот для героя «Ночных дорог» ни воображение, ни реальность уже не могут стать искомым континуумом психологического равновесия, символическим домом души.

За 12 лет газдановской эволюции (с 1929 по 1941) дважды претерпевает трансформацию и образ Парижа: сначала он движется от полюса пошлого и скучного мира к полюсу света и жизнерадостности, но потом оборачивается вмещилищем человеческих язв и мерзости. Мир воображаемый также постепенно обретает свойства сложной раздвоенности. Воображение оценивается как спаситель-

ная творческая способность, но может перерождаться в душевную болезнь. Между прочим, динамическое отношение между реальностью и воображением также обнаруживается в творчестве Набокова [Ravenscroft, 2017: 46].

Амбивалентность порождаемого воображением пространства особенно заметна в романе «Ночные дороги». После 1941 г. в творчестве писателя активная фантазия редко выступает как способ противостоять действительности, чаще она интерпретируется как духовная обуза, разрастающаяся до психической болезни (особенно в романах «Призрак Александра Вольфа» и «Возвращение Будды»).

Список литературы

1. Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1, 2. М., 2009.
2. Кузнецова Е.В. Поэтика прозы Гайто Газданова и закономерности ее развития в контексте традиций русской литературы первой трети XX века. Астрахань, 2012.
3. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.
4. Проскурина Е.Н. Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова. М., 2009.
5. Ravenscroft I. Engaging the world: Writing, imagination, and enactivism // *Philosophy and literature*, Volume 41, Issue 1, April 2017, Pp.45-54.

Yan Kuan

DYNAMICS OF DOUBLE WORLD IN THE EARLY NOVELS OF G. GAZDANOV

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the double world in the early novels of G. Gazdanov. From the standpoint of today's literary theory, the double-world acts as an invariant form of space in Gazdanov's works, and it often appears in the form of a binary opposition, "real" and "imaginary". However, on close scrutiny, we have found that the relationship between the "real" and the "imaginary" in different works of Gazdanov turns out to be far from the same type. And the author's attitude to these spaces is also very different in different works. To find law of the evolution of the spatial poetics, the author has to compare different types of relationship of two worlds and track changes of their status in the writer's value system. The purpose of this work is to reveal the evolution of spatial poetics in the novels 'Evening at Claire', 'The story of a Journey', and 'Night roads'. The keynote of three works is the desire for harmonious coexistence with the environment or the search for a space that could become a "home" for the characters. We found three dialectically interacting vectors of the search for a "home": priority of imagination over reality, abandonment of imagination for the sake of returning to reality and, finally, destruction of the fragile balance between the "ideal" and "real" worlds, each of them gets ambivalent features. As a result, we found that a radical

change in the ratio of two worlds reflects the evolution of the writer's attitude, which is the relevance of this study. The author considers Gazdanov's existential understanding of the world through the prism of the artistic space reflected in the writer's works.

Key words: The double world; G. Gazdanov; spatial poetics; imagination; reality.

About the author: *Yan Kuan* – PhD Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ykunique@yandex.ru).

References

1. Gazdanov G. *Sobr. soch.*: v 5 t. [Collected Works in 5 Vol.]. M., *Ellis Luck*, 2009. V.1, 2, pp. 880.
2. Kuznecova E.V. *Poetika prozy Gajto Gazdanova i zakonomernosti eyo razvitiya v kontekste tradicij russkoj literatury pervoj treti 20 veka*. [The Poetics of Gaito Gazdanov's Prose and the Patterns of its Development in the Context of the Traditions of Russian Literature of the First Third of the XXth Century]. Astrahan, *Sorokin R.*, 2012.
3. Lotman Yu.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol*. [The School of Poetic Word: Pushkin, Lermontov, Gogol] M., *Prosveshcheniye*, 1988.
4. Proskurina E.N. *Edinstvo inoskazaniya: o narrativnoj poetike romanov Gajto Gazdanova*. [Unity of Periphrase: About the Narrative Poetics of Gaito Gazdanov's Novels] M., *Novyy khronograf*, 2009.
5. Ravenscroft I. Engaging the world: Writing, imagination, and enactivism. *Philosophy and literature*. Vol. 41, issue 1, April 2017, pp. 45–54.

М.Е. Шанурина

**«МЕДНЫЙ ВСАДНИК» А. ПУШКИНА
КАК ПРЕТЕКСТ XXXIX ГЛАВЫ РОМАНА
И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена сопоставительному анализу романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (прежде всего материала главы XXXIX, названной «Землетрясение») и поэмы А. Пушкина «Медный всадник». Целью работы является исследование интертекстуального уровня романа «Двенадцать стульев», которое призвано дать ключ к более глубокому пониманию произведения как травестии, кривого зеркала классической русской литературы. Подводя итог немногочисленным существующим научным трудам, в которых отмечались бы параллели между «петербургской повестью» и романом И. Ильфа и Е. Петрова, мы заключаем, что подробное сопоставление вышеуказанных произведений ранее не проводилось исследователями. Стараясь восполнить существующую в исследованиях лакуну, в статье мы обращаемся к сравнению системы персонажей, сюжета, акцентированных образов и мотивов в произведениях двух разных эпох. Исходя из сюжетных функций, в статье мы выделяем и рассматриваем два ряда персонажей: во-первых, Евгений – Ипполит Матвеевич Воробьянинов, во-вторых, медный всадник – Остап Бендер. В то же время в работе рассмотрены ключевые мотивы обоих произведений (такие, как стихийное бедствие – наводнение в поэме «Медный всадник» и землетрясение в романе «Двенадцать стульев» – разбитая мечта, бунт «маленького человека»), которые позволяют соотнести текст романа «Двенадцать стульев» с «петербургской повестью» А. Пушкина «Медный всадник» и определить, как именно И. Ильф и Е. Петров трансформируют классические сюжетные ходы и образы, включая их в роман о советской, современной им действительности.

Ключевые слова: И. Ильф; Е. Петров; А.С. Пушкин; «Двенадцать стульев»; «Медный всадник»; травестия; пародия.

Роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – кривое зеркало классической литературы, травестия. Ирония – ключевой прием для книги двух «молодых дикарей» [Мандельштам, 1970: 345] – почти всегда создается на интертекстуальном уровне: за счет аллюзий на

Шанурина Маргарита Евгеньевна – студентка кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: margaritashanurina@mail.ru).

¹ Выражаю признательность Андрею Михайловичу Ранчину за ряд ценных замечаний, высказанных при знакомстве с первоначальной версией статьи.

произведения других авторов и нередко – на произведения писателей дореволюционной России, в том числе и Пушкина.

В «Спутнике читателя» Ю. Щеглов указывает множество фрагментов «Двенадцати стульев», которые отсылают нас к тем или иным произведениям Пушкина [Щеглов, 2009: 83, 101, 138, 283, 316]; о сюжетном сходстве романа с пушкинской повестью «Пиковая дама» писали М. Одесский и Д. Фельдман [Одесский, Фельдман, 1997]².

Однако, несмотря на в целом отмеченное внимание Ильфа и Петрова к пушкинским мотивам, подробный сравнительный анализ «Двенадцати стульев» и «Медного всадника» ранее не проводился.

Целесообразность сопоставления «Медного всадника» и «Двенадцати стульев» (на материале главы XXXIX) объясняется рядом прямых и косвенных аллюзий на пушкинское произведение, содержащихся в тексте Ильфа и Петрова. Во-первых, сюжет главы «Землетрясение» во многом совпадает с сюжетом пушкинской поэмы (пусть у писателей советской эпохи этот сюжет и обыгрывается преимущественно в пародийном ключе); во-вторых, есть совпадения в системе персонажей (прежде всего это проявляется в оппозициях Бронзовый Петр – Евгений, Остап – Воробьянинов); в-третьих, пушкинская поэма и XXXIX глава романа объединены рядом ключевых мотивов: квазидемонического, безумия, неудачного бунта, роковой насмешки, всевластия стихии, потери сокровища (невесты или бриллиантов умершей тещи). Некоторые из них кратко описаны в «Спутнике читателя», однако все же требуют более детального разбора и структурирования, так как явные параллели с «Медным всадником» не только играют ключевую роль в главе «Землетрясение», но и важны для романа в целом.

И в поэме, и в романе описывается реально произошедшее стихийное бедствие, нанесшее городу и его жителям сильный урон. В «Медном всаднике» изображено петербургское наводнение 1824 г., в «Двенадцати стульях» – крымское землетрясение 1927 г. И Пушкин, и Ильф и Петров подчеркивают достоверность событий: Пушкин – в рамочном тексте («Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В.Н. Берхом»); Ильф и Петров – в самом тексте главы: «Было двенадцать часов и четырнадцать минут. Это был первый удар большого крымского землетрясения 1927 года» [Ильф, Петров, 1998: 287].

² «Осенью 1927 года Воробьянинов убедился, что попытка вернуть прошлое не удастся. И осенью 1927 года был построен новый железнодорожный клуб – на воробьяниновские средства. Круг замкнулся. И в итоге авторы (иронически обыгрывая сюжет пушкинской “Пиковой дамы”) доказали, что любые попытки вернуться в прошлое – безумны, губительны».

Отчасти совпадают в обоих произведениях и детали в описании стихийной катастрофы³:

«Медный всадник»	«Двенадцать стульев»
«Осада! приступ! злые волны, Как воры, лезут в окна. Челны <i>С разбега стекла бьют кормой...</i> »	« <i>Со звоном выскочили стекла, и зонтик с надписью “Я хочу Подколесина”, подхваченный вихрем, вылетел в окно к морю»</i>

И в том и в другом случае акцентированы мотивы битого стекла, яростного проникновения стихии в жилище человека. В главе «Землетрясение» так же, как и в «Медном всаднике», природное бедствие приравнивается к хаосу, неконтролируемой и разрушающей силе. Никто из живых не в состоянии противостоять стихии: ни царь в «Медном всаднике» («С Божией стихией // Царям не совладеть»), ни великий комбинатор Бендер («Остап был вне себя. Землетрясение, ставшее на его пути! Это был единственный случай в его богатой практике» [Ильф, Петров, 1998: 287]). Стихия непредсказуема: «И вдруг, как // зверь остервенясь, // На город кинулась»; «Вспыхнула спичка, и, *странное дело*, стул сам собой скакнул в сторону и вдруг, на глазах *изумленных* концессионеров, провалился сквозь пол» [Ильф, Петров, 1998: 287]), она управляет судьбами, сводит персонажей с ума и сеет катастрофические разрушения: «Увы! всё гибнет: кров и пища!»; «Удар в девять баллов, причинивший неисчислимы бедствия всему полуострову...» [Ильф, Петров, 1998: 287].

Композиция главы XXXIX во многом перекликается с композицией «Медного всадника»: в обоих случаях завязкой становится вмешательство стихии в жизнь персонажей (наводнение в поэме и землетрясение в романе), а кульминацией – безумие и бунт (маленького человека против «кумира»: бронзового Петра в произведении Пушкина, сына турецко-поданного в «Двенадцати стульях»).

Помимо сходства чисто сюжетного проследить можно и сходство основных участников действия. Образы главных героев «Двенадцати стульев» (которые, разумеется, являются центральными и в главе «Землетрясение») определенно перекликаются с образами персонажей поэмы. В обоих случаях перед нами система образов, выстроенная по принципу контраста: с одной стороны «маленький человек», с другой – квинтэссенция власти, квазидемонический персонаж.

Маленький человек – это «герой зловонных и темных углов» [Григорьев, 1975: 411], «“ничтожный герой”... ничем не выдающийся, принадлежащий всецело толпе других, подобных ему» [Измайлов,

³ Курсив в таблице и далее мой.

1978: 165]. Маленький человек пушкинской поэмы – это Евгений⁴, «неведомый коломенский чиновник, напоминающий смиренных героев Достоевского и Гоголя» [Мережковский, 2007: 403]. «Маленький человек» романа Ильфа и Петрова – это Киса Воробьянинов, делопроизводитель ЗАГСа. Несмотря на то что Воробьянинов отнюдь не всегда был «маленьким человеком» (до революции он был предводителем уездного дворянства и кутилой), в начале романа Евгений и Киса находятся примерно на одной ступени социальной лестницы; оба они потомственные дворяне, чья фамилия предана забвению. О своем герое Пушкин пишет: «Прозванья нам его не нужно, / Хотя в минувши времена / Оно, быть может, и блистало / И под пером Карамзина / В родных преданьях прозвучало; / Но ныне светом и молвой / Оно забыто». До известной степени эти слова справедливы и для дворянина Воробьянинова, о происхождении которого помнят только старый дворник Тихон, гадалка Елена Станиславовна и еще несколько жителей Старгорода.

Евгений и Ипполит Матвеевич, несмотря на то, что разделены почти что столетием, находятся примерно на одной социальной ступени: Евгений «живет в Коломне; где-то служит, / Дичится знатных и не тужит / Ни о почившей родне, / Ни о забытой старине», Ипполит Матвеевич в начале романа живет в городе N и также не вспоминает о временах дореволюционной России и жизни предводителя дворянства. И с образом Евгения, и с образом Кисы оказывается так или иначе связан мотив обочины жизни – Евгений живет в бедном районе Петербурга, далеко от его центра, Воробьянинов в маленьком провинциальном городе.

Как и Евгений, Воробьянинов – мелкий чиновник, делопроизводитель ЗАГСа. И рассуждает Воробьянинов в первых главах «Двенадцати стульев» почти совсем как Евгений:

«Медный всадник»	«Двенадцать стульев»
Жениться? Мне? зачем же нет? Оно и тяжело, конечно; Но что ж, я молод и здоров, Трудиться день и ночь готов; Уж кое-как себе устрою Приют смиренный и простой И в нем Парашу успокою.	Жениться? – подумал Ипполит Матвеевич. – На ком? На племяннице начальника милиции, на Варваре Степановне, сестре Прусиса? Или, может быть, нанять домработницу? Куда там! Затаскает по судам. Да и накладно

⁴ Как правило, пушкинского Евгения рассматривают как одного из первых маленьких людей в русской литературе. Однако при этом, например, П.Е. Спиваковский не считает Евгения в полной мере маленьким человеком [Спиваковский, 2015]. Вопрос о целесообразности рассмотрения пушкинского героя в качестве маленького человека, определенно, достоин отдельного литературоведческого исследования и не рассматривается нами здесь.

Определенно, в данном случае внутренний монолог Ипполита Матвеевича имеет пародийный характер. Если сомнения молодого Евгения по поводу брака связаны с финансовыми трудностями, хотя он искренне любит свою невесту, и намерения его благородны, то сомнения немолодого Воробьянинова вызваны лишь сухим расчетом: он ни в кого не влюблен, и жена нужна бывшему старгородскому льву исключительно для удобства. Отчасти размышления Воробьянинова напоминают и набросок Пушкина: «“Женись!”» – На ком? – “На Вере Чацкой”» [Бонди, 1978: 193–203], где мотив сугубо формальной необходимости брака также предстает в ироническом ключе.

И Евгений, и Киса становятся жертвами стихийного бедствия, однако, сталкиваясь со стихией, они совсем не думают о себе – Евгений боится за жизнь невесты, Параши: «Сидел недвижимый, страшно бледный / Евгений. Он страшился, бедный, / Не за себя...» Ипполит Матвеевич боится за сохранность бриллиантов:

«— Давайте плоскогубцы! – крикнул он Остапу.

— Идиот вы паршивый! – застонал Остап. – Сейчас потолок обвалится, а он тут с ума сходит! Скорее на воздух.

— Плоскогубцы! – ревел обезумевший Ипполит Матвеевич.

— Ну вас к черту! Пропадайте здесь с вашим стулом! А мне моя жизнь дорога как память!» [Ильф, Петров, 1998: 287].

Эта переключка с «Медным всадником», как и размышления Воробьянинова в начале романа, пародийна. Евгений рискует жизнью, нанимая лодочника, чтобы отправиться на другой берег к невесте, – Воробьянинов тоже рискует жизнью: потрошит стул в здании, которое вот-вот обрушится. Самое дорогое для «маленького человека» Пушкина – невеста; самое дорогое для Ипполита Матвеевича – бриллианты. Своей одержимостью он пугает даже Великого Комбинатора.

И с образом Евгения, и с образом Кисы Воробьянинова оказывается связан мотив роковой насмешки. Не сбудутся скромные мечты Евгения о семейной жизни; не обретет заветные бриллианты Ипполит Матвеевич Воробьянинов. Судьба Евгения и Кисы до известной степени трагична: оба они теряют последнюю надежду, которая есть в их небогатом быте мелкого чиновника. И как будто сама жизнь, используя слова «петербургской повести», предстает в обоих произведениях «как сон пустой, / Насмешка неба над землей».

Сталкиваясь со стихией и ее разрушительной силой, и Евгений, и Киса теряют разум. Евгений – потому, что наводнение лишает его невесты («Но бедный, бедный мой Евгений ... / Увы! его смятенный ум / Против ужасных потрясений / Не устоял»), Ипполит Матвеевич – от страха: «...И, наконец, землетрясение, после которого Ипполит Матвеевич несколько повредился и затаил к своему компаньону тайную ненависть» [Ильф, Петров, 1998: 290]. В самый ужасный для

себя момент, когда надежды разбиты, невеста мертва, а бриллианты снова не найдены, оба «маленьких человека» смеются: Евгений «вдруг, ударя в лоб рукою, / Захохотал» – Ипполит Матвеевич «засмеялся крысиным смешком» [Ильф, Петров, 1998: 288]. Смех в обоих случаях является знаком разгорающегося безумия, которое привело Евгения к бунту на словах, а Ипполита Матвеевича – к бунту сначала на словах, а потом и на деле.

«Медный всадник»	«Двенадцать стульев»
Глаза подернулись туманом, По сердцу пламень пробежал, Вскипела кровь. Он мрачен стал Пред горделивым истуканом И, зубы стиснув, пальцы сжав, Как обуянный силой черной, «Добро, строитель чудотворный! — Шепнул он, злобно задрожав, — Ужо тебе!..»	— Не дам! – взвизгнул Ипполит Матвеевич. — Это что такое? <i>Бунт</i> на корабле? Отдайте стул! Слышите? — Это мой стул! – закрикотал Воробьянинов, перекрывая стон, плач и треск, несшиеся отовсюду

В обоих случаях бунт «маленького человека» оказывается подавлен. Разгневанный медный всадник как будто проследует Евгения, жестоко наказывая за так и не высказанный до конца упрек. Разгневанный Остап тоже расправляется с «маленьким человеком»:

«— В таком случае получайте гонорар, старая калоша!

И Остап ударил Воробьянинова *медной ладонью* по шее» [Ильф, Петров, 1998: 288].

Эпитет «медный» в этом контексте определенно не случаен, так как снова отсылает читателя, уже более прямолинейно, к поэме Пушкина (соотнося образ Бендера и образ медного всадника). Однако если бронзовый Петр окончательно разбил слабое сопротивление Евгения и обратил его в бегство, то Остап не смог одержать над компаньоном окончательную победу. Воробьянинов уступил во время стихийного бедствия, но, в отличие от Евгения, отомстил за свое поражение позже, когда перерезал Великому Комбинатору горло бритвой (Щеглов рассматривает как бунт именно этот поступок Воробьянинова, а не его отказ отдавать стул [Щеглов, 2009: 316]). Едва ли Евгений, даже в состоянии невменяемости, мог бы поднять на кого-то руку.

Ильф и Петров намеренно переигрывают ситуацию бунта «маленького человека», создают трагедию: и «маленький человек» оказался, что называется, с кулаками, и власть была воплощена не в образе грозного ожившего царя, но в образе сына турецко-подданного и виртуозного мошенника, Остапа Бендера. Несоответствие «высокому» образцу, воплощенному в конфликте пушкинской поэмы, рождает иронию, придает страшному по своей сути эпизоду землетрясения эффект комический.

Такого эффекта не лишена и параллель Великий Комбинатор – медный всадник. Бендер не царь, и рукотворным ожившим памятником назвать его сложно. Однако образ его (прежде всего детали портрета во время стихийного бедствия) все же отсылает нас к бронзовому кумиру из поэмы.

«Медный всадник»	«Двенадцать стульев»
И, озарен луною бледной, Простерши руку в вышине, За ним несется Всадник Медный <i>Ужасен он в окрестной мгле! Какая дума на челе! Какая сила в нем сокрыта!</i>	В эту же минуту по переулку промчался пожарный обоз с факелами, и при их трепетном свете Ипполит Матвеевич увидел на лице Бендера такое страшное выражение, что мгновенно покорился и отдал стул

Мотив ожившей статуи, который реализован в пушкинском «Медном всаднике», определенно связан с демонической традицией [Якобсон, 1987: 145–181; Ахматова, 1958: 185–195; Солнцева, 2014: 29–35; Топоров, 1995: 275]. И через эту связь с демоническим Бендер также соотносится с Бронзовым Кумиром из поэмы: Великий Комбинатор в начале романа появляется из ниоткуда, он обладает как будто какой-то темной властью над людьми, легко манипулирует ими. Кроме того, Бендер, по его собственному утверждению, – сын турецко-подданного, что также позволяет рассматривать его как персонажа квазидемонического характера: турецкое – т.е. нехристианское – ассоциируется в классической русской литературе с нечистой силой. И параллель Бендер – медный всадник только усиливает демонические черты в образе героя Ильфа и Петрова, создавая в тексте дополнительный пласт – квазимистический.

Подводя итог, можно сказать, перефразируя известные слова из «Интернационала»: кто был чем-то – тот стал никем. Корыстным и подлым стал некогда благородный и скромный «маленький человек»; джентльменом в поисках десятки и жертвой «маленького человека» стал грозный бронзовый призрак. Сокровище нематериальное обратилось вполне материальным: теперь не потеря любви, но страх за свою жизнь и утрата бриллиантов становятся причиной сумасшествия. Ведя художественный диалог с «Медным всадником», Ильф и Петров обращаются как бы ко всей классической литературе в целом, Пушкин – ее квинтэссенция. Классика в художественной реальности «Двенадцати стульев» может быть возникнуть только с иронической подсветкой, в форме сниженной и пародийной. Классические сюжетные ходы перестают восприниматься серьезно, высокий образец недостижим, вместо него – на основе его – создается травестия. То, что некогда было трагедией, превратилось в фарс.

Список литературы

1. *Ахматова А.А.* «Каменный гость» Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. С. 185–195.
2. *Бонди С.М.* «Женись – на ком?..» // Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М., 1978. С. 193–203.
3. *Григорьев А.А.* Русская литература в 1851 году // Русская литература XIX века: Хрестоматия критических материалов / Сост.: М.Г. Зельдович и Л.Я. Лившиц. М., 1975.
4. *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1998.
5. *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0120.shtml (дата обращения: 19. 09. 2018).
6. *Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А.С. Медный всадник. Л., 1978. С. 147–265.
7. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1970.
8. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники: Пушкин. М., 2007.
9. *Солнцева Н.М.* Сюжет о статуе // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение, журналистика, 2014. № 2. С. 29–35.
10. *Спиваковский П.Е.* Иллюзии «Медного всадника». Лекция. Правмир, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/pavel-spivakovskiy-illyuzii-mednogo-vsadnika-videolektsiya> (дата обращения: 13. 02. 2019).
11. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
12. *Щеглов Ю.К.* Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009.
13. *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М., 1987.

Margarita Shanurina

A. PUSHKIN'S POEM 'THE BRONZE HORSEMAN' AS A PRE-TEXT FOR I. ILF AND E. PETROV'S 'THE TWELVE CHAIRS'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article provides a comparative analysis of I. Ilf and E. Petrov's novel 'The Twelve Chairs' (primarily chapter XXXIX, 'Earthquake') and A. Pushkin's poem 'The Bronze Horseman'. The aim of the work is to study the intertextual level of the novel, which would lead to a deeper understanding of 'The Twelve Chairs' as a travesty of classical Russian literature. Summing up the few existing works that draw parallels between the poem and the novel shows that there has been no detailed comparison of them previously. This paper attempts to bridge the gap as it makes a comparison of the system of characters, the plots, accented images and motifs in the texts written in different times. The plot functions prompt to consider the following pairs of characters – Eugene / Ippolit Matveyevich Vorobyandinov and the bronze horseman / Ostap Bender. The paper explores the key motifs of both works, including a natural disaster which is depicted by the flood in 'The Bronze Horseman' and the earthquake

in ‘The Twelve Chairs’ and the broken dream which is manifested by the mutiny of ‘the little man’. This indicates a correlation between ‘The Twelve Chairs’ and the ‘St. Petersburg Story’ by Pushkin and helps to see how Ilf and Petrov transform classic plot motifs and images and include them in the novel about Soviet reality.

Key words: I. Ilf; E. Petrov; A. Pushkin; ‘The Twelve Chairs’; ‘The Bronze Horseman’; travesty; parody.

About the author: Margarita Shanurina – BA Student, Department of Romance and Germanic Languages, Department of Literary Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: margaritashanurina@mail.ru).

References

1. Akhmatova A.A. “*Kamennyj gost*” *Pushkina* [Pushkin’s “The Stone Guest”]. Moscow; Leningrad, *AN SSSR Publ.*, 1958, pp. 185–195.
2. Bondi S.M. *Chernoviki Pushkina* [Pushkin’s Drafts]. Moscow, *Prosveshchenie Publ.*, 1978, pp. 193–203.
3. Grigor’ev A.A. *Russkaya literatura XIX veka: khrestomatiya kriticheskikh materialov* [Russian Literature of the 19th Century: The Compilation of Critical Materials]. Moscow, *Vysshaya shkola Publ.*, 1975. 456 p.
4. Il’f I.A., Petrov E.P. *Dvenadcat’ stul’ev. Zolotoj telenok* [The Twelve Chairs. The Little Golden Calf]. Moscow, *Moskovskij rabochij Publ.*, 1998. 608 p.
5. Il’f I.A., Petrov E.P. *Dvenadcat’ stul’ev. Pervyj polnyj variant romana s kommentarijami M. Odesskogo i D. Fel’dmana*. [The Twelve Chairs: The First Complete Version of the Novel with Comments by M. Odesskij and D. Feldman] 1997. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0120.shtml (accessed: 19.09.2018).
6. Izmailov N.V. “Mednyi vsadnik” A.S. Pushkina: Istoria zamysla I sozdaniya, publikazii i izycheniya [“The Bronze Horseman” by A.S. Pushkin: The History of Concept and Embodiment, Publication and Research]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1978, pp. 147–265.
7. Mandelshtam N.Ya. *Vospominaniya* [Memories]. N.Y., *Chekhov Publ.*, 1970, 478 p.
8. Merezhkovskij D.S. *Vechnye sputniki: Pushkin* [Eternal Companions: Pushkin]. Moscow, *Nauka Publ.*, 2007. 904 p.
9. Solnceva N.M. Syuzhet o statue [The Story about Statue]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [RUDN University Newsletter], 2014, № 2, pp. 29–35. (In Russ.).
10. Spivakovskij P.E. *Illyuzii “Mednogo vsadnika”*. Lekciya. [The Illusions of “The Bronze Horseman”: A Lecture] 2015. URL: <https://www.pravmir.ru/pavel-spivakovskiy-illyuzii-mednogo-vsadnika-videolektsiya> (accessed: 13.02.2019).
11. Toporov V.N. *Peterburg i “Peterburgskij tekst russkoj literatury” (vvedenie v temu)* [Saint Petersburg and “Saint Petersburg’s Text in Russian Literature” (Introduction to the Topic)]. Moscow, *Progress Publ.*, 1995. 275 p.
12. Shheglov Yu.K. *Romany Il’fa i Petrova. Sputnik chitatelya* [Ilf and Petrov’s Novels: The Reader Companion]. Saint Petersburg, *Ivan Limbakh Publ.*, 2009. 656 p.
13. Jakobson Ya.O. *Raboty po poetike* [The Works on Poetics]. Moscow, *Progress Publ.*, 1987. 462 p.

Т.А. Золотова, Н.И. Ефимова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
«Марийский государственный университет»
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1*

Анализируются стихи молодых российских профессиональных авторов (до 35 лет), представленные в печати, в Интернете, на сайтах литературных премий «Дебют», «Лицей», участников неформальных молодежных объединений (хип-хоп культуры). Обсуждаются особенности использования традиций европейской античности, ранней христианской литературы, отечественной и мировой литературной классики, образов и мотивов фольклора. Делается вывод, что молодые авторы, принадлежащие к мейнстриму, ориентированы преимущественно на поэзию модерна и второй половины XX в.; среди самых повлиявших поэтов Державин, Вяземский, Лермонтов, Анненский, Гумилев, Мандельштам, Пастернак, Есенин, Маяковский, Г. Иванов, Ходасевич, Бродский. Поэты (например, лауреаты премий «Дебют» и «Лицей») значительно реже, чем их ровесники-прозаики, обнаруживают в своих текстах влияние западной литературы.

Ключевые слова: традиции; классическое наследие; молодежная культура; литературная премия; поэзия.

В настоящей статье¹ осуществляется попытка выявить особенности интерпретации классических текстов в поэтическом творчестве литераторов не старше 35 лет, добившихся признания в интернет-сообществах и у критиков, ставших лауреатами премии «Дебют» (2015) и «Лицей» (2017–2018)².

Татьяна Аркадьевна Золотова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики историко-филологического факультета Марийского государственного университета (e-mail: zolotova_tatiana@mail.ru).

Наталья Игоревна Ефимова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Марийского государственного университета (e-mail: nordragon@mail.ru).

¹ Подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 34.7602.2017/8.9.

² В статье использованы тексты лирических стихотворений Анастасии Афанасьевой (лауреат премии «Дебют», 2014), Леты Югай (лауреат премии «Дебют», 2015), В. Косогова (лауреат премии Лицей, 2017, первое место), Даны Курской (лауреат премии Лицей, 2017, второе место), Григория Медведева (лауреат премии Лицей, 2017, третье место), Андрея Фамицкого (лауреат премии Лицей, 2018, первое место), Елены Жамбаловой (лауреат премии Лицей, 2018, второе место), Софьи Серебряковой (лауреат премии Лицей, 2018, третье место), ранние произведения Веры

Демонстрация якобы снижения исканий (сборник В. Косогова, например, имеет название «Ширпотреб») соединяется у этих авторов с обращением к традициям мировой культуры.

Античные образы и мотивы в стихах А. Фамицкого, Г. Медведева, Д. Курской, Е. Жамбаловой, как правило, соотносятся с иномирием. У Андрея Фамицкого, например, атрибутами смерти становятся «растения из сада Прозерпины, фиалка, ирис, роза гиацинт... цветочный мир – цветочный геноцид». С цветочной атрибутикой связан образ Аида у Григория Медведева. Для Владимира Косогова античность – необходимый инструмент характеристики сложного процесса творчества («Ширпотреб»), Светланы Серебряковой античные персонажи – защитники лирической героини («Птицы и жуки»).

В произведениях Фамицкого **Иисус Христос**, ангелы (и их антиподы) связаны с ситуациями бытийного, а иногда и творческого пограничья. Обращает на себя внимание наметившаяся в современной лирике тема особых, доверительных отношений с Богом; например, в ранней лирике Веры Полозковой Бог, *«играющий миром в огромный боулинг»*, сочувственно внимает юной поэтессе [Полозкова, 2014: 112; Золотова, 2016: 86]. У Курской Бог – обитатель «небесной неприканной дали, / Светит тем, кто утром станет лучше», в то же время к Нему можно обратиться совершенно по-свойски: «А правда, что ты ходишь по воде? / Он улыбнулся и ответил: “правда”» [Курская, 2018].

В. Косогов («40 дней») при помощи христианских мотивов и образов укрупняет события и лица: седая женщина с ребенком на руках становится воплощением материнства, ибо «держит эту панораму первоапостольный Андрей» [Косогов, 2017: 8]. Косогову принадлежит удачная попытка включения молитвы в текст стихотворения о гибели друзей юности: «Отче наш, иже еси на небе, / Дажь нам днесь, избави от грехов / И остави в этом ширпотребѣ, / В царствии пластмассовых венков» [Косогов, 2017:26].

Определенное место в творчестве лауреатов «Лицея» занимает **фольклор**. «Василиса» Даны Курской – переложение сказочного сюжета о победе над противником благодаря материнскому благоговению. В «Плясовой» Косогова использован ритм лирической частой песни: «Кто-то плачет над тобою и, прицелившись с трудом, / Перепачканный слезою, бросит в ноги чернозем» [Косогов, 2017: 37]. В функции остранения используется ритмика детской считалки: «На златом крыльце сидели недобитки и шпана. / Ели-пили, пили-ели, выходили из окна» [Косогов, 2017: 64]. Новый тип взаимодействия литературы и фольклора наблюдается у Леты Югай, являющейся одновременно и исследователем фольклора, и поэтом. С помощью

Полозковой, а также стихотворные тексты представителей отечественной хип-хоп культуры (Мирона Федорова и Дмитрия Ромащенко).

персонажей вологодского народного творчества она выстраивает собственный мир, страшный и привлекательный: его обитатели приручены и заключены в некое полотно, обрамленное и увитое «резными кустами», на страже мира святые, «знающие» женщины, и среди них бабушка-ведунья с ее «расти-большая-хорошая-и-чтобы-не-было-ничего; <...> ни страхов, ни переполюхов» («Баенка»). Лета Югай определяет жанровую специфику своих текстов как «поэтические интервью», где слышны голоса автора и персонажей-рассказчиков. Как феномен детского и, шире, обрядового сознания представлен фольклор в творчестве Софьи Серебряковой и Елены Жамбаловой.

Значительное место в творчестве молодых поэтов занимают традиции **русской классики**. По собственному признанию лауреатов Лицея 2017–2018 гг., многие отечественные классики – в ряду любимых, наиболее читаемых ими авторов. Косогов в интервью, организованном по нашей просьбе, говорил: «Если говорить о классической оси, то она будет выглядеть примерно так: Державин – Вяземский – Лермонтов – Георгий Иванов – Ходасевич... это ключевые фигуры, вокруг которых еще нарастут десятки авторов». Есть *некое содружество вне времени и пространства*, в границах которого учителя и ученики выступают на равных: «А мы, Георгия Иванова И Ходася ученики» [Фамицкий]. Иногда поэты вспоминают поразившие их трагические события в судьбах великих предшественников, например, смерть Анненского («Под свисток динамичного паровоза / Умирает Анненский на вокзале» [Фамицкий] и Есенина «Тайны века» [Курская, 2018]. В эпоху постмодернистской критики русской классической литературы, различного рода обвинений в излишнем критицизме, гуманизме, авторитаризме и т.п. молодые поэты выступили как ее защитники.

Развивается чрезвычайно важная для русской классической литературы тема поэзии как высокого, напряженного труда. Так, например, в цикле Косогова «Акмеисты седьмого дня» (вторая часть сборника «Ширпотреб») в центре внимания автора – творческий процесс: его начало («сорвись, резьба, на 10 лет к началу»); муки творчества («словесный неподатливый металл / Кромсая авторучкой»); особенности работы над текстом («подкидываю дрова / в жар их переплавляя / раскидываю слова / лишние убирая»); срывы («но из трубы в ответ / хилый дымок струится / это чернильный след / чтобы не заблудиться») и, наконец, оглушающие чувства радости и губительного восторга («к балконной раме сядь впритык, держа полнеба на коленях, / пусть крепко екнуло в груди, / глуши вином шестое чувство. / И всё, что будет впереди, / скорей погибель, чем искусство») [Косогов, 2017: 35–

38]. Вспоминается интервью Косогова, где он говорил об изначально трагическом мироощущении поэта: *«на абсолютно метафизическом уровне поэт больше, чем человек»*. Об этом его стихотворение «Живу как все, одергиваю тюль...»: принципиально значимы обращения к Одиссею, который «проспал Итаку, загубил матросов, / Один остался, кончился один, / Печальный кареглазый исполин, / К которому у неба нет вопросов» [Косогов, 2017: 37].

Заметно и стремление к образной и мотивной перекличке с произведениями классиков. Так, Дана Курская оригинально интерпретирует монолог Нины Заречной («Люди, львы, орлы... молчаливые рыбы... морские звезды...»), не ограничиваясь поэтическим переложением текста, но оживляя пейзаж, констатируя его иллюзорность, театральность [Курская, 2018].

Повествуя об одиночестве, неприкаянности, молодые поэты часто вспоминают Бродского. У Фамицкого и Косогова трагедия поэта скрыта, на первом плане – образ беспечного прожигателя жизни, поданный одновременно и с иронией, и с восхищением:

Венецианской папироской
(Уже примерно полчаса)
Иосиф Александрыч Бродский
Дымит и смотрит в небеса.
[Косогов, 2017: 41]

Определенный интерес представляет поэзия авторов, обретших популярность первоначально в Интернете. В их творчестве обращают на себя внимание черты «переходности» и связанный с этим интерес к смерти: «смерть – культовая характеристика молодежной культуры и, пожалуй, один из самых популярных и выразительных образов в творчестве ее участников» [Щепанская, 2004: 85–86]. Эта тема является определяющей, например, в сборнике Веры Полозковой «Осточерчение», где есть особое, с оттенком некоей интимности, но оттого еще более драматическое отношение к смерти: *«моя смерть из тех, что кладет твою руку между ладоней и шепчет “только не умирай”. И вот тут ты просто обязан сдохнуть – как трагикомик и самурай»* [Полозкова, 2014: 8]. Смерть для молодой поэтессы обладает и обаянием; симптоматична первая строка одного из заключительных стихотворений сборника: «Смерть, как все, что ты еще не пробовал...» Текст построен на контрасте мистического (ужас ожидания смерти) и бытового (смерть как свершившийся факт) планов. Можно согласиться с Т.Б. Щепанской в том, что внимание к смерти в молодежной культуре вызвано реальным страхом, и символизация смерти и в ритуальных практиках, и в субкультурах представляет собой попытку преодоления страха [Щепанская, 2004: 87].

У Полозковой и Даны Курской заметна тенденция к смешению знаков современной и классической литературы. Обе поэтессы успешно выступают в жанре «поэтического концерта» [Басинский, 2018].

Стремление к эклектике стало определяющим в творчестве представителей хип-хоп культуры, в частности, русского рэпа и его интеллектуальной, “книжной”, разновидности (Мирон Федоров-Охххymiron и Дмитрий Ромащенко-Эрнесто Заткнитесь).

Мирон Федоров – знаковая фигура отечественной рэп-культуры; его рэп, без сомнений, интеллектуальный, эстетика «низов» здесь лишь одна из составляющих.

Античные образы (мифологические и исторические) у Оксимирона вступают в своеобразную перекличку. В произведении «Кем ты стал» фанат обращается к герою-писателю³: «Глаза у нимф пусты, все бухают, эго набухает как лимфоузлы / Вот за этим ты шел к Олимпу? Стыд!», а в следующем треке, «Всего лишь писатель», герой отвечает на эту критику: «У нас пир во время чумы, глаза у нимф пусты, / Зато наши нимфы юны, ваши – как Windows 3». У Ромащенко упоминаются Мнемозина и Прометей («Лацканы»).

Христианские мотивы играют концептуальную роль в первом альбоме М. Федорова «Вечный жид» (так определен лирический герой, противопоставляющий себя обществу). В «Горгороде» герой-писатель примеряет на себя противоположный образ: «Я несу и так едва крест, это тебе не Иса, / Кого и куда я поведу? Я потерял сам. / Тут бунтари все обречены, как Авессалом» («Всего лишь писатель»). Есть отсылки к библейскому бестиарию и демонологии (Левиафан, Астарот) («Переплетено»).

Распространенным приемом стало обращение к наследию **русской и зарубежной литературы**. Отдельные тексты М. Федорова практически целиком строятся на последовательности отсылок к литературным и кинематографическим произведениям: в треке «Цифры и цвета» духовное становление лирического героя описывается посредством перечисления названий и фактов из произведений Каверина, Дюма, Я. Пшимаковского, Михалкова, Жюль Верна. Встречаются аллюзии к творчеству поэтов начала XX в.: «На деле ты бедный Демьян» («Кем ты стал»), стилизации под Маяковского: «Я спускаюсь беспрецедентно оправдан. / И лицемерно помилованный / тридцатилетний» («Башня из слоновой кости»). Отсылки к русской классике («Горю от ума») есть в произведениях «Где нас нет» и «Всего лишь

³ Здесь и далее тексты М. Федорова цит. по: «Горгород». [Электронный ресурс]. URL: <https://genius.com/Oxxxymiron-what-had-you-become-lyrics> (дата обращения: 19.02.2019).

писатель». Название композиции «Жук в муравейнике» устанавливает связь со Стругацкими, «Восточный Мордор» – с «Властелином колец» Толкиена.

«Лацканы» Ромашенко передают отношение поэта к собственному месту в литературной истории⁴: так, в рефрене: «Я не в мать, не в отца, я в Иосифа Бродского»; есть отсылка к знаменитой «Зимней ночи» Пастернака: «При Пастернаке на столе была свеча, при мне остался огарок».

Фольклорные мотивы применяются в рэпе редко, однако их эпизодическое использование привносит неожиданную лирическую ноту: так, фольклорный рефрен «Где нас нет» Федорова контрастирует с куплетами своей красочностью, поэт пишет о недостижимых для героев «кисельных берегах», закрепляет отсылку к сюжету «Гусей-лебедей», упоминая некие «Лебединые острова», использует «драгоценные» эпитеты. В этом же альбоме автор прибегает к такому фольклорному жанру, как колыбельная (одноименный трек).

Особый интерес в рэпе представляют знаки современной культуры. Использование отсылок к ней в сочетании с традиционными поэтическими символами определяет, на наш взгляд, сущность интеллектуального рэпа и его привлекательность для современной образованной аудитории (см., например, «Горгород» М. Федорова).

В «Лацканах» Ромашенко упоминаются М. Цукерберг и С. Джобс, присутствуют не прямые отсылки к культовому кино («Назад в будущее» Р. Земекиса), фигурируют популярные гаджеты и программы: «Небо столь словоохотливо: / В mp3 бы, да в айпод его». Для трека «Лацканы» характерны настроения, идущие вразрез с ценностями общества потребления. Отсюда – упоминание современных бизнес-реалий: «Меня хлестали офиса крапивой... / Ты избрал коттедж – комфорт / В противовес палитре высот», фигура Че Гевары: «Потому вдохновенье нахожу в Че Геваре / Вместо теплого местечка – скитания с кентами».

Итак, анализ поэтического творчества современной молодежи как представителей литературного мейнстрима (лауреаты новой литературной премии «Лицей» 2017–2018 гг.), так и неформальных сообществ (представители русского рэпа) позволяет сделать вывод о том, что их культурный универсум (сюжеты, образы, мотивы отечественной и мировой классики, а также современной культуры) весьма разнообразен.

⁴ Здесь и далее текст Дмитрия Ромашенко цит. по: Лацканы (Latskany). [Электронный ресурс]. URL: <https://genius.com/Ernesto-zatkites-latskany-lyrics> (дата обращения: 20.02.2019).

Список литературы

1. Афанасьева А. Отпечатки. Нью-Йорк, 2014.
2. Басинский П. Избранные работы. [Электронный ресурс] URL: <http://rg.ru/2017> (дата обращения: 21.09.2018).
3. Жамбалова Е. Мороженое для внутреннего ребенка. [Электронный ресурс]. URL: pushkinprize.ru/2018/05/17/елена-жамбалова (дата обращения: 12.12.2018).
4. Золотова Т.А. Виртуальное интервью с В. Косоговым в социальной сети «ВКонтакте». [Электронный ресурс] URL: <http://www.vk.com/> (дата обращения: 18.12.2018).
5. Золотова Т.А. Творчество культовых авторов Рунета как субкультурный феномен (на материале поэтических сборников Веры Полозковой «Непознание», «Фотосинтез», «Осточернение» // Вербальная культура современной молодежи / Под общей ред. проф. Т.А. Золотовой. Йошкар-Ола, 2016. С. 64–125.
6. Золотова Т.А. Фольклоризм в творчестве молодых российских авторов // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 3. С. 20–29.
7. Косогов В. Избранные работы. [Электронный ресурс] URL: <http://morsmagazine.ru/lifestyle/chtenie-vladimir-kosogov-stihi/> (дата обращения: 18.11.2018).
8. Косогов В. Ширпотреб. М., 2017.
9. Курская Д. Поэзия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.stihi.ru/2018/11/29/7125> (дата обращения: 15.12.2018).
10. Курская Д. Тайны века [Электронный ресурс] URL: www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=mkA=c3qUwMe (дата обращения: 10.12.2018).
11. Медведев Г. <http://www.lgz.ru/article/-22-6600-7-06-2017/karmannyi-khleb> (дата обращения: 10.12.2018).
12. Полозкова В. Непознание. М., 2014.
13. Полозкова В. Осточернение. М., 2015.
14. Ромащенко Д. (*Эрнесто Заткнитесь*). Лацканы. [Электронный ресурс] URL: <https://genius.com/Ernesto-zatknites-latskany-lyrics#ampf=undefined> (дата обращения: 20.02.2019).
15. Серебрякова С. Птицы и жуки. [Электронный ресурс] URL: pushkinprize.ru/2018/05/17/софья-серебрякова (дата обращения: 15.12.2018).
16. Тутенко В. Поэт на миллион. Владимир Косогов о новой книге и творческих союзах. [Электронный ресурс] <https://news.rambler.ru/other/38688065-poet-na-million-vladimir-kosogov-o-novoy-knige-i-tvorcheskikh-soyuzah/> (дата обращения: 12.03.2019).
17. Фамицкий А. Москва-Минск. [Электронный ресурс] URL: <http://godliteratury.ru/projects/andrey-famickin-moskva-minsk-sbornik> (дата обращения: 15.11.2018).
18. Федоров М. (Охххумирон). «Горгород» (Gorgorod). [Электронный ресурс] URL: <https://genius.com/Oxxxumiron-what-had-you-become-lyrics> (дата обращения: 19.02.2019).
19. Югай Лема. Забыть-река. М., 2015.

Tatiana Zolotova, Natalia Efimova

LITERARY TRADITIONS IN YOUNG RUSSIAN POETS

*Mari State University,
1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola, 424000*

The paper aims to define attitudes of young Russian poets to the fundamental values of Russian modern society, reveal their literary preferences in interpreting classical

cultural heritage, in general, and Russian classics, in particular. The focus is on the poetry of Russian professional writers aged 35 and younger who published officially and on the Internet sites (e.g., poezia.ru), sites of literary awards (the Debut award: 2014–2015), the Lyceum award (2017–2018), and who are part of informal youth communities. Analyzing how Russian young poets employ the world and Russian literary heritage in their work, the paper shows that mainstream poets seldom focus on Russian poets of the 18th and 19th centuries and mostly refer to the poets of the early and mid 20th century. Brodsky is the most popular one. The forms of interpretation of Russian literary heritage are various (signs of psychological state, motives and images, allusions). Some of them are universally accepted by young poets while others are used but once. The laureates of the Debut and Lyceum awards resort to western literary heritage but do it more rarely in comparison with Russian young prose writers. Young poets sound very patriotic. They insist on the significance of Russian classic literature and its typological meaning in the present-day literature. Russian rappers combine signs of modern culture with traditional poetic symbols, which determines the essence of the intellectual rap and its popularity with highbrows.

Key words: tradition; classics; heritage; youth culture; literary award; poetry.

About the authors: *Tatiana Zolotova* – Prof. Dr., Department of Russian Language, Literature, and Journalism, Faculty of History and Philology, Mari State University (e-mail: zolotova_tatiana@mail.ru); *Natalia Efimova* – PhD, Associate Professor, Department of English Philology, Faculty of Foreign Languages, Mari State University (e-mail: nordragon@mail.ru).

References

1. Afanas'eva A. *Otpechatki*. [Prints]. New York, *Ailuros Publishing*, 2014. 82 p.
2. Basinskij P. *Izbrannye raboty*. [Selected Works]. URL: <http://rg.ru/2017> (accessed: 21.09.2018).
3. Zhambalova E. *Morozhenoe dlja vnutrennego rebjonka*. [Ice-Cream for the Inner Child]. URL: pushkinprize.ru/2018/05/17 (accessed: 12.12.2018).
4. Zolotova T.A. Virtual'noe interv'ju s V. Kosogovym v social'noj seti VKontakte. [Virtual Interview with V. Kosogov in the Social Network VKontakte]. URL: <http://www.vk.com/> (accessed: 18.12.2018).
5. Zolotova T.A. *Tvorchestvo kul'tovyh avtorov Runeta kak subkul'turnyj fenomen (na materiale poeticheskikh sbornikov Very Polozkovoj "Nepojemanie", "Fotosintez", "Ostochertenie")*. [Creative Output of Runet Authors as a Subcultural Phenomenon (on Vera Polozkova's Poetic Books "Nepojemanie", "Photosynthesis", "Ostochertenie")]. Verbal'naja kul'tura sovremennoj molodezhi [Verbal Culture of Modern Youth]. Yoshkar-Ola, *Mari State University Publ.*, 2016, pp. 64–125.
6. Zolotova T.A. *Fol'klorizm v tvorchestve molodyh rossijskikh avtorov*. [Folklorism in Young Russian Authors' Creative Work]. *Traditional culture*, 2018, vol.19, no.3, pp. 20–29.
7. Kosogov V. *Izbrannye raboty*. [Selected works]. URL: <http://morsmagazine.ru/lifestyle/chtenie-vladimir-kosogov-stihii/> (accessed: 18.11.2018).
8. Kosogov V. *Shirpotreb*. [Mass market]. Moscow: *Vojmega Publ.*, 2017. 68 p.
9. Kurskaja D. *Pojezija*. [Poetry]. URL: <http://www.stihi.ru/2018/11/29/7125> (accessed: 15.12.2018).
10. Kurskaja D. *Tajny veka*. [Mystries of the Century]. URL: www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=mkA=c3qUwMe (accessed: 15.12.2018).
11. Medvedev G. <http://www.lgz.ru/article/-22-6600-7-06-2017/karmanny-khleb> (accessed: 10.12.2018).

12. Polozkova Vera. Nepojemanie. [Misunderpoetry]. Moscow: *Livebook Publ.*, 2014. 224 p.
13. Polozkova Vera. *Ostocherchenie*. [Ostocherchenie.]. Moscow: *Gayatri/Livebook Publ.*, 2015. 184 p.
14. Romashhenko D. (Jernesto Zatknites'). *Lackany*. [Lapels]. URL: <https://genius.com/Ernesto-zatknites-latskany-lyrics#ampf=undefined> (accessed: 20.02.2019)
15. Serebrjakova Sof'ja. *Pticy i zhuki*. [Birds and Bugs] URL: pushkinprize.ru/2018/05/17/sof'ja-serebrjakova (accessed: 15.12.2018).
16. Tutenko V. *Pojet na million. Vladimir Kosogov o novej knige i tvorcheskih sojuzah*. [One in a Million. Poet Vladimir Kosogov about His New book and Creative Unions]. URL: <https://news.rambler.ru/other/38688065-poet-na-million-vladimir-kosogov-o-novoy-knige-i-tvorcheskih-soyuzah/> (accessed: 12.03.2019).
17. Famickij Andrej. *Moskva-Minsk*. [Moscow-Minsk]. URL: <http://godliteratury.ru/projects/andrey-famickin-moskva-minsk-sbornik> (accessed: 15.11.2018).
18. Fedorov M. (Oxxxymiron). *Gorod*. [Электронный ресурс]. URL: <https://genius.com/Oxxxymiron-what-had-you-become-lyrics> (accessed: 19.02.2019).
19. Jugaj Leta. *Zabyt'-reka*. [Forget-the-river]. Moscow: *Vojmega Publ.*, 2015. 52 p.

К ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕСЕННОГО ТЕКСТА

А.В. Логутов

СУБЪЕКТНОСТЬ ПОПУЛЯРНОГО ПЕСЕННОГО ТЕКСТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена проблеме субъектности в популярном песенном тексте в контексте прагматики и медийных исследований. Предлагается рассматривать популярную песню как полимедийное культурное поле, в котором одновременно в соответствии с принципом дополнительности реализуются разные технически опосредованные способы потребления контента. Полимедийность песни оставляет след в ее собственно текстовом компоненте, которому с точки зрения привычных представлений о литературности может быть свойственна определенного рода бессодержательность, что не мешает ему быть эффективным с прагматической точки зрения. Один из аспектов этой эффективности, связанный с идентификацией слушателя с субъектными позициями в тексте, и рассматривается в статье. Мы предпринимаем попытку рассмотреть то, каким образом при различных технически опосредованных способах восприятия (прослушивании записи и живого исполнения) реализуется эффект идентификации слушателя с внутритекстовыми субъектами. Каждому способу восприятия свойственны свои дейктические схемы и «канонические ситуации» (термин Дж. Лайонса), т.е. свое представление о «нормальном» устройстве коммуникативной ситуации и ролях ее участников. В рамках предлагаемого С. Фритом разделения перформативного субъекта на три инстанции – биографическую личность, сценическое амплуа и лирического героя, каждая из которых может обладать разной степенью определенности, возникают разного рода прагматические эффекты, тесно связанные как с содержанием, так и со структурой песенного текста. В частности, под этим углом в статье рассматриваются особенности субъектной организации припевов.

Ключевые слова: песенный текст; полимедийный текст; теория медиа; субъектность; прагматика.

Одна из существенных трудностей, возникающих при филологическом анализе популярной песенной лирики¹, заключается в том, что

Логутов Андрей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: logutow@mail.ru).

¹Словосочетание «популярная песенная лирика» используется нами примерно в том же ключе, что и термин «популярная культура» в интерпретации бирмингемской школы (см., например: [Fiske, 2000: 2]).

многие образчики песенных текстов кажутся бессодержательными с точки зрения привычных представлений о литературности. Так, в некоторых жанрах лирика выполняет функцию «подтекстовки» – опоры для голоса, словесное содержание которой скорее вторично и должно в первую очередь соответствовать жанровому клише. Тем не менее просто отмахнуться от анализа подобных «бессодержательных» и «непоэтических» текстов нельзя хотя бы в силу того, что их прагматическая «эффективность» весьма велика. Объяснить силу воздействия этих песен одними только свойствами музыкального компонента или наивностью аудитории тоже невозможно. Как единогласно признают и отечественные, и зарубежные исследователи, здесь необходимо принимать в рассмотрение социокультурный, технологический, демографический и другие контексты, в которых происходило становление популярной песенной культуры.

Представители школы рецептивной эстетики одними из первых ввели в литературоведческий обиход представление о «читательском воображении». В любом тексте – рассуждает В. Изер – существуют лакуны, которые каждый читатель волен заполнять по-своему: «Мы можем представлять себе только те вещи, которых в [тексте] нет; написанный текст дает нам информацию, а не написанный – работу воображению; она была бы невозможна без элементов неопределенности, без пробелов в тексте» [Изер, 2004: 212]. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть именно эту особенность «бессодержательных» песенных текстов – их наполненность или даже переполненность лакунами и умолчаниями, которые открывают пространство для работы того, что можно назвать «аудиальным (слушательским) воображением»².

«Неопределенность» у Изера понимается как принципиальная недостижимость информационной полноты в произведении, открывающая возможность для различных читательских интерпретаций: «Читая, мы открываем “неопределенную” часть текста, и эта неопределенность есть сила, заставляющая нас вырабатывать частное прочтение и предоставляющая нам необходимую для этого свободу» [Изер, 2004: 217]. Здесь можно говорить и об определенности или неопределенности внутритекстового субъекта. Главный критерий определенности в таком случае – это наделенность субъектной позиции конкретными характеристиками (гендерными, возрастными и т.д.). Хотя подобное понимание кажется нам приемлемым и продук-

² Понятие аудиального воображения применительно к поэзии на русско- и франкоязычном материале разрабатывается Е.М. Белавиной. См., в частности: [Белавина, 2011; 2017].

тивным при анализе конкретного материала, мы хотели бы заострить внимание на *структуральном* содержании категории определенности: она говорит о том, насколько *отличны* друг от друга (отстоят друг от друга) субъекты в данной коммуникативной констелляции³.

За внутритекстовым адресатом («ты») лирического стихотворения может обнаружиться и реально живший человек, и несколько разных людей сразу, и обобщенный «жанровый» адресат, и *alter ego* автора, и персонаж другого стихотворения. При этом установление связей между двумя этими множествами является важнейшей частью восприятия текста и может идти двумя путями: через идентификацию или через атрибуцию.

Об атрибуции следует говорить в тех случаях, когда читатель или слушатель идентифицирует ту или иную субъектную позицию в тексте с внетекстовым субъектом (кроме адресата). Напротив, под идентификацией мы будем понимать уподобление или отождествление внутритекстового субъекта с адресатом. Здесь мы хотели бы попытаться рассмотреть стратегии идентификации между внетекстовыми и внутритекстовыми субъектами в контексте медийных протоколов взаимодействия между исполняемым текстом и слушателем.

Главная, на наш взгляд, проблема, которая возникает в процессе анализа субъектности (и не только!) в различных культурных полях заключается в том, что соответствующие им тексты реализуются в различных медийных техниках, каждая из которых располагает специфическим для нее набором протоколов взаимодействия между производителем и потребителем контента. А. Мур в своем фундаментальном исследовании популярной песни перечисляет четыре *режима потребительского доступа* (modes of access) к популярной песне: аудиозапись (record), транскрипт (transcript, нотная запись и языковая запись песенной лирики), живое исполнение (live performance) и эфирные медиа (радио, телевидение) [Moore, 2012: 14].

Один из этих видов артефактов – транскрипт текста песни – занимает в соответствующем медийном поле, скорее, периферийное положение – особенно в том, что касается распространенности нотной

³ Описывая процесс чтения в феноменологическом ключе (оставаясь при этом на медийном поле «книжной литературы»), Яусс интересуется в числе прочего тем, какие свойства текста ответственны за идентификацию читательского «я» и субъектов текста. Сближение между этими инстанциями возможно, по Яуссу, только в том случае, если читатель поступит теми компонентами собственной идентичности, которые не совпадают с эксплицитными или имплицитными характеристиками внутритекстового «я» (например, читатель-подросток должен будет «вынести за скобки» свой возраст, если повествование ведется от лица пожилого человека). «Определенность» субъектной позиции пропорциональна ее способности сопоставляться идентификации с «я» произвольного читателя.

записи. Что до остальных режимов потребительского доступа, то они имеют *примерно равный вес* в медийном поле – с учетом, разумеется, некоего усреднения ситуации. Упомянутый ранее А. Мур посвятил свое исследование прежде всего *аудиозаписям*. Действительно, именно звукозаписывающие технологии позволили превратить музыку в товар массового потребления, обусловили многие композиционные и музыкально-выразительные свойства популярной песни⁴. Но игнорировать при этом другие режимы – живое исполнение и эфирные медиа – невозможно. С каждым из этих режимов связаны разные протоколы интересубъектного взаимодействия, различия между которыми можно описать в терминах первичного и вторичного дейксиса.

Дейктические модели технологически опосредованной коммуникации (книжной литературы, записанной песни) устроены иначе, чем дейксис устного общения. Различие между ними проходит не по линии раздела между «обыденным» и «литературным» языком, а обусловлено устройством самой коммуникативной ситуации. Именно об этом разделении пишет Ю.Д. Апресян, когда вводит понятия *первичного* и *вторичного дейксиса*: «Первичный дейксис – это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения. Говорящий и слушающий видят друг друга, и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающей обстановки <...>. Вторичный дейксис <...> не связан непосредственно с речевой ситуацией. <...> Его конституирующим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета <...>. *Частным случаем вторичного дейксиса является, по-видимому, пространственный дейксис телефонного разговора*» [курсив мой. – А.Л.] [Апресян, 1986: 276].

Уподобление «вторичного дейксиса пересказа» дейксису ситуации *прямого*, пусть и *технологически опосредованного*, телефонного общения само по себе неудивительно, так как речь в данном случае идет исключительно о *пространственном* дейксисе. Технологическая медийность ставит перед исследователем дейксиса проблемы того же типа, что и другие формы опосредования. Здесь Апресян продолжает линию рассуждений К. Бюлера, еще в 1934 г. предложившего различать «прямой» *deixis ad oculum* и «косвенный» *deixis ad phantasma* [Bühler, 1990: 24].

⁴ Так, типичная длительность популярной песни обусловлена ограничениями записи на первые шеллаковые пластинки; принципиально важны возможности манипуляции со звуковым материалом, появившиеся с изобретением электрического усиления и, позже, магнитофонной пленки и т.д. Многочисленные примеры такого рода см. [Katz, 2005].

Каноническая ситуация

Понятие канонической ситуации появилось в лингвистической когнитивистике с легкой руки Дж. Лайонса, который определил его следующим образом:

[The canonical situation] involves one-one, or one-many, signalling in the phonic medium along the vocal-auditory channel, with all the participants present in the same actual situation able to see one another and to perceive the associated non-vocal paralinguistic features of their utterances, and assuming the role of sender and receiver in turn [Lyons, 1977: 637].

Как видно из приведенного определения, «каноническая ситуация» (КС) по Лайонсу соответствует некой нормативной коммуникативной констелляции, относительно которой, как от начала координат, отсчитываются все остальные. Определение сводится не к чему иному, как к описанию *диспозиции и определенности субъектов с учетом медийных связей между ними и «нормального» протокола взаимодействия*. В нем остроумно и уместно подчеркивается важность канала и медиума⁵ (channel, medium) в качестве ключевых характеристик канонической ситуации. КС определяет обстоятельства, «по умолчанию» или чаще всего сопутствующие получению информации посредством данного медиума.

Среди особенностей КС, связанных с режимами потребления популярной музыкальной продукции, хотелось бы отметить два важных обстоятельства. Во-первых, как и в любых других перформативных искусствах, субъектная инстанция, связанная с исполнителем, имеет сложную иерархическую структуру. Социолог музыки и специалист в области перформативных исследований С. Фрит предлагает выделять как минимум три компонента: *биографическую личность* (БЛ, *real person*), *сценическое амплуа* (СА, *stage persona*) и *лирического героя* (ЛГ, *lyric persona*), что в целом повторяет бахтинскую концепцию автора [Frith, 1996: 186]. Во-вторых, с каждой КС связан определенный комплекс ожиданий относительно содержания песенного текста.

Вооружившись понятиями, введенными в предыдущих параграфах, мы теперь попытаемся охарактеризовать типичные для поля популярной песни КС и посмотреть на то, как в них реализуются потенции, связанные с внутритекстовыми субъектами первого и второго лица. В качестве основных рассмотрим два технологических режима: живое исполнение и воспроизведение аудиозаписи. По Лайонсу, соответствующие КС будут выглядеть следующим образом:

⁵ Под «медиумом» Лайонс подразумевает вторичный (технологический), а под каналом – первичный медиум (слух, зрение и т.д.). Здесь и далее мы будем придерживаться такого же разделения.

Таблица 1

	Живое исполнение	Запись
(1)	Коммуникация происходит по аудиальному и визуальному каналу	Коммуникация происходит по аудиальному каналу
(2)	Участники соприсутствуют в одном контексте	Участники находятся в разных контекстах. Благодаря технологиям индивидуального прослушивания контекст может быть практически любым. Чаще всего он связан с повседневностью
(3)	Участники слышат и видят <i>примерно</i> одно и то же с учетом различий между пространством сцены (взгляд, направленный в зал; звук, доносящийся из сценических мониторов) и пространством зала (взгляд, направленный на сцену; звук из колонок)	Ситуация асимметрична
(4)	Очередность «высказываний» участников определяется характерным перформативным этосом ¹ . Например, на академическом концерте очередность соблюдается (исполнение – овации), на концерте популярной музыки публика соучаствует в исполнении	Очередности в коммуникации нет. Порядком коммуникации (прослушивания) управляет слушатель
(5)	Слушателей обычно больше, чем исполнителей. Количество исполнителей ограничено	Слушатель может быть один
(6)	На сцене находятся реальные люди (БЛ), их присутствие определено. СА и ЛГ могут быть как определены, так и нет	Участники могут быть неопределены (БЛ). СА менее определено, чем при живом исполнении. ЛГ могут быть как определены, так и нет

В целом субъектные позиции со стороны адресанта (исполнителя) в случае живого исполнения более определены. Вероятность того, что слушатель установит *атрибутивную* связь между внутритекстовым «я» и БЛ исполнителя, увеличивается. В более «аутентичных» жанрах вроде фолк-рока, подлинность, искренность сообщения оценивается со знаком «плюс». Эффект того, что исполнитель поет «от себя», транслирует свой жизненный опыт – не прибегая к таким формам опосредования, как театральная «маска», *persona* – создается, понимается, не только за счет песенного текста, но и сценического оформления и т.д. Насколько возможно, воссоздается пространство разговора, нормативная КС повседневной коммуникации – с той поправкой, что в конечном счете речь идет, понимается, о воспроизведении жанрового паттерна.

⁶ В различных музыкальных культурах поведение публики нормируется по-разному. См., например: [Логотов, 2017].

Для КС живого исполнения также характерна идентификация между слушателем и субъектной позицией второго лица в тексте. С одной стороны, она подкрепляется определенностью исполнителя как субъекта и недвусмысленной обращенностью песни *именно к этой аудитории здесь и сейчас*. С другой стороны, в структуре популярной песни имеются особые «точки вхождения» для слушателя – рефрены и припевы – приглашающие аудиторию принять участие в ее исполнении. Куплетно-припевная форма (называемая также ААВAB) стала доминировать в популярной песенной культуре в конце 1960-х годов [Ensign, 2015: 74], придя на смену различным структурам с рефреном. Идентификация, происходящая во время коллективного исполнения припева, позволяет слушателю примерить на себя внутритекстовое «я», изменить перспективу восприятия песни. Здесь определенность внутритекстового «я», характерная для КС живого исполнения, преодолевается; слушатель переживает своеобразную «расфокусировку» своей субъектности, ему оказываются доступны внутритекстовые позиции и 1-го, и 2-го лица. Безыскусный на первый взгляд текст превращается в коммуникативную схему, которая осваивается аудиторией – причем осваивается *коллективно*. «Примитивность» песни функциональна: субъектные позиции в ней настолько неопределенны, что процессы идентификации не встречают препятствий на своем пути.

Консолидация повседневного опыта, воспроизведение коммуникативных паттернов и речевых клише, тренировка «способности решения новых задач восприятия» [Беньямин, 1996: 61] – важная, если не важнейшая, функция популярной культуры, которая опознает, ретранслирует и осваивает ключевые смыслы и ценностные установки сообщества.

Заметим, что для лирики как рода литературы также в целом характерна неопределенность субъектных позиций. В лирическом стихотворении субъекты не нуждаются в неопределенном атрибуировании и контекстуализации – их неопределенность также облегчает процесс читательского «вчувствования» в коммуникативную ситуацию текста. Однако в случае «бессодержательной» песенной лирики, которая нас в первую очередь и интересует, кажется разумным предположить, что сравнимая по стилистике поэзия вряд ли могла бы получить широкое распространение; в случае песенного сообщения положение дел компенсируется наличием музыкального компонента.

* * *

Полимедийная природа песни как коммуникативного сообщения влечет за собой неизбежность возникновения «граничных явлений» на стыке различных медийных кодов, культурных практик и

эстетических конвенций. Несовпадение границ культурных полей с технологическими режимами производства требует одновременного использования нескольких оптик в духе «принципа дополнительности», о применении которого в гуманитарных науках рассуждал Р.О. Якобсон: «Их <лингвистов и логиков. – А.Л.> подход к таким проблемам, как значение и референция, интенция и экстенция или экзистенциальные предложения и мир речи совершенно различен; но эти два воззрения можно интерпретировать как два истинных, но частичных вида описания, которые находятся друг к другу в отношении, счастливо определенном Нильсом Бором как “дополнительность”»⁷. Подобного рода «дополнительность» имеет место и тогда, когда явление, принимаемое в рамках соответствующего культурного поля за неразрывную художественную единицу (например, «песня»), реализуется в различных технологических режимах, с каждым из которых связан особый коммуникативный протокол или, если угодно, «способ потребления». Песенный текст требует *единовременного* учета всех способов своей реализации, границы между которыми проходят не только по демаркационной линии между «словом» и «музыкой» как эстетическими категориями. Технически обусловленные коммуникативные контексты функционирования песни задают режимы работы аудиального воображения, позволяют слушателю (по-разному и в разной степени!) узнать себя в текстовой «лакуне», на добровольных началах обжить «неопределенную» субъектную позицию в тексте. Именно за счет этой работы слушателя на первый взгляд схематические, «неотягивающие» до поэтической полноты субъектные конstellации открывают новые способы конструирования субъектности, «очеловечивания» текста, перевода перформативного художественного высказывания на язык личного или коллективного опыта слушателя.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
2. Белавина Е.М. От Верлена к верлибру: Эволюция доминант аудиального воображения // Новое литературное обозрение. 2017. № 148 (6). С. 37–46.
3. Белавина Е.М. «Подспудный гул созвучий», или Рецепция поэтического дискурса и аудиальное воображение // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 167–180.
4. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996.
5. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. М., 2004.
6. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М., 2016.

⁷ Цит. по: [Литвин, 2016: 14].

7. *Логутов А.В.* Тишина на концерте академической музыки: этический аспект // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 6. № 148. С. 94–104.
8. *Bühler K.* Theory of Language. The Representational Function of Language. Amsterdam; Philadelphia, 1990.
9. *Ensign J.S.* Form in Popular Song, 1990–2009. Diss. Doctor of Philosophy (Music Theory). Denton, 2015.
10. *Fiske J.* Reading the Popular. L.; N.Y., 2000.
11. *Frith S.* Performing Rites: On the Value of Popular Music. Cambridge, 1996.
12. *Katz M.* Capturing Sound: How Technology Has Changed Music. Berkeley, L.A., 2005.
13. *Lyons. J.* Semantics. Vols 1 & 2. Cambridge, 1977.
14. *Moore A.F.* Song Means: Analysing and Interpreting Recorded Popular Song. Farnham; Burlington, 2012.

Andrey Logutov

SUBJECTIVITY IN POPULAR SONG LYRICS: SETTING THE PROBLEM AND DRAFTING SOLUTIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper discusses the problem of subjectivity in popular song lyrics from the perspective of pragmatics and media studies. The popular song is construed as a product of a specific cultural field (in Bourdieu's sense of the word) that spans across multiple technologies, each of which is defined by its own mediated way of consumption. These ways are complementary to each other and should be analyzed concurrently. The multimedia nature of the song leaves a trace in its textual component that does not necessarily adhere to the conventional definitions of literariness. A certain vapidity that is often found in a song lyric does not, however, preclude the latter from being effective from a pragmatic standpoint. The paper focuses on identification of the listener with subject positions within the text as one of the pivots of this effectiveness. Based on the idea of indeterminateness of subjects drawn from reader response criticism, we attempt to examine how identification proceeds under different technically mediated communication protocols. Each of these operates within its own deictic schemata and "canonical situations" (the term once proposed by J. Lyons) that outline 'normalcy' in terms of communication patterns and roles assigned to participants. S. Frith suggested viewing the performative subject as a tripartite structure consisting of what he called a 'real person', a 'stage persona', and a 'lyric persona'. All three entities can vary in terms of their determinateness, which will in turn give rise to various pragmatic effects linked both to the content and the structure of the song. It is in this light that the specific functionality of song choruses is analyzed at the end of the paper.

Key words: song lyrics; polymodal text; media studies; subjectivity; pragmatics.

About the author: *Andrey Logutov* – PhD, Assistant Professor, Department of Discourse and Communication Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: logutow@mail.ru).

References

1. Apresyan Yu.D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in Lexis and Grammar and the Naïve Model of the World]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 1986, 28, Moscow: *VINITI Publ.*, 1986, pp. 5–33.
2. Belavina E. M. “Podspudnyj gul sozvuchij”, ili Recepciya poe'ticheskogo diskursa i audial'noe voobrazhenie [The Undertow of Sound, or the Reception of Political Discourse and Auditory Imagination]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [The Herald of Moscow University]. Seriya 9: Filologiya [Series 9: Philology], 2011, № 4, pp. 167–180. (In Russ.)
3. Belavina E.M. Ot Verlana k verlibru: E'volyuciya dominant audial'nogo voobrazheniya [From Verlaine to Vers Libre Evolution of Dominants in Auditory Imagination]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, № 148 (6), pp. 37–46. (In Russ.)
4. Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v e'poxu ego texnicheskoj vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of its Technical Reproducibility]. Moscow, *Medium Publ.*, 1996, 245 pp. (In Russ.)
5. Bühler, K. 1990. *Theory of Language. The Representational Function of Language*. Amsterdam; Philadelphia: *Benjamins*, 1990.
6. Ensign J.S. *Form in Popular Song, 1990–2009*. Doctor of Philosophy Diss. (Music Theory). Denton: *University of North Texas*, 2015.
7. Fiske J. *Reading the Popular*. L., N.Y.: *Routledge*, 2000.
8. Frith S. *Performing Rites: On the Value of Popular Music*. Cambridge: *Harvard UP*, 1996.
9. Iser W. Process chteniya: fenomenologicheskij podhod [The Process of Reading a Phenomenological Approach]. *Sovremennaya literaturnaya teoriya*. Moscow: *Flinta Publ.; Nauka Publ.*, 2004. (In Russ.)
10. Katz M. *Capturing Sound: How Technology Has Changed Music*. Berkeley, L.A.: *University of California Press*, 2005.
11. Litvin F.A. *Mnogoznachnost'slova v yazyke i rechi* [Polysemy of the Word in Language and Speech]. Moscow: *KomKniga Publ.*, 2016. (In Russ.)
12. Logutov A.V. *Tishina na koncerte akademicheskoy muzyki: e'ticheskij aspekt* [Silence at an Academic Music Concert: the Ethical Aspect]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2017. Vol. 6, № 148. S. 94–104.
13. Lyons J. *Semantics*. Vols 1 & 2. Cambridge: *Cambridge UP*, 1977.
14. Moore A.F. *Song Means: Analysing and Interpreting Recorded Popular Song*. Farnham, Burlington: *Ashgate*, 2012.

Е.Н. Ганская

МИФ О «СЛОВОЦЕНТРИЧНОСТИ» В КРИТИЧЕСКОМ И АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

С середины 1980-х годов «подпольный» русскоязычный рок стал «главной музыкой» молодежи Советского Союза. В исследованиях, посвященных музыке указанного жанра, а также в рамках фанатских сообществ основная дискуссия по сей день разворачивается вокруг текстов песен, их качества, смыслового наполнения и т.д. Музыкальные журналисты, критики и историки русского рока (А. Кушнир, А. Троицкий, И. Смирнов, С. Гурьев и т.д.), а также те, кто непосредственно участвуют в формировании русской рок-культуры (музыканты, слушатели) регулярно подчеркивают ее «литературность» и «словоцентричность», приоритет слова над музыкальной формой, рассматривая рок в первую очередь как «особенную поэтическую форму» – рок-поэзию. Не в последнюю очередь такой упор на «поэтичность» связан с усилиями советских, а позднее и русских, рок-исполнителей и слушателей сконструировать собственную идентичность, не только отличную и от «западной», и от официальной советской (эстрада, ВИА). Упоминание «словоцентричности» русского рока остается общим местом и для его исследователей, но ни в одной из работ не объясняется, в чем состоит и чем обусловлена эта особенность отечественного рок-текста (кроме собственно русского языка).

Ключевые слова: русская рок-поэзия; рок-музыка; популярная музыка; песенный текст; идентичность; словоцентричность.

*Я убежден, что дорога нашего рока, особая,
самобытная, это дорога литературы, поющей
в стиле рок. Ведь вообще в основе всего истинно
русского эстетического изъяснения традиционно
лежит слово*

Алексей Дидуrow

*То, что принято называть у нас русским роком,
будет лет через сто изучаться, как сейчас
исследуется поэзия Серебряного века*

Константин Кинчев

Ганская Екатерина Николаевна – аспирант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ktrzn.h@gmail.com).

Первые рок-группы были сформированы в СССР в конце 1960-х, основу репертуара составляли каверы песен “The Beatles” или практически дословный их перевод [Троицкий, 2009: 264]. По свидетельству Артемия Троицкого, исполнители «самозабвенно копировали и редко понимали, о чем поют <...> Русский язык считался чем-то вроде атрибута конформизма, знаком принадлежности к “вражеской”, не роковой системе ценностей. Существовало предубеждение против пения по-русски, которое, как считали сами исполнители, разрушало стиль как таковой» [Троицкий, 1991: 31]. Английский значительно сужал список тем и распространение песен. Первой рок-группой, успешно использовавшей родной язык, считается «Машина Времени»¹. Однако разговора о поэзии в конце 1960 – начале 1970-х еще не шло. «Уровень рок-поэзии 70-х был весьма невысок. Самые знаменитые хиты МАШИНЫ грешат претенциозным многословием и декларативностью, весьма мало совместимы с истинной поэзией...» [Смирнов, 1994: 29].

Значение рок-музыки как культурной силы стало заметно только в начале 1980-х годов. Тогда рок не только, вопреки легенде, не противостоял официальной культуре, но входил с ней в симбиоз. В то время как в правительстве искали способы борьбы с рок-музыкой, сами музыканты стремились вывести ее из уязвимой «серой зоны»:

*И я пел десять лет и наконец
Стал известным певцом в кругу друзей,
Но видит бог, я устал быть подпольным певцом...²*

Ленинградский рок-клуб, место силы советских рокеров, был основан в январе 1981 г. при Межсоюзном доме самодеятельного творчества по инициативе КГБ: властям это позволило частично контролировать несанкционированную деятельность, мобилизовав протестный потенциал русского рока в одном месте. В свою очередь, музыканты были уверены, «что организуют клуб для музыкантов – для облегчения их бытия» [Смирнов, 1994: 76]. Аффилированные с ЛРК исполнители получали ряд прав и привилегий, ранее доступных только так называемым государственным артистам. А поскольку музыкальная индустрия СССР основывалась на предписании, что сочинение песен является прерогативой отдельных профессионалов, рок-исполнители разрушали «непобедимую монополию Советской Tin Pan Alley» [Easton, 1989: 48].

Любительский, следовательно, неофициальный и (частично³) неподконтрольный государству статус был важной частью формирования протестной идентичности:

¹ Изначально – “The Kids”, в 1971 г. переименованная в “Time Machines”, а в 1973 г. – в «Машину времени».

² «Аквариум» – *Кто ты такой?*

³ Тексты групп, состоявших в ЛРК, литовались, как и тексты официально разрешенных исполнителей.

*По субботам я хожу в рок-клуб
В рок-клубе так много хороших групп
Я гордо вхожу с билетом в руке
А мне поют песни на родном языке
Я люблю Аквариум
Я люблю Зоопарк
Я люблю Секрет
Я люблю Странные Игры
Я люблю Кино
Я не люблю Землян
Я люблю только любительские группы⁴.*

В процессе субкультурной легитимации такой статус играл важную роль: например, «Машина времени» была исключена фанатским сообществом из пантеона «советских рок-групп» сразу после того, как присоединилась к «Росконцерту»: «Они потеряли все свои творческие способности и стали обычной советской эстрадной группой с балладами в стиле Окуджавы» [Pond, 1989: 80]. Подобные комментарии встречались и на страницах самиздата, хотя репертуар группы после перехода на «официальную сторону» не поменялся.

Американский социолог П. Истон говорит, что «тексты выражали отношение и философию рок-сообщества, являлись его литанией» [Easton, 1989: 46]. Автор связывает это с процессами поиска коллективной идентичности. По Истону, сама по себе музыка неспособна быть ориентиром в этом поиске, требовалось нечто более определенное, осмысленное, чем и стало слово. Сама «поэтичность» русского рока – симптом его связи с социальной идентичностью.

По версии А. Троицкого, упор на текст был тесно связан с отсутствием свободы слова: «Если эстетический стержень западного рока, его основной инструмент – это ритм, то у нас таковым стало слово. Потому что здесь было важнее – да и опаснее – выговориться» [Троицкий, 2009: 20]. Рок-исполнители оказались в одном ряду с поэтами-диссидентами: «...в рок-н-ролл у нас все-таки люди шли не столько от музыки, сколько от желания высказаться, от желания энергетически самореализоваться, и вовсе не обязательно эта самореализация шла через композиторский талант» [там же: 77].

Словоцентричный характер советской рок-музыки во многом определил формат ее бытования. До середины 1970-х музыка записывалась «на костях», позднее – на компакт-кассетах. Существенную роль в освоении практики «чтения» и толкования песен сыграл самиздат. Поскольку число возможных копирований кассет было ограничено качеством советской магнитной ленты, песни консервировали на бумаге: чаще они передавались не на звуковых носителях, а

⁴ «Зоопарк» – Песня простого человека.

на страницах фэнзинов. По сей день транскрипты песен собираются в различных «рок-антологиях», персональных подборках и много-томных сборниках под грифом «Поэты русского рока»⁵. Исполнители при этом оказываются в уязвимом положении. Получается, что они поощряют издание таких сборников, приглашая именно к *чтению* собственных текстов, тут же замечая, что даже транскрибированные произведения читатель должен напевать «хотя бы про себя», а не читать «с подвыванием, как обычно поступают со стихами» [Макаревич, 2003: 3]. Иными словами, с некоторыми оговорками, позволяют своим текстам бытовать вне адекватного им контекста и медиума. Для исполнителей, позиционировавших себя в первую очередь как поэтов, – и для их слушателей как для апробирующей инстанции – такие издания стали своего рода дополнительной визой в литературный мир.

Концертная практика большинству рок-музыкантов в СССР была недоступна как по финансовым, так и по политическим причинам. Песня воспринималась на слух, отчужденная от перформанса и тела исполнителя. На разрешенных концертах и фестивалях присутствовала милиция. Нецивилизованной считалась любая физическая и эмоциональная реакция на музыку: подпевание, танцы и т.д. – текст стал единственно возможным способом общения с аудиторией, цензурующей собственное тело.

Подпольные выступления («квартирники») были важной составляющей советского андерграундного искусства. Организация и/или выступление на квартирнике приравнивались к незаконной коммерческой деятельности, поэтому музыканты были вынуждены отказаться от электроинструментов в пользу более тихих акустических, «компенсируя слабость звука напряженностью мысли» [Смирнов, 1994: 248].

Литературные устремления русского рока были частью стратегии легитимации жанра как достойной части культуры, в отличие от эстрадной поп-музыки. Подобно тому, как отчетами о высоких тиражах книг и газет в СССР поддерживался миф о «самой читающей стране», исполнители указывали на высокую концентрацию метафор и тропов, традиционно считающихся «литературными» [Cushman, 1994: 105–116]. Кроме того, сами они гораздо чаще называли себя поэтами, но не музыкантами или певцами [там же: 103]: «*Я на самом деле не музыкант, я просто пишу стихи и пытаюсь это дело петь*» [Башлачев, 1986] или «Я – поэт. <...> На сцене я просто осуществляю художественными способами дневник моей жизни, моей души» [Рок. Версия событий, 2017]. По сей день распространенная практика чтения – не обязательно собственных – стихов во время концертов

⁵ См., например: [Поэты русского рока, 2004–2005; Живые поэты, 2018] и т.д.

может быть дополнительным свидетельством этой поэтической самоидентификации.

Несмотря на желание русского рока отделиться от государственной номенклатуры, он воспринимал формы господствующей идеологии. Развиваясь в герметичной среде, рок-поэзия ориентировалась не столько на западные образцы, сколько на эстрадную песню, оформленную как развернутое поэтическое высказывание. «Главный критик СССР» А. Троицкий отмечал: «Рок-лирика имеет здесь прямую связь с академической поэзией и сильно напоминает последнюю по стилистике и лексикону. Наверное, это объясняется тем, что «серьезная» поэзия в СССР вообще очень популярна <...>, а особо модные авторы – скажем, Вознесенский или Евтушенко – иногда практикуют чтение своих произведений в переполненных Дворцах спорта, совсем как рок-звезды» [Троицкий, 2009: 20]. Многословность, изобилие метафор и тропов, сложная нарративная структура стали культивируемой особенностью советского рока, демонстрируя «словоцентричную» природу.

Сами рок-поэты в качестве поэтических ориентиров, вопреки⁶ сравнениям критиков, выбирали не современных авторов, но прочно вошедших в советский литературный канон: Пушкина, Лермонтова, Есенина и проч. Вплетение цитат в песенный текст – распространенная в русском роке практика⁷, «цитатное слово <...> становится средством воссоздания связи времен, поэтической реализации сложного отношения современного поэта к классической традиции» [Козицкая, 1998: 61].

На утверждение мифа о «словоцентричности»⁸ русского рока во многом повлияли теоретические искания Ильи Кормильцева и лидера группы «ДК» Сергея Жарикова. Само понятие «русский рок» было впервые употреблено в манифесте 1986 г. «Обретение имени», где Жариков не усматривал корни отечественной рок-музыки в западном рок-н-ролле, а указывал на его постепенное формирование, начавшееся еще во времена церковного раскола [Жариков, 1988].

Для Кормильцева же, как и для большинства отечественных исследователей, главным аргументом в пользу того, что текст песни

⁶ Музыкант Юрий (все респонденты фигурируют в книге без фамилий и/или под вымышленными именами) в интервью говорит: «официальная молодежная поэзия вообще не являлась поэзией. Самая крутая [поэзия] была в рок-н-ролле. Именно так: самое чистое, самое искреннее – все это ушло в рок-н-ролл 80-х. И говорит само за себя» [Cushman, 1994: 105].

⁷ Например: А. Башлачев – «Мы льем свое больное семя», «Не позволяй душе лениться»; Зоопарк – «Уездный город N», «Свет»; Аквариум – «Сталь», «Юрьев день», «Комната, лишённая зеркал» и т.д.

⁸ С тем обязательным условием, что слово – социальный инструмент, а музыкант – пророк, какими являлись в предыдущие века писатели и поэты.

может и должен быть исследован как поэтический, является возможность его транскрипции. «Факт публикации вербального компонента указывает на то, что тексты песен в настоящее время обретают новый статус – статус стихотворений» [Доманский, 2010: 12].

Мысль о том, что текст песни в рамках конкретного жанра⁹ может функционировать как самостоятельное стихотворное произведение, легла в основу «рокологических» исследований, проводимых при поддержке факультета филологии Тверского государственного университета. Прослеживая связи русского рока с литературной традицией, исследователи на протяжении последних двадцати лет заново доказывают «высокий» статус русского рока, однако в роли оппонента выступает не Главное управление по делам литературы и издательств, а некое «научное сообщество», от нападков которого защищается рок-музыка/поэзия¹⁰.

По принципу словоцентричности из филологических исследований (русской) рок-музыки «выпадают» исполнители, по тем или иным причинам не «заслужившие» статуса поэтов. Для тех же, кто регулярно оказывается в фокусе, такое пристальное внимание литературоведов оказывается доказательством поэтического статуса.

Очевидно, невозможно анализировать песню, игнорируя вербальный компонент. Однако повторяющийся в работах роковедов и в высказываниях рок-исполнителей троп «Жанр рок-поэзии <...> является, тем не менее, фактом литературы и соотносится с эстетическими категориями, определившими метаморфозы в облике прозы и поэзии в XX в. <...>; к анализу данного явления могут быть применены те же категории, которые используются при анализе явлений художественной культуры XX в.» [Данилова, 2011: 53] отказывает этому тексту в специфике, переводя в иную литературную форму реализации.

Напечатанный песенный текст действительно приспособлен к стиховедческому анализу, не требуя привлечения инструментария других наук. Но при фиксации одного из компонентов, будь то текст или нотная запись, песня теряет большую часть возможных интерпретаций, которые определяются звучащей природой – речь здесь не столько о музыке, сколько об интонировании, о дополнительных элементах, которые невозможно транскрибировать: свист, крик или имитация голосом музыкальных инструментов. Кажется закономерным, что существующие принципы анализа *песенного* текста должны быть если не переосмыслены, то существенно расширены.

⁹ Терминов, например, *блюз-* или *джаз-поэзия* не существует.

¹⁰ См. подробнее: [Доманский, 2013: 7–36]

Список литературы

1. Аккорды и тексты песен. URL: <https://vlad.myths.ru> (дата обращения: 01.12.2018).
2. Данилова Н.К. «Грибоедовский вальс» Башлачева в контексте литературы // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. Вып. 12, Тверь, 2011. С. 53–58.
3. Дидуров А. Солдаты русского рока. М., 1994.
4. Доманский Ю.В. Рок-поэзия: перспективы изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. Вып. 14. Тверь, 2013. С. 7–36.
5. Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. М., 2010.
6. Дядюшка Ко (А. Троицкий). Песни городских вольеров (М. Науменко и другие) // Зеркало. № 5 (Ухо № 1). URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1001020/30/Rybin_Aleksey_-_Pravo_na_rok1.html (дата обращения: 01.12.2018).
7. Жариков С. Обретение имени // Сдвиг. № 1. URL: <http://archive.li/8W7Bt> (дата обращения: 01.12.2018).
8. Интервью Александра Башлачева Борису Юхананову и Алексею Шипенко для спектакля «Наблюдатель», Москва, февраль 1986. URL: https://www.booksite.ru/bashlatchev/2_3.html (дата обращения: 01.12.2018).
9. Козицкая Е.А. «Чужое» слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. Вып. 1. Тверь, 1998. С. 55–62.
10. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Сборник научных трудов. Вып. 1. Тверь, 1998. С. 11–39.
11. Кушнир А. 100 магнитальбомов советского рока. М., 2003.
12. Поэты русского рока: Б. Гребенщиков, А. Гуницкий, А. Романов, М. Леонидов, Э. Шклярский, А. Васильев / Под ред. А. Соя. М., 2005.
13. Рок-версия событий. Поэзия русского рока // Документальный фильм. ГТРК «Культура», 2007.
14. Смирнов И.В. Время колокольчиков. М., 1994.
15. Троицкий А.К. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е... М., 1991.
16. Троицкий А.К. Back in the USSR. М., 2009.
17. Cushman T. Notes from the underground. N.Y., 1994.
18. Easton P. The rock music community // Soviet Youth Culture / Ed. J. Riordan. London, 1989. P. 45–83.
19. Pond I. Soviet rock lyrics: their content and poetics // Popular Music and Society. Vol. 11. 1989. P. 75–91.

Ekaterina Ganskaya

THE MYTH OF ‘WORDCENTRICITY’ IN JOURNALISTIC AND ACADEMIC DISCOURSES ON RUSSIAN ROCK POETRY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Since the mid-1980's, ‘underground’ rock-music has become a major musical genre for the Soviet youth. In the works on this genre, as well as in the fan community, the main discussion still revolves around songs’ lyrics, their quality, the depth of meaning, etc. Musical critics, rock-historians (e.g., A. Kushnir, A. Troitsky, I. Smirnov, S. Guriev) and the people responsible for the meaning shaping process

in the rock-culture (musicians, fans) regularly emphasize the literariness and ‘word-centricity’ of the phenomenon, the words’ priority over music, looking at rock as at a special poetic form, (Russian) rock-poetry. The references to the ‘logo-centricity’ of Russian culture and in Russian rock in particular has become a commonplace for researchers, but there is no explanation as to what are the outstanding characteristics of the Russian rock text (except for the Russian language itself) and what exactly makes it possible to call it an ‘exclusive form’ of Russian literature. This emphasis on ‘poetry’ is associated with the attempt of Soviet (and later Russian) rock artists and listeners to construct their own identity, which differs not only from the ‘western’, but also from official Soviet pop music which was long opposed by Russian rock.

Key words: Russian rock poetry; rock music; popular music; lyrics; identity; word-centricity.

About the author: *Ekaterina Ganskaya* – PhD Student, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ktrzn.h@gmail.com).

References

1. *Akkordy i teksty pesen* [Chords and Lyrics]. URL: <https://vlad.myths.ru> (accessed: 01.12.2018)
2. Danilova N.K. «Griboedovsky vals» *Bashlacheva v kontekste literatury* [Griboedov Waltz by A. Bashlachev in the Context of Literature]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock poetry: text and context. A Collection of Academic Papers]. Vol. 12, Tver, 2011, pp. 53–58. (In Russ.)
3. Didurov A. *Soldaty russkogo roka* [The Soldiers of Russian Rock]. Moscow: *Rus-90 Publ.*, 1994. 192 p.
4. Domansky J.V. *Rok-poeziya: perspektivy izucheniya* [The Perspectives of Rock Poetry Studies]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock poetry: text and context. A Collection of Academic Papers]. Vol. 14. Tver, 2013, pp. 7–36. (In Russ.)
5. Domansky J.V. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context]. Moscow: *Intrada*, 2010. 232 p.
6. Dyadushka Ko (A. Troitsky). *Pesni gorodskikh volyerov (M. Naumenko i drugie)* [The Songs of Urban Enclosures (M. Naumenko and Others)]. *Zerkalo* № 5 (Uho №1) [Mirror № 5 (Ear № 1)]. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1001020/30/Rybin_Aleksey_-_Pravo_na_rok1.html (accessed: 01.12.2018).
7. Zharikov S. *Obretenie imeni* [Findyng a Name]. *Sdvig* [Shift]. № 1. URL: <http://archive.li/8W7Bt> (accessed: 01.12.2018)/
8. *Interviu Aleksandra Bashlacheva Borisu Yukhananovu i Alekseu Shipenko dlya spektaklya "Nablyudatel"*, Moskva, fevral 1986 [Alexander Bashlachev Interview by Boris Yukhananov and Alexey Shipenko for the Play ‘Observer’, Moscow, February 1986]. URL: https://www.booksite.ru/bashlatchev/2_3.html (accessed: 01.12.2018).
9. Kozickaya E.A. “*Chuzhoe*” slovo v poetike russkogo roka. [The Other’s Word in the Poetics of Russian Rock] *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Sbornik nauchnykh trudov. trudov* [Russian rock poetry: text and context. A Collection of Academic Papers]. Vol. 1. Tver, 1998, pp. 55–62. (In Russ.)
10. Kormilcev I., Surova O. *Rok-poeziya v russkoj kulture: vzniknovenie, bytovanie, evolyuciya*. [Rock Poetry in Russian Rock Culture: Genesis, Existence, Evolution]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Sbornik nauchnykh trudov* [Russian rock poetry: text and context. A Collection of Academic Papers]. Vol. 1. Tver, 1998, pp. 11–39. (In Russ.)

11. Kushnir A. *100 magnitalbomov sovetskogo roka* [100 Soviet Rock Magnetic Tapes]. Moscow: Kraft+ Publ., 2003. 400 p.
12. *Poety russkogo roka*: B. Grebenshchikov, A. Gunickij, A. Romanov, M. Leonidov, E. Shklyarsky, A. Vasiliev. [Russian rock poets: B. Grebenshchikov, A. Gunickij, A. Romanov, M. Leonidov, E. Shklyarsky, A. Vasiliev]. Ed. A. Soya. Moscow: Azbuka Publ., 2005. 448 p.
13. *Rok-versiya sobyty. Poeziya russkogo roka* [Rock Narrative. The Poetry of Russian Rock]. Dokumentalnyi film [Documentary]. Moscow. GTRK "Kultura", 2007.
14. Smirnov I.V. *Vremya kolokolchikov* [Time of the sleigh-bells]. Moscow: INTO Publ., 1994.
15. Troitsky A.K. *Rok v Soyuze: 60-e, 70-e, 80-e...* [Rock in the Soviet: 60's, 70's, 80's...] Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. 208 p.
16. Troitsky A.K. *Back in the USSR*. Moscow: Amphora Publ., 2009. 264 p.
17. Cushman T. *Notes from the underground*. NY: SUNY Press, 1994. 403 p.
18. Easton P. *The rock music community. Soviet Youth Culture*. Ed. J. Riordan. L.: Palgrave Macmillan, 1989, pp. 45–83.
19. Pond I. *Soviet rock lyrics: their content and poetics. Popular Music and Society*. Vol. 11. 1989, pp. 75–91.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

Е.Р. Сквайрс, Е.Ю. Старостина, А.А. Фомичева

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДОВ В РУКОПИСЯХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ ИЗ РОССИЙСКИХ СОБРАНИЙ: ИТОГИ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

*«Институт языкознания Российской академии наук»
125009 Москва, Б. Кисловский пер., 1, с. 1, ИЯз РАН*

В статье рассказывается о шестой встрече Немецко-российской рабочей группы (в рамках сотрудничества университетов Москвы и Марбурга), состоявшейся в апреле 2018 г. и посвященной теме «Немецкая культура в российских книжных и рукописных фондах». На примере конференции обобщается методический и организационный опыт, накопленный группой за восемь лет многоаспектных исследований, анализируется структура и формат этого сотрудничества, описываются тематика и направления его междисциплинарных задач. Ядро группы, образованное ведущими учеными разных стран, обеспечивает преемственность и координацию научных усилий во всех областях работы. Важные достижения группы, включающие как обнаруженные неизвестные рукописи, художественные миниатюры и печатные материалы, так и новое осмысление культурных процессов средневековой Германии и немецко-русских контактов различных эпох, свидетельствуют о необходимости продолжения работы и ее перспективности. В статье особо подчеркнута важность усилий рабочей группы в привлечении к исследованиям молодежи обоих университетов.

Ключевые слова: немецкие рукописи; нидерландские рукописи; немецко-русские контакты; международное сотрудничество; МГУ–Марбург; медиевистика; филология.

Сквайрс Екатерина Ричардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: skvayrs@gmail.com).

Старостина Елена Юрьевна – аспирант, ИЯз РАН (e-mail: lenastarostina2@gmail.com).

Фомичева Александра Андреевна – аспирант кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: fomi4eva.sasha@gmail.com).

1. Форма сотрудничества: постоянная международная рабочая группа.
2. Формат и организационная структура рабочих встреч.
3. Направления и тематика.
4. Распространение достижений и доступность результатов для научного сообщества.
5. Аспекты международного сотрудничества и его перспективы.

В апреле 2018 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в шестой раз встретились ученые из Германии, Великобритании, Польши, Франции, Швейцарии и различных научных центров Москвы и Санкт-Петербурга для обсуждения очередных результатов исследования рукописных и старопечатных источников по истории языка, литературы и культуры Германии, находящихся в российских собраниях. Международная конференция, организованная филологами-германистами МГУ (профессорами кафедры германской и кельтской филологии Е.Р. Сквайрс и Н.А. Ганиной) в сотрудничестве с Институтом немецкой филологии Средневековья Университета Филиппа в Марбурге, Германия (директор института проф. Юрген Вольф), была в этот раз посвящена теме «Немецкая культура в российских книжных и рукописных фондах» и собрала медиевистов различных направлений: филологов-германистов, латинистов, историков, искусствоведов, реставраторов, библиотечных, музейных и архивных работников.

1. Форма сотрудничества: постоянная международная рабочая группа

Немецко-российские рабочие встречи проводятся с 2010 г., когда в стенах Берлин-Бранденбургской академии наук (Берлин, Германия) состоялась первая конференция и стало ясно, что у представленных на ней научных направлений есть важные задачи и большие перспективы. С тех пор Немецко-российские рабочие встречи, которые проводятся попеременно в МГУ и в Германии (с 2012 г. в Марбурге), уже заняли заметное место в международной научной жизни как пример инновационной и очень плодотворной формы международного научного сотрудничества. Ядро рабочей группы составляют крупнейшие специалисты из нескольких стран, которые придают ее деятельности преемственность и поступательное развитие. Это не только способствует научной эффективности сотрудничества, но и создает благоприятную среду для вовлечения все большего числа молодых исследователей и распространения филологических знаний в среде студентов и аспирантов обоих университетов – в Москве и Марбурге. Конференции предоставляют случай для знакомства московских филологов с учеными мирового уровня, причем не только в форме посещения их докладов и участия в дискуссии: в разные годы

во время конференции устраивались отдельные лекции для учащихся в вузах Москвы (в МГУ и Высшей школе экономики), которые читали профессор Юрген Вольф (Марбург) в 2011 и 2013 гг. и Найджел Ф. Палмер (Оксфорд) в 2013 г. С каждой встречей группа и впрямь привлекает все новых участников, в том числе молодежь, студентов и аспирантов обоих университетов и других центров. Таким образом достигаются две важные цели: для «старших» участников рабочей группы обеспечивается преемственность, обмен знаниями и новыми идеями по общим узловым вопросам, а для молодежи создаются условия для научного роста и выбора исследовательского направления.

Эффективность научно-организационных принципов этой формы совместной работы и ценность уже достигнутых международной рабочей группой результатов неоднократно отмечалась в научных рецензиях и СМИ. Уникальность этого научного сотрудничества не только для российской, но и для международной научной жизни подчеркнула в своем выступлении на открытии VI Немецко-российской встречи (2018) заместитель декана филологического факультета МГУ *Г.Е. Кедрова*, пожелав гостям и участникам конференции продолжения успешной и плодотворной работы.

Как и предшествующие Немецко-российские рабочие встречи, шестая конференция была организована в сотрудничестве с Отделом редких книг и рукописей (ОРКиР) Научной библиотеки МГУ. В своем выступлении на открытии конференции 2018 г. *А.Л. Лифшиц*, заведующий Отделом редких книг и рукописей в Научной библиотеке МГУ, подчеркнул большую роль Немецко-российских рабочих встреч для исследования средневековых рукописей и документов, хранящихся в библиотеке МГУ и в других российских библиотеках. Это способствует широкому обсуждению неизвестных ранее или заново открытых редких памятников литературной традиции, истории и языка, введению их в научный и общественный круг интересов как научного сообщества, так и широкой публики. В конечном счете работа участников группы создает основу и предпосылки для сохранения этих общих культурных ценностей и их популяризации. Традиционным для немецко-российских рабочих встреч стало активное участие в их программе университетской библиотеки МГУ: сотрудники Отдела редких книг и рукописей неизменно выступают на них с научными докладами, организуют экскурсии для участников и слушателей конференции по фондам отдела для непосредственного ознакомления с рукописными и старопечатными оригиналами. По сложившейся традиции в центре внимания рабочих встреч неизменно остаются ценнейшие материалы самой библиотеки МГУ, одной из коллекций которых – «Коллекции документов Густава Шмидта», происходящей из средневекового Гальберштадта и впервые описанной *Е.Р. Сквайрс* и *Н.А. Ганиной* в 2008 г. – была посвящена первая Не-

мецко-российская рабочая встреча 2010 г. С тех пор рабочей группой сделано многое для изучения, описания и сохранения средневековых рукописей и документов, хранящихся в Научной библиотеке МГУ и других российских собраниях. Российские члены рабочей группы участвуют в организации, осуществлении и научном сопровождении процесса их реставрации.

В этой деятельности неопределима роль марбургских партнеров по рабочей группе: университет Марбурга содержит, а филологи-медиевисты его Института немецкой филологии Средневековья ведут и пополняют международную базу данных обо всех известных немецкоязычных рукописях в мире – Marburger Repertorium (в онлайн-ресурсе Handschriftencensus.de). В этой общедоступной базе данных отражаются и все ставшие известными немецкие рукописи из российских собраний. На последней конференции марбургские коллеги представили количественные результаты работы по учету и сохранению этого ценнейшего культурного наследия. А именно, заметим, что профессор Юрген Вольф, подводя итоги в заключительном докладе конференции 2018 г. «Российские фонды и библиотеки в Виртуальном корпусе немецких рукописей: Итоги и перспективы», в виде наглядного графика привел статистические данные о рукописях, открытых и впервые описанных членами группы и отраженных в марбургской базе, показав, что количество рукописей, возвращенных рабочей группой мировой науке и культуре всего за восемь лет работы, приближается к трехзначному числу.

2. Формат и организационная структура конференций

МГУ имени М.В. Ломоносова и Марбургский университет связаны многолетними узами сотрудничества в рамках межуниверситетского договора; стало традицией, что университеты несут основное бремя материального обеспечения Немецко-российских рабочих встреч совместно. В этой совместной деятельности принимают участие Институт языкознания РАН (2011) и Высшая школа экономики в 2013 г.; в том же году конференцию принимал в своих помещениях факультет искусств МГУ имени М.В. Ломоносова. При организации и проведении конференций существенную помощь в организации приезда и размещении зарубежных участников в 2013 и 2018 гг. оказал Институт германской истории в Москве (DHI Moskau), а в 2018 г. также Германский дом науки и инноваций в Москве (DWIN Moskau).

Директор Германского исторического института профессор Николаус Катцер и директор Германского дома науки и инноваций д-р Андреас Хёшен посетили конференцию 2018 г. и выступили на ее открытии с приветственными речами. Профессор *Николаус Катцер* высказал уверенность в значимости и актуальности проведения таких международных встреч и конференций для изучения нашего обще-

го исторического прошлого. Так, по его мнению, создается почва не только для дальнейших исследований прошлых эпох и открытых дискуссий на связанные с общим прошлым темы, но и для деятельности молодых ученых и разностороннего развития исторической науки в целом. Эту мысль г-на Катцера продолжил д-р *Андреас Хёшен*, подчеркнув ценность подобных мероприятий в целом и данной конференции в частности для плодотворного научного сотрудничества и для позитивного развития отношений между нашими двумя странами.

Программа конференций Немецко-российской рабочей группы обычно охватывает два дня, заполненных докладами, и часть третьего дня, посвященную знакомству с рукописями или другим культурным мероприятиям. Научная часть шестой встречи состояла из восьми сессий, по три–пять докладов в каждой. Как обычно, отдельные сессии носили тематические заголовки, однако это разделение было в известной степени условным, так как почти все доклады сочетали различные аспекты, которые пересекались в сообщениях докладчиков, создавая перекрестные связи и переклички. Например, сессия шесть носила название «Исследования молодых ученых» и действительно включала пять сообщений аспирантов и начинающих сотрудников из МГУ и Марбурга, однако самая молодая участница конференции – студентка бакалавриата *К.С. Ретина* – выступила в другой сессии, которая называлась «Находки последних лет», так как предметом ее изучения была впервые изученная, не публиковавшаяся рукопись из собрания музея г. Иваново. Ответственно выполненное исследование на новооткрытом материале заслуживало того, чтобы ее сообщение заняло место в программе наравне с выступлением Е.Ю. Золотовой, одним из крупнейших искусствоведов-медиевистов Москвы, также рассказавшей о неизвестной рукописи. В то же время некоторые исследовательские аспекты затрагивались на различном материале в нескольких сессиях: например, такие как проблема взаимосвязи рукописной и старопечатной традиций одних и тех же памятников или изучение источников, характеризующих те или иные культурные регионы средневековой Германии и пути распространения в них рукописей. Но, если эти разносторонние сквозные темы и создавали проблемы для организаторов, делая для них очень трудной задачу членения программы на четкие разделы, всё же польза от такой взаимосвязанности приведенных участниками научных результатов и наблюдений значительно превосходила значение этого внешнего недостатка.

Объективная справедливость этого вывода подтверждается тем, что структура конференции и тематика докладов на ней определяется самим характером материалов, тем, какого рода и направления исследований требует каждый конкретный рукописный фрагмент, найденная гравюра или печатное издание. Большинство рукописей и

печатных книг, представленных в докладах участников, относятся к сфере средневековой религиозной словесности. При этом представленные результаты их изучения показали, что они группируются вокруг нескольких регионов средневековой Германии и соседних с ней земель. Практически во всех сообщениях жанровые, содержательные аспекты сочетаются с региональными. В то же время нередко два или несколько участников посвящают свои доклады общим проблемам или одним и тем же памятникам, освещая их с разных точек зрения. Подход к одним и тем же рукописным и старопечатным материалам в выступлениях представителей различных научных дисциплин или, наоборот, сочетание различных аспектов в одном докладе, учет и продолжение достижений прошлых рабочих встреч и намеченных на них задач и направлений – эти структурные особенности отражают накопленный в рабочей группе опыт междисциплинарности и научного взаимообмена. Этот многопрофильный характер работы в немецко-российской группе можно хорошо показать на примере тематических сессий последней конференции.

3. Направления и тематика

Первая сессия VI Немецко-российской рабочей встречи носила заголовок «Средненемецкие рукописи из Москвы и Санкт-Петербурга», что отражает традицию рабочих встреч, на которых с момента их основания особый акцент делался на рукописных материалах и культурной панораме Средней Германии, в особенности ее востока – Тюрингии и Саксонии. Сессию открыл *М.Л. Хорьков* (Москва–Варшава) с темой «Рукописи из Эрфуртской картезианской обители в РГБ». Его доклад был посвящен сравнению каталога этого важнейшего рукописного собрания средневекового Эрфурта с регистром, содержащимся в рукописи из Российской государственной библиотеки (РГБ), которую изучил и представил в своем сообщении докладчик. В центре его внимания были обнаруженные им примечательные расхождения между этими двумя описями одного и того же собрания. Другому памятнику, также происходящему с востока Средней Германии, посвятил свой доклад на тему «Восточносредненемецкий перевод фрагментов «Откровений» св. Бригитты Шведской (РНБ, фонд 955, опись 2, № 57) на фоне ранних средневерхненемецких переложений трудов св. Бригитты» *Н.А. Бондарко* (Санкт-Петербург). Рукописная религиозно-литературная традиция еще одной части восточно-средненемецкого региона, тоже близкой к Эрфурту – Гальберштадтской епархии, – была представлена в докладе исследователя из Берна (Швейцария) *Катрин Кленх* «О семи дарах Святого Духа: московская рукопись (Научная библиотека МГУ, Коллекция документов Густава Шмидта, фонд 40, опись 1, № 51) в контексте традиции». В «Коллекции документов Густава Шмидта» из ОРКиР Библиотеки

МГУ небольшой фрагмент одного листа данного произведения на немецком языке долгое время оставался не идентифицированным. К. Кленх удалось восполнить этот пробел, а целью дальнейшего проведенного ею анализа была атрибуция источника в рамках традиции этого религиозно-литературного памятника.

Следующая сессия продолжила религиозную тематику, однако акцент в ней сместился на обсуждение конкретных жанров этой литературы и рукописной традиции отдельных произведений. Она прошла под общим названием «Религиозные тексты немецкого Средневековья» и под руководством профессора из Оксфорда *Найджела Ф. Палмера*. Ее открыл филолог из Марбурга *Даниэль Кёнитц*, выступивший с докладом «O jhesu crist vil suffer got. O рукописной традиции легенды о св. Алексее (версия F) в РГАДА, Москва». В докладе была описана рукопись из Москвы, представляющая важную генеалогическую линию в рукописной традиции легенды о св. Алексее и практически неизвестная исследователям этой темы на Западе. В этом и других подобных случаях, сравнивая материалы из российских собраний с хорошо известными аналогами из Германии, участники рабочей группы вводят в научный и культурный оборот мало- или вовсе не известные в мире рукописные материалы, находящиеся в России, создавая предпосылки для ознакомления с ними широкой общественности и для их включения в мировую научно-культурную парадигму.

Тематика житийной литературы была продолжена *Н.А. Ганиной* (МГУ) в докладе «Московская рукопись из Страсбургского монастыря св. Магдалины (Москва, РГБ, фонд 68, № 446) в контексте культурной топографии алеманнского региона». Этот рукописный сборник стал предметом исследования, поскольку его состав предоставляет ценный материал для изучения культуры Средневековья: в него входят тексты легенд о св. Екатерине и св. Варваре (записанные на пергамене), а также трактаты религиозного мистика XV в. Иоганнеса Кройцера (на бумаге). *М.Г. Логутова* (Санкт-Петербург), специалист по текстам «нового благочестия», на прошлых конференциях рабочей группы уже представляла интересные аспекты отражения идейного содержания религиозных движений в составе текстов и в художественном оформлении (состав миниатюр) средневековых сборников молитв. В докладе «Немецкие молитвенники конца XV – начала XVI в. как отражение духовного мира эпохи (РНБ, Санкт-Петербург)» она отметила ряд характерных черт этих рукописей, отражающих особенности данной традиции почитания святых в молитвах (выбор святого, адресат молитвы).

В сессии, названной организаторами «Деловая проза Средневековья», были собраны выступления о текстах светских жанров. Ведущая сессии *Катрин Кленх* предоставила первое слово *Ральфу*

Пэзлеру (Марбург) с докладом «Навигацкая книга и ее картина мира», посвященным особому прикладному жанру руководства по прибрежному мореплаванию. Эти книги, содержавшие словесное описание маршрутов, стали, как подчеркнул докладчик, основой для дальнейшего развития картографии и переводились на другие языки. Рукописная традиция уже упомянутой выше Гальберштадтской епархии, на этот раз немецко- и латиноязычная, находилась в центре внимания *Е.В. Григорьевой* (Берлин) в ее докладе «Грамота № 7 из 'Коллекции документов Густава Шмидта': Анализ языка и содержания». Грамота представляет собой параллельный, легко читаемый текст на латинском и немецком языках, притом немецкий вариант вторичен и, как показал докладчик, подвергся существенной интерференции со стороны латинского источника. Результатом этого влияния стали, например, длинные (до трех членов) синтаксические цепочки из генетивных конструкций. Вместе с тем немецкий текст обнаруживает и некоторые отличия от латинского: в ряде синтаксических конструкций и передаче некоторых имен. В ходе дискуссии особое внимание было обращено на состояние немецкого языка грамот, не успевшего еще сложиться в указанный исторический период. Автору было рекомендовано сравнить лингвистические особенности исследуемого памятника с характерными чертами более изученной деловой прозы г. Любека.

Рукописный кодекс юридического содержания, о котором рассказывала *Е.Р. Сквайрс* в докладе «Гамбургское городское право 1603–1605 гг. в Москве», хранится в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ; он до сих пор не изучался, не публиковался и не известен ни юридической, ни исторической науке, ни филологии. Наряду с описанием кодекса, его содержания и особенностей по сравнению с известными экземплярами из Гамбурга, докладчик уделяет особое внимание причинам и обстоятельствам поступления рукописи в Императорский Московский университет. Ему установлено, что в XIX в. он принадлежал известному ученому-правоведу и собирателю юридических кодексов Карлу Сальковскому. Эпизод приобретения книг профессора из Кёнигсберга, на учебниках которого воспитывались юристы различных стран, является малоизвестной страницей из истории связей российской университетской науки с Германией.

Другим недавно обнаруженным рукописным материалам была целиком посвящена уже упоминавшаяся ранее сессия 4 «Находки последних лет», которую вела *Д.А. Баров-Василевич* (Берлин). Ее открыл доклад сотрудника ОРКиР *П.В. Кузнецова* «Индульгенция из Майнца 1455 г.: экземпляр, найденный в библиотеке Московского Университета», прочитанный на французском языке. Автором была освещена как история жанра индульгенции, так и история индульгенции 1455 г. из собрания МГУ. Уже упоминавшийся ранее доклад

искусствоведа-медиевиста *Е.Ю. Золотовой* (Москва) «Неизвестный миссал эпохи Иоганна Гутенберга из собрания РГБ в художественном контексте» также представлял свежую находку. Материалом для него стало издание из собрания РГБ: неизвестный миссал (литургический сборник) эпохи начала книгопечатания.

Особую новизну в исследованиях Немецко-российской рабочей группы в последние годы представляет выход ее усилий за пределы библиотечных собраний обеих столиц, в музеи и хранилища региональных центров. Такой находке из «русской провинции» был посвящен доклад *К.С. Репиной* «Рукописный библейский сборник на нидерландском языке, ок. 1700 г., из Ивановского историко-художественного музея». Рукопись XVIII в., обнаруженная *Н.А. Ганиной*, *Е.Р. Сквайрс* и *М.Р. Ненароковой* в хранилище Ивановского музея, стала предметом исследования студентки, выполненного ею для дипломной работы бакалавриата (руководитель диплома *Е.Р. Сквайрс*).

Эти увлекательные сообщения о трех редких находках завершили первый день докладов. Остаток вечера, однако, был тоже посвящен новым событиям в области изучения рукописей. В «рабочем формате» прошел банкет-фуршет на 10 этаже факультета. Отдав должное трогательной заботе о меню фуршета, проявленной со стороны Германского дома науки и инноваций (организатор *Д.С. Круглов*), участники все же уделили основное внимание важной книжной новинке, непосредственно связанной с работой группы. Для них была организована презентация впервые составленного полного каталога западных рукописей Российской государственной («Ленинской») библиотеки в двух томах: в параллельной немецко- и русскоязычной версии. Каталог создан при содействии руководителя отдела рукописей Берлинской государственной библиотеки д-ра *Е. Оверхау* и прекрасно издан книжным домом «Харассовиц, Висбаден». Авторами каталога являются члены рабочей группы: немецкая версия (год изд. 2016 г.) создана *М.-Л. Хекман* (Берлин) и *Д.А. Баров-Василевич*, в подготовке русской версии (2017) приняла также участие *Е.Р. Сквайрс*. Необычный двуязычный формат этого издания признан важной инновацией, так как он существенно расширяет доступность этого фундаментального руководства для пользователей библиотек и ученых-исследователей в разных странах, являясь, таким образом, важным вкладом в развитие дальнейшего международного сотрудничества.

Второй день конференции начался с обсуждения проблематики, по которой в рабочей группе накопилось немало конкретного материала и общих идей: это тема сессии 5 «Книга рукописная и печатная», модератором которой стал *Ральф Пэзлер*. Тему открыли два доклада, авторы которых представили в этих разных аспектах один и тот же памятник средневековой литературы – «Книжечку

о браке» Альбрехта фон Эйба (XV в.). Особенности рукописной традиции затронула *А.П. Кашперская* (Москва, ВШЭ) в докладе «Санкт-Петербургская рукопись «Книжечки о браке» Альбрехта фон Эйба: кодикологическое описание и роль в рукописной традиции». Следующий доклад – *Кристы Бертельсмайер-Кирст* (Марбург) с темой «Санкт-Петербургская рукопись «Книжечки о браке» Альбрехта фон Эйба. Взаимосвязи между рукописью и печатным изданием в эпоху инкунабул», – в определенном смысле продолжил рассуждения предыдущего, но в ином ключе. Профессор из Марбурга фокусируется на печатных изданиях «Книжечки о браке» и сравнивает их с рукописью, представленной А.П. Кашперской. Третий доклад утренней сессии сделал *Найджел Ф. Палмер* (Оксфорд), выступивший на тему «Еще раз о Московско-Петербургской “Библии бедных”». Доклад был посвящен ксилографическому изданию «Библии бедных» из РГБ, а точнее – вопросу идентификации и атрибуции документа. Основываясь на проведенном анализе, докладчик также установил, что находящаяся ныне в библиотеке РГБ «Библия бедных» имеет голландское происхождение.

К тому же культурно-языковому региону (Северной Германии и смежной области нидерландского языка) может, по данным *П.К. Кулагиной*, относиться описанная ею рукопись, составленная на нидерландском и нижненемецком языках. Доклад молодой исследовательницы «Санкт-Петербургская рукопись Goll. O.V.I. 10 в контексте движения ‘нового благочестия’» открыл сессию 6 «Исследования молодых ученых», которую провел *Н.А. Бондарко*. В докладе *Терезы Кюпперс* (Марбург) «Тема святости в хрониках Немецкого ордена» были проанализированы – на фоне истории самого Тевтонского (Немецкого) ордена, а также истории и традиции его жанра хроники, – формульные обозначения ордена в тексте «Хроники». Интересный материал из приморского Любека, раскрывающий внутреннюю жизнь и работу религиозных общин и влиятельных центров письменности, представила *Лара Шванитц* (Марбург) в докладе «Контексты восприятия медицинских рукописных сборников позднего Средневековья в балтийском регионе». Следующий доклад молодежной сессии сделал *Даниэль Вайс* (Марбург) на тему «Санкт-Петербургская “Мировая хроника”». Под этим названием известен фрагмент Рифмованной Библии на средненидерландском языке, чье особое положение среди других сохранившихся манускриптов, содержащих Рифмованную Библию, и стало темой доклада. Молодая исследовательница *А.Ю. Белькинд* (ОРКиР МГУ) представила доклад на тему «Две редкие гравюры на меди из библиотеки Лейпцигского университета». В центре внимания автора доклада – происхождение и история перемещений гравюр, которые она выясняет на основании языковых свидетельств.

Седьмая сессия называлась «Книга и ее судьбы» и была проведена музейным специалистом и реставратором из Грайфсвальда/Штральзунда *Буркхардом Кункелем*. В докладах сессии затрагивались способы и пути распространения отдельных рукописей в Новое время, их переводы и проблемы реставрации на последнем месте хранения. Доклад московского реставратора *И.П. Мокрецово*й «Реставрация и переплет рукописного сборника из Страсбурга (Москва, РГБ, фонд 68, № 446)» был по причине отсутствия автора представлен *Н.А. Ганиной*; оба исследователя работали над этой рукописью из Страсбурга. В докладе было рассказано о специфике реставрации рукописи, о проведенных операциях по очистке и восстановлению листов, цветовой гаммы, по изучению водяных знаков и проч. Книгопечатнику Антону Кобергеру, деятельность которого была затронута несколькими другими докладчиками конференции, целиком посвятила свое выступление *Г.Н. Питулько* (Санкт-Петербург). В докладе «Редкие издания Антона Кобергера конца XV – начала XVI в. в Библиотеке РАН» она последовательно представила и описала редкие издания Кобергера, находящиеся в собрании инкунабул Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге. *И.В. Хмелевских* (Франция) в докладе «Немецкие военные трактаты и их переводы в библиотеке Петра I» рассказала о деятельности Петра по отбору и организации перевода иностранных военных трактатов для государственных и личных нужд. Главной проблемой для современных исследователей в описании и идентификации большинства единиц этого собрания является факт отсутствия оригиналов некоторых переводных текстов.

Последняя восьмая сессия под названием «Книги: поиски и находки» была проведена *Н.А. Ганиной*. Постоянная участница рабочих встреч *Д.А. Баров-Василевич* в этом году продолжила знакомство рабочей группы с материалами, происходящими из Кёнигсберга (ныне Калининград). В докладе на тему «Н.М. Карамзин и бородатый Иоанн, архиепископ Сольтанийский. Долгие дороги орденовой литературы в России» исследователь представила рукописные материалы, оставшиеся в наследии «Бородатого Иоанна» – архиепископа Сольтанийского (Иран), – касающиеся истории Тевтонского ордена в начале XV в. и сохранившиеся наряду с прочей орденовой литературой в наследии Кёнигсбергского государственного архива. Особый интерес к ним появился к XIX в., а с 1807 г. архив активно изучается; известно, что к нему обращался за источниками и свидетельствами Н.М. Карамзин в ходе своей работы над «Историей государства Российского». В связи с этим в докладе были рассмотрены и освещены связи ученых-историографов России и Германии.

Одним из заключительных в программе конференции был доклад *Буркхарда Кункеля* под интригующим названием «О ‘бесполезных, вздорных и опасных книгах’: Свидетельства книжной археологии о

цензуре и ее применении в первом столетии Реформации». Он был целиком посвящен теме, которая отчасти затрагивалась или подразумевалась другими выступавшими: о путях распространения книг, о книге как инструменте передачи знаний и новых идей. Подчеркнув, что в Германии эпоха Реформации совпала с началом развития в Европе книгопечатания, автор доклада отметил и прокомментировал неожиданно высокую скорость распространения ранних реформационных памятников как важную предпосылку процесса общественного обновления.

4. Распространение достижений и доступность результатов для научного сообщества

Программу конференции 2018 г. завершал доклад *Юргена Вольфа*, который уже ранее цитировался. Его тема «Российские фонды и библиотеки в Виртуальном корпусе немецких рукописей: Итоги и перспективы» действительно подводила итоги данной конференции, но в ней суммировались и достижения очередного этапа совместной работы 2010–2018 гг. Наш марбургский партнер по организации конференции привел (уже затронутую ранее) статистику рабочих встреч по годам: количество найденных, изученных, опубликованных и представленных рукописей и печатных раритетов на немецком языке, закончив этот обзор многолетнего российско-немецкого сотрудничества в сфере изучения рукописей рассказом о виртуальной базе немецкоязычных рукописей (Marburger Repertorium на сайте Handschriftencensus.de), существующей при Марбургском университете, которая служит инструментом распространения информации о результатах и достижениях этого сотрудничества.

Эта сторона работы любой научной конференции – распространение и публикация материалов для ознакомления научного сообщества с новыми достижениями, материалами и методами – неизменно становится обязательным вопросом повестки общей итоговой дискуссии. Немецко-российские встречи располагают, кроме упомянутого электронного ресурса, также возможностью традиционной публикации докладов в сборнике конференции. Четыре тома конференций прежних лет вышли в книжной серии «Немецко-российские исследования по истории книги» (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte) под редакцией и руководством Рудольфа Бентцингера, постоянного участника рабочей группы. Эта серия, открытая специально для Немецко-российских рабочих встреч МГУ и Марбургского университета, издается Эрфуртской академией общепользных наук в Германии¹. Для материалов конференции 2018 г. готовится к

¹ Ср., например, сборник предыдущей конференции, проведенной в 2016 г. в Марбурге: Natalija Ganina, Klaus Klein, Catherine Squires, Jürgen Wolf (Hrg.), Deutsch-russische Kulturbeziehungen in Mittelalter und Neuzeit: Aus abendländischen Beständen

изданию очередной, пятый том с научными статьями на основе докладов, а также с изложением состоявшейся дискуссии и сделанных в ее ходе научных рекомендаций.

5. Аспекты международного сотрудничества и его перспективы

Завершившаяся конференция Немецко-российской рабочей группы принесла, как и предшествовавшие ей встречи 2010–2015 гг., новые открытия, интересные результаты в исследовании ценных материалов из наследия западноевропейского Средневековья и Нового времени, актуальные не только для изучения памятников, обнаруженных в России, но и для более глубокого и разностороннего знания об их более известных аналогах в Германии. По общему мнению участников, конференция в очередной раз подтвердила значимость и актуальность проведения таких международных встреч для изучения исторического прошлого и общего культурного наследия.

Окончание важного и трудного научного мероприятия всегда оставляет его организаторов с размышлениями о том, что из задуманного было выполнено, а что могло и должно было быть сделано иначе, лучше. Какие новые задачи обозначились в результате осуществленного и какие перспективы имеет дальнейшее развитие этой совместной деятельности. Разнообразие научных работ, выполненных за прошедшие годы участниками Немецко-российских встреч, накопленный в группе опыт совместного обсуждения материалов и возникающих в связи с ними проблем позволяют выделить общие аспекты и координировать разностороннюю работу вокруг важных узловых научных тем, в том числе помогая молодым участникам, намечая для них пути решения и указывая на более дальние и масштабные перспективы выбранных ими научных задач.

Последняя Немецко-российская встреча особенно ясно показала несколько региональных направлений, сложившихся в работе группы. В докладах многих участников ставились задачи, направленные на воссоздание фактов исторической и культурной ситуации в определенных регионах Германии и соседних земель.

1. Одним из таких общих региональных акцентов данной конференции оказался алеманнский Страсбург и его письменная традиция. На примере рукописи из Страсбургского монастыря св. Магдалины (Москва, РГБ) были описаны культурный контекст эпохи и география распространения средневековых текстов в алеманнском регионе: в форме культурных связей между монастырями, скрипториями и

in Russland: Ergebnisse der Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 7. bis 9. April 2016 an der Philipps-Universität Marburg (Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 4. Hrg. Rudolf Bentzinger). Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, 2017. 283 S.

другими центрами письменной традиции. Юго-западные связи и влияния были представлены и на искусствоведческом материале на примере Майнца, в целом художественных и книгопечатных традиций юга Германии.

2. Другим регионом, стабильно привлекающим внимание участников группы и вновь представленным в этом году, является север Германии, нижненемецкая языковая область, сфера деятельности Ганзы и ее крупнейших городов Любека и Гамбурга с их специфическими прикладными жанрами (право, навигация, научная медицинская литература и др.).

3. Изучение немецкого севера направляет интересы исследователей к соседним с ним западным и северо-западным областям средневековой Голландии, Фландрии и Брабанта. В Немецко-русской встрече этого года все отчетливей (наряду с обращением к региональным собраниям западных материалов) обозначилась новизна этого аспекта ее работы: расширение географии происхождения изучаемых материалов и включение находок с голландским, фламандским и близким западным провенансом. С одной стороны, такое расширение обусловлено профилем специализаций и научных компетенций кафедры германской и кельтской филологии (принимающему организатору встречи 2018 г.), включающих нидерландскую филологию, в том числе и медиевистику. Однако не одни только практические факторы организации науки и преподавания, но и сам характер материалов эпохи Средневековья и раннего Нового времени диктуют такое расширенное понимание области исследования. Многие аспекты германской медиевистики развивались задолго до установления нидерландско-немецкого языкового раздела в условиях своеобразного континуума языковых и культурных германских ареалов на континенте Европы. Поэтому «нидерландский вопрос» неизбежно встает в процессе исследования некоторых материалов, даже если это первоначально не предполагалось исследователем. Это ясно свидетельствует о неразрывной связи обоих языков в решении таких проблем и задач, которые научная повестка дня ставит перед рабочей группой.

4. Наконец, в центре внимания всегда остается Средняя Германия, в особенности ее восток – средневековые центры письменной культуры и литературы в тюрингском Эрфурте и саксонских Гальберштадте и Магдебурге. Распространение и развитие литературной традиции на языке этого региона (восточном средненемецком XII–XIV вв.) продолжается участниками группы и на материалах последующих веков, происходящем из инстанций Ордена и из Кёнигсберга.

Важно подчеркнуть, что эти тематические «кластеры» сложились не в результате произвольного выбора исследователей, а в соответствии с характером рукописного и старопечатного материала,

отложившегося в архивах и библиотеках России и требующего коллективного изучения силами международной науки.

Последнее обстоятельство является основой и причиной создания рабочей группы и принципов ее работы. Дело в том, что в силу исторических обстоятельств и культурных условий для России наиболее актуальными и богато представленными в ее собраниях оказались именно средневековые материалы из Германии, в определенной степени также Нидерландов. По этой причине в хронологическом и количественном отношении оригинальные рукописи, грамоты, инкунабулы континентальных германских регионов в своей совокупности оставляют далеко позади аналогичные материалы из Англии, Скандинавии и даже стран романских языков.

В процессе многолетней работы Немецко-русской рабочей группы все ярче проявляется тенденция к расширению географии книжных и рукописных находок, становящихся предметом изучения ее участников, и выходу за пределы библиотечных и архивных собраний двух столиц, в другие города России. Так, если конференция 2010 г. была в основном посвящена материалам из «Коллекции документов Густава Шмидта» из Научной библиотеки МГУ, то на V Немецко-русской рабочей встрече в Марбурге в 2015 г. был представлен фрагмент с миниатюрой XV в. из частного собрания в Чебоксарах, являющийся, как установил автор доклада М. Рогов, частью рукописи «Зерцало человеческого спасения», несколько других фрагментов которой уже были известны в собраниях Москвы. В том же году в Марбурге Н.А. Ганина в докладе «К критике текста кодекса Бардевика» сообщила о сенсационном обнаружении в городе Юрьевце знаменитой рукописи Любского права, считавшейся навсегда утерянной в результате Второй мировой войны. В программе конференции 2018 г. эта география пополнилась городом Иваново, откуда происходит нидерландский рукописный сборник, который стал темой дипломной работы К.С. Репиной и ее доклада на немецко-русской рабочей встрече.

К этому перечню общих тематических аспектов следует добавить еще один, очень важный, также выявленный в исследованиях рабочей группы: фактор русско-немецких (и нидерландских) связей в истории России Нового времени. Одним из проявлений этих исторических связей, оставившим большое рукописное наследие в российских библиотечных и архивных собраниях, являются контакты и преимущественность истории российской европейской науки и университетского дела по отношению к Германии. Эта область культурных контактов, особенно их многочисленные рукописные свидетельства, изучены пока совершенно недостаточно, в связи с чем константой для работы группы еще долго будет оставаться тематика немецко-русских связей в культуре и науке XVIII–XIX вв., в том числе большие,

но практически еще не изученные массивы документов по истории Московского университета, его профессоров, принципов становления университетского образования в целом и формирования библиотеки, закладки фундамента и организации преподавания отдельных научных дисциплин в России, в частности.

**Catherine Squires, Elena Starostina,
Aleksandra Fomicheva**

**MEDIEVAL CULTURE OF GERMANY AND THE
NETHERLANDS IN MANUSCRIPTS AND OLD-PRINT
EDITIONS FROM RUSSIAN COLLECTIONS: RESULTS,
TRENDS IN AND PROSPECTS OF INTERNATIONAL
SCIENTIFIC COOPERATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1, p. 1, B. Kislovsky lane, Moscow, 125009*

The paper discusses the sixth meeting of the international German-Russian research group (supported by the universities of Moscow and Marburg), at the Faculty of Philology in April 2018, on ‘German culture in Russian book and manuscript collections’. Outlining 8 years’ worth of the group’s methodological and organizational experiences in international research, the paper provides an analysis of the format and structure of the cooperation and a description of its multidisciplinary aspects. The overriding objective of the research group, formed by leading international specialists, is to ensure a continuous synergetic combination of academic expertise in related fields. The extraordinary achievements including discoveries of unknown manuscripts, miniatures, and prints, as well as innovative insights into the culture of medieval Germany and the history of German-Russian contacts suggest that the work should be continued as it is most promising. The paper stresses the important role the research group plays in supporting young researchers in both universities.

Key words: German manuscripts; Dutch manuscripts; German-Russian contacts; international cooperation; MSU-Marburg; medieval studies; philology.

About the authors: *Catherine Squires* (Ekaterina Skvayrs) – Prof. Dr., Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: skvayrs@gmail.com); *Elena Starostina* – PhD Student, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (e-mail: lenastarostina2@gmail.com); *Aleksandra Fomicheva* – PhD Student, Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: fomi4eva.sasha@gmail.com).

ИЗ АРХИВА

А.Н. Ратников, О.Е. Ратникова

Г.Р. ДЕРЖАВИН И СОВРЕМЕННОКИ: ИЗ ПЕРЕПИСКИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА И А.П. БРЕЖИНСКОГО

*Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области*

«Московский государственный областной университет»

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

Ранее не печатавшиеся письма Г.Р. Державина и А.П. Брежинского за 1816 г. публикуются с целью реконструкции части ближнего круга Державина в конце его жизни, для пополнения источниковой базы, а также с целью раскрыть и охарактеризовать историко-культурные особенности восприятия читателями позднего творчества Державина. Андрей Петрович Брежинский (1777 – после 1843) происходил из мелкопоместных дворян Малороссийской губернии, учился в инженерном шляхетном корпусе, в 1795 году был выпущен прапорщиком в Сибирский драгунский полк, в 1799 году вышел в отставку и с 1801 года участвовал в Комиссии составления законов, где завел знакомство с А.Н. Радищевым. С 1804 по 1807 г. Брежинский состоял библиотекарем у П. Зубова. Из письма Державину узнаем, что Брежинский был избран главным директором Драматических увеселительных зрелищ Астрахани в 1816 г. Нарочито гротескный характер писем Брежинского контрастирует с лаконичным и сухим текстом Державина, что придает переписке отчасти ироничный характер и, на первый взгляд, рисует образ Брежинского как человека, пытающегося заискивать перед знаменитым поэтом. Несомненно, однако, что Брежинский искренне и бескорыстно почитал Державина, отсюда и обилие в его письме ярких гиперболизированных поэтических образов. Этим же обусловлен и большой размер его писем, адресованных Державину. Краткость письма Державина может объясняться не пренебрежением к адресату, но состоянием поэта в последний год его жизни.

Ключевые слова: Г.Р. Державин; А.П. Брежинский; письма.

В Рукописном отделе РНБ (ф. 247) хранятся не только не публиковавшиеся до сих пор, но и не введенные в научный оборот письма к Г.Р. Державину А.П. Брежинского (РО РНБ, ф. 247, оп. 2, д. 68, л. 1–6; 18.07.2018). Другие материалы Брежинского, включая его письма и произведения, находятся в РО РГБ (ф. 325), ИРЛИ (ф. 381) и ЦГИА (ф. 1349, 734).

Ратников Александр Николаевич – аспирант Московского государственного областного университета (e-mail: ratnikoff.alex@gmail.com).

Ратникова Ольга Евгеньевна – аспирант Московского государственного областного университета (e-mail: ratnikova0@gmail.com).

Андрей Петрович Брежинский (1777 – после 1843) происходил из мелкопоместных дворян Малороссийской губернии, учился в инженерном шляхетном корпусе, в 1795 г. был выпущен прапорщиком в Сибирский драгунский полк, служил в Сибири (называл себя «певцом Алтайских гор»), в 1799 г. вышел в отставку и с 1801 г. участвовал в Комиссии составления законов, где завел знакомство с А.Н. Радищевым. В биографической справке к сборнику «Поэты 1790–1800-х годов» об этом периоде жизни Брежинского находим следующее: «В это время он познакомился с А.Н. Радищевым и посещал его дом вместе с И.С. Бородавицыным и И.П. Пниным. По свидетельству сына писателя, П.А. Радищева, эти молодые люди слушали его отца “с большим любопытством и вниманием”» [Степанов, 1989: 325–326]. «К Брежинскому было обращено известное стихотворение Пнина “Итак, Радищева не стало! Мой друг, уже во гробе он!...”» [Альтшуллер, Лотман, 1971: 488].

С 1804 по 1807 г. Брежинский состоял библиотекарем у Платона Зубова, находящегося в ссылке в своем имении в Курляндии, с 1808 г. преподавал русский язык и словесность в Горном кадетском корпусе. В 1816 г. получил назначение в Астрахани.

Ответ Державина Брежинскому также сохранился (РО РНБ, бумаги Державина, том II, л. 51–52; 18.07.2018); исследователи часто ссылаются на него, описывая общение современников короткой цитатой из письма: «Безъ васъ театръ нашъ не существуетъ...» Однако полностью это письмо Державина не было опубликовано, хотя содержание его представляется ценным, рисуя нравы: в нем раскрывается характер взаимодействия двух поэтов, затрагивается не только культурная сфера жизни обоих, но даже экономическая.

Систематизацией и публикацией переписки Державина занимался еще Я.К. Грот, но и до сих пор некоторые материалы не введены в научный оборот. Современные исследователи эпистолярного наследия поэта активно обращаются и к уже опубликованным письмам Державина [Бондаренко, 2014: 146–150; Карташева, 2015: 48–54], и к архивным материалам [Дзюбанов, 2017: 58–85; Зеленянская, 2015: 24–34].

К жизни и творчеству А.П. Брежинского обращались, как правило, в связи с какими-либо известными его современниками. Так, Д.С. Бабкина заинтересовала причастность Брежинского к окружению А.Н. Радищева; М.Г. Альтшуллер рассмотрел литературное наследие Брежинского в рамках исследования «Беседы любителей русского слова», сведения о Брежинском вошли в библиографический словарь «Русские писатели 1800–1917 гг.» [Степанов, 1989: 325–326].

О литературной деятельности Брежинского нам известно немного: писать стихи он начал еще в молодые годы, находясь в Сибири адъютантом при генерал-лейтенанте А.И. Горчакове. Там он, по словам

Хвостова, «упражнялся с успехом в лирическом стихотворении, помещая по большей части в творения свои картины, ужасы природы изображающие, краю тому свойственные» [Альтшуллер, Лотман, 1971: 488].

Подобно Державину, Брежинский посвятил ряд произведений Суворову. «Послание к покойному Михаилу Ивановичу Козловскому, императорской Академии художеств профессору, который производил Суворова монумент, на открытие коего при сем приложена ода сочинителя сих же стихов. Санкт-Петербург, 1801 года» Брежинского было напечатано во второй части «Друга просвещения» за 1805 г. Важно отметить, что Державин в это время также активно сотрудничает с «Другом просвещения»: в 1805 г. публикуются «К Скопихину», «Снигирь», «Ответ Тромпетина к Булавкину».

Наверняка о начале творческого взаимодействия двух поэтов разной величины можно говорить с 1811 г., когда Брежинский становится членом-сотрудником «Беседы любителей русского слова», в которой Державин был «председателем второго разряда». Возможно, именно это соседство по разряду в «Беседе...» и могло послужить поводом к сближению Брежинского и Державина, которое, предположительно, могло быть основано на общем для них интересе к драматургии.

Письма Брежинского ценны, в частности, тем, что содержат множество указаний на отношение простых читателей к творчеству Державина. Конечно, автора письма легко обвинить в заискивании перед великим поэтом (см., например, следующую характеристику Брежинского: «Стихи он писал в основном панегирического характера, восхваляя своих покровителей из куса хлеба насущного... Известные факты биографии рисуют нам человека бедного, робкого, ищущего покровителей побогаче и повлиятельнее» [Альтшуллер, 2007: 298–299]). Однако стоит вспомнить, что и Державину приписывались подобные мотивы; представляется нецелесообразным сводить взаимоотношения двух поэтов к простым формулам.

Текст переписки приводится ниже в оригинальной орфографии и пунктуации. Содержанием второго письма Брежинского от 21 апреля 1816 г. убеждает, что оно является ответом на письмо Державина от 28 февраля 1816 г. (указания на связь данных писем между собой в научной литературе найдено нами не было).

А.П. Брежинский Г.Р. Державину, 22 января 1816 года, г. Астрахань¹.

Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый Государь!

Промысль небесный, управляя Вселенною и располагая жребиемъ всѣхъ людей, предопредѣлилъ, дабы я съ бреговъ Невы Переселил-

¹ РО РНБ, ф. 247, оп. 2, д. 68, л. 1–6.

ся къ брегамъ Каспійскаго Моря: малая водоходная Лодья, бывшая Часто игралищемъ порывистыхъ вѣтровъ и Кипящихъ волнъ, принесла меня благополучно къ стѣнамъ Астрахани; туда, гдѣ обитають разно-племенные Азійскіе Народы; туда, куда нѣкогда премудрый Законодатель, ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ прибылъ на Московскомъ стругѣ, снарядилъ флотъ и Армію ко много-трудному походу, вооружилъ перунами побѣдоносныя силы, двинулъ ихъ чрезъ Горы и морскія пучины, бросилъ Молнію на буйныхъ супостатовъ, низложилъ и укротилъ мятежниковъ Персидской монархіи – и Се! по мановенію Аліевыхъ Знаменъ отверзлись широкія врата Дербента²; Чалмоносный Старѣйшина Наипъ³, изшелъ на встрѣчу Великодушному МОНАРХУ и съ колѣнопреклоненіемъ поднесъ ему градскіе ключи. – Ирой и Властелинъ полсвѣта, окруженный полочными Витязями, предшествуя своимъ орлинымъ полкамъ, Торжественно вошелъ во Градъ, Основанный македонскимъ Героемъ⁴; Вошелъ – и Слава новыми Лаврами украсивъ Величественное чело сего державнаго ВѢЩЕНОСЦА, громогласно возвѣстила Вселенной побѣды російскихъ Аргонавтовъ.

Плывя по теченію благотворительной Волги, я наслаждался Красотами Природы: Великолѣпныя грады, пространныя Вѣси – Мирныхъ поселянъ, дремучіе лѣса, цвѣтушія долины, злато-видныя Жатвы обворожая мое Зрѣніе, восхищали душу. – Но чѣмъ я занимался въ то время, когда бѣгущая корма разсѣкала шумныя Воды? – я читалъ ваши творенія; онѣ пленяли мой умъ и услаждали сердце. Пресловутый, неусыпный и Веле-мудрый Геній вашъ, на каждой Строкѣ положилъ свою печать, которую всѣ грядущія столѣтія невозмогутъ изгладить. Безсмертіе еще при жизни вашей, увѣковѣчило ваше имя и ваши превосходныя дарованія. Въ стихотвореніяхъ вашихъ лучи Пиндара и Горація, огонь Анакреона, жаръ Еврипида, пламень Осіана слившись, такъ сказать, во единую Громаду, образуютъ Свѣтозарное Солнце Славы вашей, которое сіяніемъ своимъ, во всѣхъ вѣкахъ будетъ озарять вашъ ликъ, предъ Лицемъ просвѣщеннаго Потомства. – Можетъ быть, при израженіи сей мысли, я подражалъ витійству восточныхъ писателей, но недолжно предавать забвенію, что я теперь живу въ знойной странѣ и что благорастворенный воздухъ теплаго края и обращеніе съ Азіятцами, вдыхаютъ въ меня идеи, принадлежащія восточнымъ народамъ.

² Здесь имеются в виду события Персидского похода Петра I (1722–1723), во время которого был захвачен Дербент. «Алиевые знамена» – по всей видимости, о войсках мусульман-шиитов.

³ Наип (араб. «заместитель») – должность в средневековых мусульманских государствах, заместитель или помощник какого-либо начальника.

⁴ Согласно одной известной легенде, основателем Дербента является Александр Македонский.

Въ Городѣ Астрахани, между разновѣрными иноплемениками, обитають Индейцы и Персіяне. Въ прохладный Лѣтній день, подъ свѣтло-голубымъ небомъ, часто съ Ними бесѣдоваль я въ роскошныхъ Виноградныхъ садахъ, орошаемыхъ быстро-текущимъ Кутумомъ; тѣмъ, которые довольно хорошо Знають нашъ Отечественный языкъ, я читаль ваши стихотворенія и они страстно любя поэзію, Слушали ихъ съ Великимъ вниманіемъ. Идолопоклонники, исповѣдывающіе Законъ браминскій и вѣрующіе преселенію душъ, пришедшіе въ Россію изъ владѣнія Великаго Могола⁵, уже знаютъ ваше имя; они удивляются красотамъ вашихъ неподражаемыхъ Сочиненій, и Называютъ ихъ Лучезарными цвѣтами, изваянными изъ Чистаго злата, истекающаго изъ волшебной Горы; Ежели, Говорятъ они, человѣкъ хотя Перстомъ своимъ прикоснется къ симъ чародѣйственнымъ цвѣтамъ, то внезапно ощущаетъ онъ чрезъ-мѣрную радость; восторгъ объемлетъ всѣ чувства его; въ семъ восхитительномъ иступленіи онъ бываетъ внѣ себя и душа излетаетъ изъ него на нѣкоторое время; преселяется въ Сладкогласную и непрестанно-поющую птицу, перелетающую изъ Одного Міра въ другой. Они стихи ваши уподобляютъ нетлѣннымъ драгоцѣннымъ камнямъ, которые, по словамъ ихъ, ежели бы рука мощнаго исполина бросила въ вѣчно-пылающее солнце, то и тамъ бы они немогли згорѣть. – Вотъ какимъ необыкновеннымъ образомъ, Жители Гангеса изражаютъ свои похвалы. Роскошные же сыны Персиды, благоговѣющие къ Алкорану, придерживающіеся ученія Али⁶, Оды ваши называютъ благовонными райскими водами; вертоградомъ Услажденія; какою то животворною, небо-земною Амброю, которая, по суевѣрному ихъ мнѣнію, хотя растворяетъ воздухъ всея Вселенны, но Пріятный Запахъ ея, преимущественно ощущаютъ Горнія Жители превыспреннихъ странъ, а на земли благовоніе Ея, услаждаетъ обонаніе Однихъ только мудрыхъ и добродѣтельныхъ людей. Они сравнивая васъ съ своими сладкогласными пѣсноѣвцами, называютъ васъ, то Глубокомысленнымъ Садіемъ, то нѣжнымъ Гафизомъ, то Громо-звучнымъ Абулѳолою⁷; Сей Знаменитый Стихотворецъ, Хотя родился въ Арапіи и писалъ на Арабскомъ Языкѣ, но творенія его чрезмѣрно уважаются въ Персіи.

⁵ Название государства, существовавшего на территории современных Индии, Пакистана и южного Афганистана с 1526 по 1858 г. (фактически до середины XIX в.). «Моголами» называли в Индии мусульман Северной Индии и Центральной Азии.

⁶ Шииты.

⁷ Абуль-Ала Ахмад ибн Абдуллах ат-Танухи, известный как Абуль-Ала аль-Маарри (973–1057 или 1058) – арабский поэт, философ, классик аскетической поэзии (зихдийят).

Милостивый Государь!
Вашего Высокопревосходительства,

Генваря 22го Дня
1816го_Года.
Г._Астрахань

Всепокорнѣйшій Слуга
Андрей Брежинскій

Добродѣтелями украшенной Супругѣ Вашей, свидѣтельствую
достодолжное мое Высокопочитаніе.

Вручитель сего письма, есть Г. Губернскій Стряпчій Михайло
Моисѣвичъ Змѣевъ; онъ питая безпредѣльное уваженіе къ вашимъ
отличнымъ достоинствамъ, Сугубо будетъ Щастливъ, когда ваше
Высокопревосходительство, удостоите его благосклоннаго воззрѣнія⁸.

Сам Державин пишет Брежинскому в Астрахань 28 февраля 1816 г.
Это не могло быть ответом на письмо Брежинского от 22 января того
же года, так как срок между письмами сравнительно небольшой и
притом Державин говорит, что Брежинский не удостоил его до сих
пор «ни одной строкой». Об этом письме, в частности, упоминает
Д.С. Бабкин: «Из письма Г.Р. Державина к Брежинскому в Астрахань
от 28 февраля 1816 года видно, что Брежинский сочинял небольшие
пьесы и участвовал в любительских спектаклях в доме Державина.
“Без вас, – пишет Державин, – театр наш не существует, и все из-
вестные музы что-то очень стали подхолозны”» [Бабкин, 1966: 253].
Г.Р. Державин А.П. Брежинскому, 29 февраля 1816 года, г. Санкт-Петербург.

Его высокоблагородію, Милостивому Государю моему Андрею Петровичу Брежинскому въ Астрахань. (надпись на конверте)
--

Милостивый Государь мой Андрей Петровичъ.

Удивляюсь, что съ самого вашего отъезда изъ Петербурга въ
Астрахань не удостоили вы насъ ни одной строкою. – Ежели бы
Николай Исаевичъ Охвердовъ⁹ не напомнилъ намъ васъ, то бы мы
не знали, здоровы ли вы, или лучше, существуете ли вы уже семь
свѣтѣ. – Надѣяся на ваше къ намъ хорошее расположеніе, жена моя
просить васъ взять трудъ приторговать для нее Кипу бумаги хлопча-
той непряденой, годной для пряденія и что оной цѣна насъ увѣдомить.
Мы съ благодарностію вамъ по первой почтѣ деньги вышлемъ и
увѣдомимъ васъ, куды вамъ ту бумагу къ намъ отправить. – Безъ васъ

⁸ РО РНБ, Ф. 247, оп. 2, д. 68, л. 1–6.

⁹ Ахвердов Николай Исаевич (1754–1817) – литератор, писатель-переводчик, педагог, почетный член Академии художеств, генерал-майор.

театръ нашъ не существуетъ, и всѣ извѣстныя Музы что-то очень стали подхольузы¹⁰.

Пребываю впрочемъ съ моимъ искреннимъ почтеніемъ,
вашъ,

Милостиваго Государя моего
покорный Слуга
Гавриил Державин.

Февраля 28 дня

1816 года

С. Петербургъ¹¹.

Следуетъ помнить, что 1816 годъ является последнимъ годомъ жизни Державина. Сопровождавшие поэта в это время болезни и усталость несомненно накладываютъ отпечатокъ на характеръ его деловой и творческой активности, в то время как Брежинскій переживалъ свой расцвет. Предполагаемъ, что именно это обстоятельство и могло быть ключевымъ факторомъ, определившимъ краткость письма Державина.

На это письмо Державина Брежинскій, какъ можно предполагать, отвечалъ из Астрахани 21 апреля 1816 года: мы находимъ здѣсь, например, комментарий по поводу упадка театральнаго жизни в «Бесѣде...».

А.П. Брежинскій Г.Р. Державину, 21 апреля 1816 года, г. Астрахань¹².

Ваше Высокопрвосходительство!

Милостивый Государь!

Я имѣлъ Щастіе получить Ваше письмо и въ душѣ моей ощутилъ чрезмѣрную радость; сіе сладостное веселіе Наполнило Сердце мое сугубою благодарностію. – Я съ восхищеніемъ прочиталъ Строки Мудреца и Вельможи; съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Его собственною рукою начертано то Имя, Которое немолчно гремитъ на Россійскомъ Парнасѣ, Которое съ толикимъ уваженіемъ произносятъ современники, и Которое пребудетъ въ непрестанной памяти у позднихъ потомковъ; грядущіе Вѣки одинъ другому будутъ передавать сіе безсмертное, толико Знаменитое, толико Звучное Имя! оно Отозвавшись велегласно во всѣхъ предѣлахъ Европы, уже давно на Крылахъ Славы долетѣло до Азіи! – имя сіе Гремить въ Стѣнахъ Астрахани, оно летаетъ по горамъ Кавказскимъ, оно носится по пучинамъ Каспійскимъ; Повторяютъ его Уральскіе и Алтайскіе Хребты, твердятъ Его на высотахъ таврическихъ и на Пространныхъ Равнинахъ Сибирскихъ. – Иноплеменники пришедшіе къ намъ изъ Коконира¹³ и Тибета, изъ

¹⁰ Подхольуза – пролаз, ловкий пройдоха; лукавый, скрытный и лживый человек (согласно словарю Даля).

¹¹ РО РНБ, бумаги Державина, том II, л. 51–52.

¹² РО РНБ, Ф. 247, оп. 2, д. 68, л. 1–6.

¹³ Возможно Конгур – горный массив в хребте Конгурмузтаг в китайской части Памира.

горъ Араратскихъ, изъ Жулфы Испаганскаго предмѣстїя¹⁴, и изъ владѣнїя Великаго Могола; иновѣрцы издавна притекшіе въ Россїю, и вновь приходящіе къ Намъ изъ Персїи, Хивїи, Бухарїи и Индїи, Знають достохвальное имя Сѣвернаго Пѣснопѣвца – въ чемъ я могу быть нелживымъ Свидѣтелемъ. – Всѣ Соотечественники, обитающіе по берегамъ рѣкъ: Невы, Нѣменя, Двины, Днѣстра, Буга, Днѣпра, Дона, Салгира, Терека, Волги, Камы, Урала, Печоры, Оби, Иртыша, Енисея и Лены; всѣ Любители рускаго слова, отъ Або и до Алеутскихъ острововъ, въ Городахъ и Селахъ, въ великолѣпныхъ зданїяхъ и Хижинахъ, въ рощахъ и Вертоградахъ, вездѣ читають Мудрыя и изящныя творенїя Державина и Единодушно превозносятъ его преслоутое имя – а о семъ даютъ Свидѣтельство Жители тѣхъ странъ, гдѣ протекають сїи Великія Рѣки, и повѣствуютъ Путешественники-Очевидцы. – Довольно есть у насъ Словесниковъ, безчисленное множество Читателей, Которые Ваши сочиненїя знаютъ наизусть; и я бывши на Китайской Границѣ въ 1797мъ Годѣ¹⁵, Самъ видѣлъ одну Семнадцати Лѣтъ Дѣвицу дочь войсковаго Есаула, которая всѣ изданныя, до того времени, въ Свѣтъ Ваши Стихотворенїя, читала безошибочно на память, онѣ были переписаны рукою ея Отца, Сей Мужъ преклоннаго Вѣку, когда я удивлялся дарованїямъ его дочери, сказалъ мнѣ: “она щастливая невѣста, готовится къ брачному Вѣнцу, и наступающимъ благополучїямъ своимъ будетъ обязана своей необыкновенной памяти; – Женихъ ея сынъ богатаго человѣка, Страстно Любитъ Поэзію, и предъ всѣми Стихотворцами дастъ Первенство Державину; дочь моя часто въ бесѣдахъ Читала наизусть Его неподражаемыя оды, и Симъ только Единымъ Средствомъ возпламенила огонь любви въ Сердцѣ благонаваго Юноши, которой добровольно пожелалъ обрученїя, а по совершенїи онаго, первой Подарокъ его

¹⁴ Вероятно, Брежинский имел в виду город Нор-Джуга (Новая Джульфа) – армянский пригород Исфахана.

¹⁵ Упоминаний о том, что Брежинский в 1797 г. был на границе с Китаем, нигде обнаружить не удалось, кроме как в собственном произведении Брежинского «Послание к покойному Михаилу Ивановичу Козловскому, императорской Академии художеств профессору, который производил Суворова монумент, на открытие коего при сем была приложена Ода сочинителя сих же стихов. Санкт-Петербург, 1801 года»:

Кто я? – Вот Музы глас: Суворова певец.

...

Певец, – к которому склонял Суворов взоры.

Из Марсовых полей своей рукой писал.

Когда я зрел Китай и зрел Алтайски горы,

Тогда Герой в войне стихи мои читал.

[«Друг просвещения», 1805: 11].

Также существуют косвенные доказательства его пребывания на границе с Китаем. Хвостов писал: «Брыжинский, Андрей Петрович, поручик, обучался в инженерном кадетском корпусе, был инспекторским адъютантом при генерал-лейтенанте князе Алексее Ивановиче Горчакове и, находясь с ним в Сибири, упражнялся с успехом в лирическом стихотворении...» [Бычков, 1868: 274].

быль невѣстѣ, печатныя Сочиненія сего Знаменитого Автора; которыя дочь моя приняла за даръ неоцѣненный.” – Вотъ еще другое достовѣрное Повествованіе: одинъ любитель Стихотворства, изъ Отдаленнаго края, писалъ къ Жителю Столицы; Подобно сему онъ изъражалъ свои Мысли и Чувствованія: “у меня нѣтъ Библиотеки, О семъ я и не скорблю; но часто проливаю Слезы, что не имѣю у себя твореній Державина. Ежели вы, Милостивый Государь! не пришлете ихъ ко мнѣ, то я отъ чрезмѣрной Горести впаду во умно-иступленіе: и несомненно умру въ печали! уже тоска снѣдаетъ мое сердце; и я отъ унынія изѣаваю, какъ вѣшній Ледъ отъ Зноя; – иссыхаю, какъ вѣтро-тлѣнное быліе, растущее въ безводной пустынѣ. Утренняя и вечерняя Заря видятъ мои мученія; Солнце неосушаетъ моихъ слезъ. Луна внемлетъ моимъ Стенаніямъ; Сонъ не смыкаетъ моихъ утомленныхъ вѣждъ и я немогу вкушать даже Сладостныхъ Яствъ. Какъ тѣнь блуждаю по песчаному берегу и чрезъ Кипящія волны къ вамъ простирая руки, убѣждаю, прошу, Молю... и прочее проч.” – До полученія отвѣта на сіе письмо, онъ Сѣтовалъ, рыдалъ, и, какъ меня увѣряли; уже предавался отчаянію. Свирѣпый огонь мелькалъ въ его дико-грозныхъ взорахъ. – Когдаже Ему прислали Собраніе Сочиненій Сего безсмертнаго пѣсновѣвца, то онъ внезапно ощутилъ новое бытіе, и толико былъ восхищенъ, Какъ путникъ, обрѣдшій безцѣнное Сокровище; или лучше сказать, какъ мореплаватель, Спасенный Отъ потопленія. – Бытописатель нѣкогда начертавая исторію Жизни Велемудраго Державина, не долженъ предать Забвенію Сихъ двухъ Справедливыхъ повѣстей, и Сладко-рѣчивый Витія, по мнѣнію моему, неумалить красоты своего похвальнаго слѣва, ежели онъ прославляя превосходныя Дарованія сего Знаменитаго Стихотворца, въ приличномъ Мѣсте, упоминаетъ и о сихъ произшествіяхъ.

Вы пишите ко мнѣ, что нѣкоторыя намъ извѣстныя Музы дремлютъ – Ежели Эта дремота самая та, которую Горацій примѣтилъ въ Гомерѣ, то они еще не совсѣмъ достойны порицанія; а Ежели Это Грезы или брѣдъ Огневицы, то стократно будетъ лучше, ежели обыметь ихъ глубокой Сонъ; тогда ихъ безмолвіе не оскорбитъ Слуха Читателей, – но Естли кичливое Самомнѣніе будетъ подстрекать ихъ ко хрипло-блѣющему Козлѣ-пѣнію, то сїи Осиплыя Музы, вотще стануть надувать свои Пузы; и онѣ вѣчно пребудутъ подхолозы. – Безпристрастные потомки Увидятъ, Обрѣлъ ли Геній вашъ достойныхъ себя ревнителей? Сей свѣтозарный и Сладкогласный Геній, проложилъ Надежный путь въ Храмъ славы; опираясь на Вашу Лиру, Какъ на Адамантовый Жезль, можнобы Ново-рожденнымъ стихотворцамъ, путешествовать по обширной области Поэзїи, и хотя у предверія сего святилища опочить на Лаврахъ – но сїи высокоумные и Хвастливые Лже-поэты не хотятъ пѣшествовать по Проложенному Пути; Они подвязавъ Себѣ Крылья Икара, Желаютъ парить,

незнаемую Стезею, къ Лучезарному Храму безсмертія; взлетаютъ... и не достигнувъ до желаемой Высоты, падаютъ Стремглавъ!... ихъ Хрустальныя и Хрупкія Лиры, мгновенно сокрушившись въ дребезги раздробляются¹⁶.

Изъ письма Вашего Высокопревосходительства усматрѣлъ я, что Вашъ домашній Театръ безъ меня не Существуетъ. Сердечно сожалѣю о семъ, и благодарю, что Вы по благорасположенію Вашему ко мнѣ, вспомнили мое усердіе; – Вы изволили видѣть, сколь ревностно я исполнялъ Ваши приказанія. – Просвѣщеніе и въ Астраханскомъ Царствѣ соорудило великолѣпный Храмъ Таліи и Мелпоменѣ – по волѣ правителя Губерніи, и по Единодушному Желанію Любителей Здѣшняго Театра, я избранъ Главнымъ Директоромъ Драматическихъ увеселительныхъ Зрѣлищъ; мы имѣемъ довольно Хорошихъ Лицедѣевъ, искуснаго Живописца и Капельмейстера; Здѣсь представляютъ Оперы, Трагедіи, Комедіи и Драмы¹⁷. – Наши ложи наполнены Персіянами, Индейцами, Бухарцами, и Калмыками; разноцвѣтная

¹⁶ Домашний театр в доме Державиных был построен в конце 1790-х годов. Актерами были обитатели дома Державиных и их друзья, иногда ими руководили профессиональные актеры, например, А.С. Яковлев и И.А. Дмитриевский. Попасть в державинский домашний театр можно было только из парадного зала, где проводились встречи «Беседы любителей русского слова». Театр занимал в жизни «Беседы» особую роль. Среди членов общества присутствовали известные драматурги (Шаховской, Крылов, Николев, С.В. Капнист, Н.И. Ильин, Н.Р. Судовщиков, С.И. Висковатов). Из публикуемого письма следует, что и Брежинский принимал активное участие в деятельности театра, однако проследить, кого именно имеют в виду в своих письмах Брежинский и Державин, не представляется возможным. Учитывая, что Брежинский упомянул неких «новорожденных стихотворцев», можно сделать предположение о том, что он имеет в виду кого-то из новых членов «Беседы».

¹⁷ В 1815 г. Брежинский уволился из Горного кадетского корпуса, в котором с 1806 г., основываясь на поэтике Баттё, вел курс словесности, и поступил на службу в Экспедицию астраханских соляных промыслов Министерства финансов. По всей видимости, опыт Брежинского в написании торжественных од, знакомство с театральной деятельностью по обществу «Беседа любителей русского слова», участие в постановках в домашнем театре Державина, а также, не исключено, хорошие личные связи Брежинского повлияли на решение, принятое «правителем губернии», и подтолкнули его к идее назначить Брежинского главным директором драматических увеселительных зрелищ. (Следует отметить, что в описи № 2 к фонду 247, где хранятся материалы Державина, письма Брежинского имеют следующее описание: «Приезд в Астрахань; воспоминание о походах Петра I; отзывы читателей о стихах Г.Р. Державина; назначение А. Брежинского директором астраханского театра» [Павлова 2013: 125], – что несколько вводит в заблуждение, поскольку Брежинский не был директором театра, он имел другую должность: «главный директор драматических увеселительных заведений» (см.: [Танеев, 1885: 7–10]). Вероятнее всего, речь идет об Астраханском драматическом театре, старейшем в России. Он был основан 12 декабря 1810 г., организатором и первым руководителем был отставной подпоручик Андрей Грузинов, который проработал в театре до 1818 г.: можно предположить, что пути Брежинского и Грузинова пересеклись. В 1811 г. зрителю было представлено более сорока постановок: ставились пьесы Фонвизина, Княжнина, Бомарше, Мольера. Театр быстро стал популярен, став культурным центром Нижнего Поволжья и Юга России.

пестрота ихъ пышныхъ одѣяній и богатыхъ убранныхъ, привлекая Зрѣніе возбуждаетъ Любопытство.

Родной братъ мой, служащій въ Арміи Генераль Маіоромъ и Состоящій по 27-й Девизіи Бригаднымъ Начальникомъ, Отпущень къ Кавказскимъ Минеральнымъ источникамъ, для изцѣленія ранъ, полученныхъ имъ на Полѣ чести и Славы; Онъ скоро прибудетъ на Кавказъ, Куда и Меня Гласомъ дружбы и родства призываетъ, для радостнаго Свиданія и для того, дабы вкупѣ насладится благотвореніемъ и Красотою величественной природы; я вознамѣрился удовлетворить его Справедливое Желаніе. Въ наступающемъ мѣсяцѣ оставляю Астрахань и Уповаю у цѣлительныхъ водъ прожить все лѣто.

Милостивый Государь!
Вашего Высокопревосходительства,
Всепокорнѣйшій Слуга

Апреля 21го дня
1816го Года.
Г. Астрахань

Андрей Брежинскій

Ея Высокопревосходительству, Милостивый Государынѣ Даріи Алексѣевнѣ, Свидѣтельству достодолжное Мое Высокопочитаніе.

Воспоминания о жизни Державина дошли до нас из различных источников [Морозова, 2017: 95], чрезвычайно обширны материалы по казанской переписке Державина [Карташева, 2015: 48–54], однако за 1816 год, последний год жизни Державина, писем сравнительно мало. В основном это деловая переписка: Державин хлопочет об имении, давая В.В. Капнисту распоряжения, об издании своих сочинений в дорогом оформлении (письмо Н.И. Уткина от 22 мая 1816 г.). О неугасающем интересе Державина к творческой деятельности свидетельствуют письма Жуковского от 29 июня 1816 г. и Евгения Болховитинова от 7 июля 1816 г. Письма Брежинского выделяются своим неповторимым колоритом и позволяют представить Державина таким, каким он виделся современникам, не входившим в ближний круг поэта.

Список литературы

1. *Альтишуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.
2. *Альтишуллер М.Г., Лотман Ю.М.* А.П. Брежинский // Поэты 1790–1810-х годов / Под ред. Ю.М. Лотмана. Л., 1971. С. 488–490.
3. *Бабкин Д.С.* А.Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. Л., 1966.
4. *Бондаренко Н.А.* Г.Р. Державин и В.В. Капнист в контексте межславянского диалога (по материалам переписки) // Г.Р. Державин и диалектика культур. Казань, 2014. С. 146–150.
5. *Брежинский А.П.* Послание к покойному Михаилу Ивановичу Козловскому, императорской Академии художеств профессору, который производил Суворова

- монумент, на открытие коего при сем приложена ода сочинителя сих же стихов. Санкт-Петербург, 1801 года // Друг просвещения, 1805. Ч. 2, апрель. С. 10–17.
6. Бычков А.Ф. О словарях русских писателей митрополита Евгения // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. 5, вып. 1. СПб., 1868. С. 217–289.
 7. Дзюбанов С.Д. Вельяминов, лир любитель, богатырь, певец в кругу... (неопубликованные письма друга Г.Р. Державина в контексте его биографии) // Державин и его время. 2017. № 13. С. 58–85.
 8. Зеленинская Ю.В. Письмо Г.Р. Державина из коллекции Государственного музея-заповедника «Петергоф» // Державин и его время. 2017. № 13. С. 24–34.
 9. Карташева Е.И. Казанские сюжеты переписки Г.Р. Державина // Михаил Муравьев и его время. Казань, 2015. С. 48–54.
 10. Кобак И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Вып. 2. СПб., 2012. С. 142–148.
 11. Морозова Н.П. Гавриил Романович Державин в воспоминаниях современников: публикации первой половины XIX века // Поэтика Г.Р. Державина и литературные диалоги. Казань, 2017. С. 95–98.
 12. Павлова Е.С. Материалы фонда «Г.Р. Державин» (ф. 247) в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Опись 2) // Г.Р. Державин и его время. Вып. 8. СПб., 2013. С. 104–166.
 13. Степанов В.П. Брежинский Андрей Петрович // Русские писатели, 1800–1917: биобиблиографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 325–326.
 14. Танеев С.В. Из прошлого императорских театров. Краткий исторический очерк. Вып. 1. 1725–1825. СПб., 1885.

Aleksandr Ratnikov, Olga Ratnikova

**G. DERZHAVIN AND HIS CONTEMPORARIES:
FROM THE CORRESPONDENCE OF G. DERZHAVIN
AND A. BREZHINSKIJ**

Moscow State Region University

24 Ul. Very Voloshinoj, Mytishi, Moscow region, Russia, 141014

Previously unpublished letters of G. Derzhavin and A. Brezhinsky for 1816 are published in order to reconstruct part of Derzhavin's inner circle at the end of his life, to replenish the source base and to reveal how the reader perceived Derzhavin's late work. Andrey Petrovich Brezhinsky (born in 1777 – died after 1843) who came from small-scale noblemen of a small Russian province and studied in the engineering gentry corps, in 1795, was released as an ensign in the Siberian Dragoon regiment, in 1799, was retired and from 1801 on, was on The Law Drafting Commission, where he had made an acquaintance with A. Radishchev. From 1804 to 1807, Brezhinsky was a librarian for P. Zubov. From a letter to Derzhavin, we learn that Brezhinsky was elected Chief Director of dramatic entertainment shows in Astrakhan in 1816. The deliberately grotesque nature of Brezhinsky's letters contrasts with Derzhavin's laconic and dry text, which gives the correspondence a somewhat ironic character and, at first glance, portrays Brezhinsky as a man trying to ingratiate himself with the famous poet. There is no doubt, however, that Brezhinsky sincerely and unselfishly

revered Derzhavin, hence, the abundance of bright hyperbolized poetic images in his letter. This is also due to the large size of his letters addressed to Derzhavin. The brevity of Derzhavin's letter can be explained not by neglect of the addressee, but by the state of the poet in the last year of his life.

Key words: G. Derzhavin; A. Brezhinskij; correspondence.

About the authors: *Aleksandr Ratnikov* – PhD Student, Moscow State Region University (e-mail: ratnikoff.alex@gmail.com); *Olga Ratnikova* – PhD Student, Moscow State Region University (e-mail: ratnikova0@gmail.com).

References

1. Al'tshuller M. *Beseda lyubitelej russkogo slova: U istokov russkogo slavyanofil'stva* [The Colloquy of Lovers of the Russian Word: at the Origins of Russian Slavophilism]. Moscow, *Novoje literaturnoje obozrenije* [The New Literary Review], 2007, 448 p. (In Russ.)
2. Al'tshuller M., Lotman Yu.A. Brezhinskij. Poety 1790–1810-x godov [A. Brezhinskij. Poets of the 1790–1810s]. Leningrad, *Sovetskij pisatel'* [Soviet Writer], 1971, pp. 488–490. (In Russ.)
3. Babkin D.A. *Radishchev. Literaturno-obshchestvennaya deyatel'nost'* [A. Radishchev. Literary and Social activities]. Leningrad, *Nauka* [Science], 1966, 362 p. (In Russ.)
4. Bondarenko N. *Derzhavin G. i Kapnist V. v kontekste mezhslavyanskogo dialoga (po materialam perepiski)* [G. Derzhavin and V. Kapnist in the Context of Inter-Slavic Dialogue (Based on Correspondence)]. *G. Derzhavin i dialektika kul'tur* [G. Derzhavin and the Dialectics of Cultures]. Kazan', 2014, pp. 146–150. (In Russ.)
5. Brezhinskij A. *Poslanie k pokojnomu Mikhailu Ivanovichu Kozlovskomu, imperatorskoj Akademii khudozhestv professoru, kotoryj proizvodil Suvorova monument, na otkry'tie koego pri sem prilozhena oda sochinitelya sikh zhe stikhov. Sankt-Peterburg, 1801 goda* [An Epistle to the Late Mikhail Ivanovich Kozlovsky, a Professor at the Imperial Academy of Arts who Produced the Suvorov Monument, the Opening of Which Is Accompanied by an Ode by the Writer of the Same Poems. Saint-Petersburg, 1801.] *Drug prosveshheniya* [Drug prosveshheniya], Saint-Petersburg, 1805, 2, April, pp. 10–17. (In Russ.)
6. By'chkov A. *O slovaryakh russkix pisatelej mitropolita Evgeniya* [Russian Writers' Dictionaries by Metropolitan Yevgeny] *Sbornik statej, chitanny'kh v Otdelenii russkogo yazy'ka i slovesnosti imp. Akademii nauk*. [Collection of Articles Read in the Department of Russian Language and Literature of the Imp. Academy of Sciences], Saint-Petersburg, 1868. V.5, 1, pp. 217–289. (In Russ.)
7. Dzyubananov S. *Vel'yaminov, lir lyubitel', bogatyr', pevec v krugu... (neopublikovannyye pis'ma druga G. Derzhavina v kontekste ego biografii)* [Velyaminov, an Admirer of Lyres, Athlete, Singer in the Circle... (Unpublished Letters of G. Derzhavin's Friend in the Context of his Biography)]. *Derzhavin i ego vremya* [Derzhavin and his Time], 2017, 13, pp. 58–85. (In Russ.)
8. Zelenyanskaya Yu. *Pis'mo G. Derzhavina iz kollekcii Gosudarstvennogo muzej-zapovednika "Peterhof"* [The Letter of G. Derzhavin from the Collection of the State Museum-Reserve 'Peterhof']. *Derzhavin i ego vremya* [Derzhavin and his Time], 2017, 13, pp. 24–34. (In Russ.)
9. Kartasheva E. *Kazanskije syuzhety perepiski G. Derzhavina* [Kazan Subjects of G. Derzhavin's Correspondence]. *Mihail Murav'ev i ego vremya* [Mikhail Muravyov and his Time], 2015, pp. 48–54. (In Russ.)
10. Kobak I. *Pis'ma kak istoricheskij istochnik: zadachi i priemy izucheniya* [Letters as a Historical Source: Problems and Methods of Study]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

universiteta [Bulletin of the Saint-Petersburg University]. *Istoriya* [History], Saint-Petersburg, 2012, 2, pp. 142–148. (In Russ.)

11. Morozova N. *Gavriil Romanovich Derzhavin v vospominaniyah sovremennikov: publikacii pervoj poloviny XIX veka* [Gavriil Romanovich Derzhavin in Contemporaries' Memoirs: Publications of the First Half of the XIX century]. *Poehtika G. Derzhavina i literaturnye dialogi* [G. Derzhavin's Poetics and Literary Dialogues], 2017, pp. 95–98. (In Russ.)
12. Pavlova E. *Materialy` fonda "G. Derzhavin" (f. 247) v Otdel rukopisej Rossijskoj Nacional'noj biblioteki (Opis` 2)* [Materials of the G. Derzhavin Foundation (f. 247) in the Department of manuscripts of the Russian National library (Inventory 2)]. *G. Derzhavin i ego vremya* [Derzhavin and his Time]. Saint-Petersburg, 2013, 8, pp. 104–166. (In Russ.)
13. Stepanov V. *Brezhinskij Andrej Petrovich* [Brezhinskij Andrej Petrovich]. *Russkie pisateli, 1800–1917: biobibliograficheskij slovar`* [Russian Writers, 1800–1917: a Biobibliographic Dictionary]. Moscow, 1989, 1, pp. 325–326. (In Russ.)
14. Taneev S. *Iz proshlogo imperatorskix teatrov. Kratkij istoricheskij ocherk. 1725–1825* [From the Past of the Imperial Theatres. A Brief Historical Sketch. 1725–1825]. Saint-Petersburg, 1885. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Петрухина, Е.Н. Ремчукова

**УЛУХАНОВ И. С. ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА. Т. 1, 2. М.:
АЗБУКОВНИК, 2015; 2017. 330 с.; 432 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Российский университет дружбы народов

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В рецензии представлена изданная в двух томах монография известного исследователя русского словообразования И.С. Улуханова, посвященная описанию словообразовательной системы русского глагола. В первом томе описаны глаголы, мотивированные именами и междометиями, во втором – глаголы, мотивированные глаголами. Системный метод в данном исследовании комбинируется с ономаσιологическим и функциональным. При описании некоторых словообразовательных типов применяется также исчислительно-объяснительный метод, позволяющий определить все потенциальные глаголы и объяснить их реализацию или нереализацию в речи, что вносит большой вклад в русскую неологию.

Ключевые слова: словообразование; глагол; мотивированный; словообразовательный тип; окказионализм; исчислительно-объяснительный метод.

В рецензируемой монографии известного лингвиста И.С. Улуханова, труды которого внесли значительный вклад в развитие русистики, представлено полное описание системы словообразовательных типов, словообразовательной семантики и формальных средств образования глаголов в русском языке. Один из авторов раздела «Словообразование» в академической грамматике русского языка [Русская грамматика, 1980] И.С. Улуханов продолжил исследование словообразовательной системы русского языка, проводившееся в его многочисленных, более ранних, публикациях [Улуханов, 1996; 2005; 2012]. Системный семасиологический подход в его работах комбинируется с ономаσιологическим и функциональным, при этом большое внимание уделяется окказиональному словообразованию, которое играет важную роль в современном русском языке, расширяя свое пространство за счет развития медийной сферы и Интернета.

В обоих томах исходное деление мотивированных глаголов проводится по способам словообразования – чистым (суффиксальным и префиксаль-

Петрухина Елена Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com).

Ремчукова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН (e-mail: remchukova.lena@yandex.ru).

ным) и смешанным (префиксально-суффиксальным, суффиксально-префиксальным и др.). Глаголы каждого словообразовательного способа делятся на семантические группы, а затем на словообразовательные типы, классификация которых, в отличие от более ранних авторских классификаций словообразовательных типов, отражает их объединение на основе сходной семантики. Например, во втором томе в разделе 2.1.1 рассматриваются глаголы со значением направленности к чему-либо, приближения, присоединения, добавления: с префиксами *до-* (*добрести, добежать, добросить*); *над-/надо-* (*надстроить дом, надвязать, надить*); *под-/подо-* (*подойти, подвести, подгрести*); *при-* (*приехать, пританцевать, пригнать*) и др. Такой ономасиологический принцип наглядно демонстрирует разные способы выражения сходных словообразовательных значений.

И.С. Улуханов большое внимание уделяет функционированию мотивированных глаголов в тексте и влиянию на семантику глаголов их ближайшего окружения. Так показано, что мотивация отадективных глаголов с формантами *о-* + *-и-*, *у-* + *-и-* и др. зависит от контекстного окружения. Например, мотивация глаголов типа *осложнить* зависит от наличия / отсутствия в сочетании с данным глаголом показателей неопределённой (*ещё, значительно, незначительно* и др.) или предельной (*крайне, предельно, окончательно, совсем*) степени приобретения признака. Если при глаголе подобных слов нет (контекстно независимая, или сильная, позиция), то глагол *осложнить* (например, в предложении *Это осложнило нашу задачу*) не содержит информации, стала ли задача сложной или только сложнее. Конкретизация этого значения происходит в контекстно-зависимой позиции: в сочетании со словами *легко, значительно* глагол *осложнить* означает 'делать сложнее' (т.е. мотивируется сравнительной степенью прилагательного), а в сочетании со словами *предельно, крайне* глагол означает 'делать сложным', т.е. мотивируется положительной степенью прилагательного.

Анализ большого количества контекстов употребления глаголов выявляет особенности функционирования изучаемой лексики и степень продуктивности типов и словообразовательных формантов. Большое число окказионализмов, почерпнутых из текстов последних десятилетий (начиная с 1970-х годов и кончая современностью), доказывает появление и активное функционирование новых словообразовательных типов (в основном смешанных) и новых формантов.

В монографии также применяется «исчислительно-объяснительный» метод описания русского словообразования, детально разработанный ранее, в частности [Улуханов, 1996]. Данный метод позволяет исчислить все возможные потенциальные единицы глагольной словообразовательной подсистемы, сопоставить узуальные и окказиональные производные и предсказать основные направления деривации окказионализмов. Например, с помощью упомянутого выше метода в 3-й главе первого тома исчислены все потенциально возможные комбинации префиксов *пере-* и *раз-* и суффикса *-и-* в префиксально-суффиксальных формантах *пере-* + *-и-*, *раз-* + *-и-* и выявлены причины реализации / нереализации данных моделей в узуальной и окказиональной лексике. Так, математически возможно 45 комбинаций пяти значений префикса *раз-* с девятью значениями суффикса *-и-*. Из них в узуальной лексике реализовано семь (т.е. примерно 15%) комбинаций, в

окказиональной – еще пять. В книге рассматривается каждая из реализованных комбинаций (с. 281) и возможности реализации нереализованных комбинаций. Из 90 математически возможных комбинаций десяти значений префикса *пере-* и девяти значений суффикса *-и-* узואльно реализовано семь комбинаций и окказионально – одна. Столь же детально рассматриваются возможности и других комбинаций.

Детально в монографии описаны все морфонологические явления, сопровождающие образование глаголов. При этом выявлены не описанные ранее зависимости между свойствами мотивирующего слова и местом ударения мотивированных глаголов. Большое внимание уделено обратным способам словообразования – десуффиксации, депрефиксации, декомпозиции и др. (т. I, с. 90–105; т. II, с. 260–273). Эти типы представляют собой результат лексического заполнения потенциально возможных пустовавших клеток глагольной словообразовательной системы.

И.С. Улуханов обосновал возможность разнонаправленных производных отношений не только в дискурсе, но и в самой словообразовательной системе, разделив транспозиционные словообразовательные значения на прямые (*читать* – *чтение*, *белый* – *белизна*) и обратные. Введенный автором термин «обратная транспозиция» употребляется по отношению к таким словообразовательным парам, как *салют* – *салютовать* и *мужество* – *мужественный*. Существительные – названия действия и признака, выступают здесь в качестве мотивирующих по отношению к глаголам (т. I, с. 75–77). Обратная транспозиция реализуется тогда, когда имя существительное не мотивировано глаголом или прилагательным. В противном случае речь не идет об обратной транспозиции, так как мотивированное слово приобретает дополнительные элементы значения, например: *монтировать* – *монтаж* – *монтажничать*, где глаголы на *-ничать*, в отличие от *монтировать*, содержат компонент ‘заниматься чем-н.’ и не указывают на наличие объекта действия; *влажный* – *влажность* – *влажностный*, где *влажностный*, в отличие от *влажный*, «употребляется в специальных стилях и означает ‘характеризующийся определенной влажностью’ (*влажностный режим*, *влажностная характеристика*)» (т. I, с. 6).

Считаем необходимым обратить внимание на соотношение терминов «мотивированность» и «производность». Последний термин в анализируемой монографии И.С. Улуханова, посвященной синхронному словообразованию, практически не используется, так как термин «производность» автор связывает исключительно с историей образования слова, которая часто не тождественна синхронным словообразовательным отношениям, подробнее об этом см. [Улуханов, 2005: 23]. Однако отдельные употребления термина «производность» в общепринятом смысле (так, как он понимается, например, в [Винокур, 1946: 317]), в монографии все же встречаются (с. 226, 234 и др.).

В заключении второго тома И.С. Улуханов называет проблемы глагольного словообразования, нуждающиеся в дополнительном изучении, в частности, исследование синонимичных словообразовательных типов и разного рода ограничений в образовании глаголов. Большие перспективы

связываются с возможностью корпусных и более обширных статистических исследований словообразования (в монографии количественные данные приводятся преимущественно в связи с префиксацией глаголов).

Таким образом, монография И.С. Улукханова «Глагольное словообразование современного русского языка» (в двух томах) демонстрирует возможности и перспективы комплексного изучения русского словообразования, а также новые подходы в решении традиционных вопросов. В ней системный аспект исследования сочетается с функционально-ономасиологическим, а полнота описания словообразовательных типов глаголов – с большим объемом проанализированного языкового материала. Большое внимание к окказиональной глагольной лексике позволяет И.С. Улукханову исследовать те свойства русской словообразовательной системы, которые обеспечивают огромный словотворческий потенциал русского языка.

Список литературы

1. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. V. Вып. 4. М., 1946.
2. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
3. Улукханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами. М., 2017.
4. Улукханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М., 2015.
5. Улукханов И.С. Словообразование. Морфонология. Лексикология. М., 2012.
6. Улукханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
7. Улукханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Elena Petrukhina, Elena Remchukova

**ULUKHANOV I. S. VERBAL WORD FORMATION
OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.**

V. 1, 2. M.: AZBUKOVNIK, 2015, 2017. 330 p.; 432 p.

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198*

The review presents a two-volume monograph on the word-formation system of the Russian verb by the famous researcher I.S. Ulukhanov. The first volume describes verbs motivated by names and interjections. The second volume describes verbs motivated by verbs. This study combines the systemic method with the onomasiological and functional methods. The enumerative and explanatory method is also used in the description of some word-formation types, making it possible to identify all potential verbs and explain their implementation or non-implementation in speech, which contributes greatly to Russian neology studies.

Key words: word formation; motivated; word-formation type; nonce word; enumerative and explanatory method.

About the authors: *Elena Petrukhina* – Prof. Dr., Department of Russian Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com); *Elena Remchukova* – Prof. Dr., Department of General and Russian Linguistics, RUDN University (e-mail: remchukova.lena@yandex.ru).

References

1. Vinokur G.O. Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu [Notes on Russian word formation] // *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. M., 1946. T. V. Vyp. 4. (In Russ.)
2. *Russkaya grammatika*. [Russian grammar] T. I. M.: Nauka, 1980. (In Russ.)
3. Uluhanov I.S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka*. [Verbal word formation of the modern Russian language] T. 2: Glagoly, motivirovannyye glagolami. M.: Azbukovnik, 2017. (In Russ.)
4. Uluhanov I.S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka*. [Verbal word formation of the modern Russian language] T. 1: Glagoly, motivirovannyye imenami i mezhdometiyami. M.: Azbukovnik, 2015. (In Russ.)
5. Uluhanov I.S. *Slovoobrazovanie. Morfonologiya. Leksikologiya*. [Word formation. Morphology. Lexicology] M.: Logos, 2012. (In Russ.)
6. Uluhanov I.S. *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka*. [Motivation in the word formation system of the Russian language] M.: Librokom, 2005. (In Russ.)
7. Uluhanov I.S. *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ih leksicheskaya realizatsiya*. [Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical realization] M.: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 1996. (In Russ.)

Е.Л. Бархударова, М.В. Фокина

**СОВРЕМЕННАЯ ДИДАКТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА /
LENKA ROZBOUDOVÁ, JAKUB KONEČNÝ.
PRAHA: KAROLINUM, 2018. 120 s.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии представлена монография Л. Розбодовой и Я. Конечного «Современная дидактика русского языка как второго иностранного: языковые средства», посвященная анализу различных аспектов преподавания русского языка в чешской образовательной среде. Работа представляет интерес для широкого круга читателей – специалистов в области преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; лингводидактика; родной язык; изучаемый язык; иноязычная аудитория.

Несмотря на неустойчивую геополитическую ситуацию, интерес к русскому языку неуклонно растет не только в мире в целом, но и в странах Евросоюза. Об этом свидетельствуют труды в области русистики, выходящие в последнее время за рубежом. Один из них – монография Ленки Розбодовой и Якуба Конечного «Современная дидактика русского языка как второго иностранного: языковые средства», изданная в конце 2018 г. в Карловом университете в Праге. Монография представляет собой первый том фундаментального трехтомного издания, посвященного рассмотрению различных аспектов обучения русскому языку как иностранному в чешской языковой среде.

Исследование выстроено, во-первых, на основе учета чешского языка как родного, оказывающего влияние на изучаемый русский, и, во-вторых, с опорой на результаты анализа специфики обучения русскому языку как второму иностранному в чешской языковой среде. Как известно, учет родного языка в национально ориентированных курсах является необходимым условием обучения и лежит в основе большинства лингвометодических

Бархударова Елена Леоновна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: e.barhudarova@mail.ru).

Фокина Мария Владимировна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mfokina@list.ru).

исследований. Что касается рассмотрения особенностей обучения русскому языку как иностранному в Чехии, обусловленных влиянием чешской образовательной среды, то эта проблема представляет большой интерес, так как экстралингвистические факторы учебного процесса не так часто исследуются в лингводидактике.

Особое место в книге занимает история изучения русского языка в Чехии. Ценно, что авторы ставят целью познакомить с ней именно русского читателя, поскольку освещают реалии, которые понятны в Чехии, но абсолютно неизвестны в России. Русский язык занимает в чешской школе положение второго иностранного наряду с немецким и французским. Важным фактором, способствующим значительному увеличению числа изучающих его школьников, стало введение в Чехии с 2013/2014 учебного года обязательного второго иностранного языка. Чехи могут выбрать русский язык как второй иностранный в начальной школе (чешская начальная школа продолжается девять лет и предполагает обучение с шести до 15 лет) и в средней школе, обучение в которой независимо от ее типа занимает следующие четыре года вплоть до девятнадцатилетнего возраста.

К несомненным достоинствам работы можно отнести подробное рассмотрение процесса обучения русскому языку в чешской школе в контексте нормативных образовательных документов. Речь идет в первую очередь об «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком» – документе, определяющим современное обучение иностранным языкам в Европе. Обучение русскому языку, таким образом, рассматривается в монографии в русле общеевропейских тенденций в области образования, что отражает реальную ситуацию в Чехии. В частности, при оценке уровня владения языком в чешских школах используется шкала общеевропейских уровней владения: учащиеся начальной школы должны освоить язык на уровне A1, учащиеся средней – на уровне B1, на этом же уровне сдается часть государственного экзамена на аттестат зрелости. Не менее важным является представление в монографии внутренних чешских образовательных документов, на основе которых разрабатываются школьные программы обучения русскому языку в стране.

В книге как в традиционном плане, так и новаторски освещены все основные аспекты преподавания русского языка в иноязычной аудитории – фонетика, лексика, грамматика, развитие речи. Рассмотрение каждого из аспектов включает лингвистическую и методическую составляющие части.

Исключительно важно, что помимо расхождений авторы анализируют сходства в фонетических, лексических и грамматических системах русского и чешского языков и уделяют этому вопросу много внимания. Таким образом, наряду с результатами интерференции в различных областях рассматриваются возможности положительного переноса особенностей системы родного языка на изучаемую. Данной проблематике обычно уделяется мало внимания в трудах лингводидактического характера, поскольку считается, что при наличии сходств в «контактирующих» языках положительный перенос осуществляется «автоматически». На самом деле, в ходе освоения

иностранного языка крайне важно обратить внимание учащихся на сходства в его системе с системой их родного языка. Это в значительной мере облегчает процесс обучения и позволяет свести к минимуму или даже совсем избежать явлений гиперкоррекции, когда учащиеся стремятся к тому, чтобы «чужая» система ничем не походила на родной язык.

Кроме того, следует иметь в виду, что учет сходств «контактирующих» систем необходим для грамотного расположения учебного материала «от простого к сложному». Наконец, наряду с полным сходством в родном и изучаемом языках могут иметься частичные и «мнимые» сходства, которые также необходимо учитывать в процессе преподавания. Сказанное касается прежде всего близкородственных языков – таких, как русский и чешский.

Надо сказать, что констатация явлений «мнимого» сходства особенно важна в процессе обучения иностранному языку, так как вопреки общепринятому мнению эти явления могут не только затруднять, но и облегчать процесс обучения. Безусловно, авторы рецензируемой книги придерживаются именно этой точки зрения, так как в процессе изучения русской корреляции твердых и мягких согласных предлагают опираться на противопоставление чешских палатальных непалатальным (с. 74). Как известно, фонологически русская палатализованность и чешская палатальность – абсолютно разные категории: палатальные входят с другими согласными в противопоставление по месту образования, образуя среднеязычный локальный ряд, а палатализованные – в противопоставление по наличию/отсутствию палатализации. Однако артикуляционно палатализованные звуки русского языка и палатальные звуки в некоторых иноязычных системах могут характеризоваться сходством, которое целесообразно использовать в процессе обучения иностранцев русскому произношению.

В целом детальное рассмотрение фонетического аспекта в общей системе преподавания русского языка как иностранного следует отнести к достоинствам книги. Как известно, звучащая речь далеко не всегда бывает в центре внимания в изданиях лингводидактического характера. Важно, что в ходе анализа методики формирования слухопроизносительных навыков у чешских учащихся авторы последовательно разграничивают артикуляционную и функциональную фонетику, а также подчеркивают необходимость изучения позиционных закономерностей звукового строя русского языка, которые в настоящее время недостаточно хорошо отражены в чешских учебниках и учебных пособиях (с. 74). Несомненный интерес представляет данное в книге Л. Розбодовой и Я. Конечного сопоставление графических средств русского и чешского языков, что особенно значимо, когда речь идет о близкородственных языках.

Данный в конце книги список литературы представляется полезным для всех, кто занимается проблемами преподавания языков. В нем отражен общий принцип построения монографии: с одной стороны, опора на традиции и проверенные временем труды и концепции, с другой – ориентация на современность, новые подходы, на реальную ситуацию в образовательной

среде и стремление вписать лингвометодическую модель обучения чехов русскому языку в общеевропейский образовательный тренд.

Некоторые положения книги кажутся дискуссионными. Так, неоправданной представляется констатация приоритета лексики над грамматикой в процессе преподавания русского языка иностранцам. Авторы считают, что «лексика важнее грамматики с точки зрения коммуникативных целей, особенно на начальном этапе обучения...» (с. 46). Между тем, как показано в трудах Л.В. Щербы, именно знание грамматического строя языка обеспечивает процесс коммуникации. Подчеркивая значимость грамматики в системе преподавания иностранного языка, Л.В. Щерба в полемическом запале писал: «Пародируя знаменитое изречение Суворова – “пуля-дура, штык-молодец”, можно было бы сказать, что “лексика – дура, грамматика – молодец”... при желании овладеть тем или иным иностранным языком, изучение в первую голову его слов никак не может привести к цели» [Щерба, 2002: 79]. В искусственно созданной ученым фразе *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка* все корневые морфемы лишены значения, однако наличие реально функционирующих в русской грамматике служебных морфем делает смысл фразы понятным.

Следует, правда, оговориться, что приоритет лексики над грамматикой в монографии, скорее, декларируется, нежели соблюдается. Авторы уделяют грамматике достаточно много внимания: последовательно сопоставляют русские и чешские грамматические средства, обозначают основные трудности русской грамматики для чехов и области возможной опоры на родной язык при изучении грамматики, разграничивают активную и пассивную грамматику, выделяют грамматический минимум.

Методически нецелесообразным кажется в книге отрыв раздела, посвященного обучению графике и орфографии, от фонетического раздела. Как известно, связь буквы и звука в русском языке является настолько сложной и одновременно важной, что в науке ведутся споры об основном принципе русской орфографии, который в зависимости от научных воззрений исследователя определяется и как морфологический, и как фонематический. В связи с этим помещение раздела о графике и орфографии после грамматического, а не после фонетического раздела вызывает вопросы. Можно также отметить неудачные формулировки и опечатки преимущественно пунктуационного характера (например, точки перед кавычками), что, однако, вполне объяснимо, если вспомнить, что книга написана авторами не на родном языке. В любом случае замечания, которые сделаны или могут быть сделаны, не сопоставимы с глубиной и серьезностью представленного в монографии анализа в области лингводидактики.

Выход в свет исследования такого уровня, как книга Л. Розбуждовой и Я. Конечного, следует оценить как значимое событие в зарубежной русистике и методике преподавания иностранных языков. Монография, несомненно, будет интересна широкому кругу читателей – как преподавателям, так и студентам, ориентированным на изучение самых разных аспектов преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Щерба Л.В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Elena Barkhudarova, Maria Fokina

**MODRENÍ DIDAKTIKA RUŠTINY JAKO DALŠÍHO CIZÍHO
JAZYKA: JAZYKOVÉ PROSTŘEDKY /
LENKA ROZBOUDOVÁ, JAKUB KONEČNÝ.
PRAHA: KAROLINUM, 2018. 120 s.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 199991*

The review represents the monograph on Russian language teaching in Czech learning environment by Lenka Rozboudová and Jakub Konečný “Modern didactics of Russian as a foreign language: linguistic means”. The book is of interest both to specialists or non-specialists who take interest in the teaching of Russian as a foreign language.

Key words: Russian as a foreign language; language education; first language; target language; foreign-language audience.

About the authors: *Elena Barkhudarova* – Prof. Dr., Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: e.barkhudarova@mail.ru); *Maria Fokina* – PhD, Teaching Fellow, Department of Russian for Foreign Students of Humanities, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mfokina@list.ru).

References

1. Shcherba L.V. *Prepodavanie jazikov v shkole: Obshchie voprosi metodiki*: Ucheb. posobie dlya stud. philol. fac. 3 izd., ispr. i dop. M., 2002.

Е.М. Чекалина

**У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ СКАНДИНАВИСТИКИ:
ПОРТРЕТЫ ФИЛОЛОГОВ И ПЕРЕВОДЧИКОВ.
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ /
ПОД РЕД. Е. ДОРОФЕЕВОЙ. СПб.: КОЛО, 2018. 380 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензируемая книга посвящена истории изучения и преподавания языков и литературы скандинавских стран и Финляндии, а также переводов скандинавской литературы на русский язык. Книга открывается очерком редактора и составителя об основных научных и прикладных направлениях развития скандинавской и финно-угорской филологии в нашей стране начиная с XIX в. Основной корпус книги состоит из словесных портретов филологов, стоявших у истоков изучения и преподавания языков и литературы скандинавских стран и Финляндии, а также переводчиков скандинавской художественной литературы. Они представлены в двух жанрах – в воспоминаниях об ушедших в разные годы наставниках и учителей и в интервью, взятых учениками и коллегами у своих старших современников.

Ключевые слова: скандинавская и финно-угорская филология; преподавание скандинавских и финского языков; художественный перевод.

В 2018 г. в Санкт-Петербургском издательстве «Коло» вышла большая книга об истории скандинавистики и финно-угроведения в нашей стране, инициатором и составителем которой стала выпускница филологического факультета МГУ Елена Дорофеева. Включение данных об отечественных специалистах, занимавшихся вопросами финского языка и литературы, представляется вполне оправданным и обусловлено прочными историческими и культурными связями Финляндии с Россией и столь же прочными связями этой страны с Швецией, способствовавшими ее органической близости к скандинавской культуре, несмотря на отсутствие языкового родства. Это в первую очередь связано с тем, что в Финляндии шведский язык всегда был и остается вторым государственным языком, на протяжении долгого времени игравшим важную роль в развитии культуры и литературы этой страны, несмотря на незначительную долю его носителей.

Галерею словесных портретов филологов и переводчиков, стоявших у истоков изучения и преподавания языков и литературы скандинавских стран и Финляндии, предваряет подробный очерк редактора и составителя книги

Чекалина Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: etchl@yandex.ru).

об основных направлениях развития филологии, состоящий из пяти частей. Первая часть посвящена выдающимся филологам и переводчикам XIX в., впервые применившим научный подход к изучению и творческому освоению языков, литературы и культуры северных соседей России. В контексте общей истории и культуры скандинавских стран и Финляндии понятной становится особая значимость научных трудов и переводов Я.К. Грота, созданных в годы его работы в Императорском Александровском университете в Гельсингфорсе, где он заведовал кафедрой русского языка и словесности. Статьи Я.К. Грота о скандинавской истории и литературе, а также его переводы и пересказы произведений скандинавских и финских писателей того времени, опубликованные в журнале «Современник», имели большую культурно-просветительскую ценность и вошли позднее в первый том собрания его трудов [Грот, 1898]. Особое место в истории отечественной скандинавистики занимает его статья «Очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов», предваряющий его перевод поэмы крупнейшего представителя шведского романтизма Э. Тегнера «Сага о Фригьофе», получившей в русском издании название «Фригьоф. Скандинавский богатырь» (1841), отзыв на который был написан В.Г. Белинским [Грот, 1996].

Священник русской посольской церкви в Копенгагене Стефан Карпович Сабинин стал автором первой русской грамматики исландского языка (1849) [Жаров, 2004]. Романтическая увлеченность Скандинавией вдохновила музыковеда Софью Свириденко (настоящее имя София Александровна Свиридова) на создание полного стихотворного перевода «Старшей Эдды», который получил в 1911 г. главный приз Императорской Академии наук [Смирницкая, 1999]. Первый том русской Эдды «Песни о божествах» вышел в свет в 1917 г. в московском издательстве Сабашниковых и в наше время был переиздан [Старшая Эдда, 2016].

В остальных разделах по хронологическому и географическому принципу излагается краткая история изучения и преподавания скандинавских языков в научных центрах и высших учебных заведениях Ленинграда и Москвы (часть 2), история изучения скандинавской литературы (часть 3), а также краткая история преподавания финского языка и литературы (часть 4). Здесь содержатся важные для отечественной филологии факты о глубоком научном интересе выдающихся языковедов к финно-угорским языкам – Ф.Е. Корша, владевшего финским и венгерским языками, Ф.Ф. Фортунатова как специалиста в области карельских диалектов и фонетики карельского языка, А.И. Соболевского, изучавшего проблемы исторической этнографии и топонимики финно-угорских языков, А.А. Шахматова, известного в отечественном финно-угроведении как автора «Мордовского этнографического сборника» (1910), избранного в 1911 г. действительным членом Финно-угорского общества в Гельсингфорсе.

Основной корпус книги составляют живые портреты, по-разному рисующие характеры и судьбы людей, заложивших основы изучения и преподавания языков и литератур скандинавских стран и Финляндии, а также переводчиков скандинавской художественной литературы. Эти портреты написаны их учениками и последователями и представлены в двух жанрах – воспоминаний об ушедших в разные годы наставниках и учителях и интервью, взятых учениками и коллегами у своих старших современников.

Особая ценность и притягательность книги состоит в том, что она пронизана теплом от души написанных или сказанных в неформальном разговоре человеческих слов. Созданные разными по возрасту и темпераменту людьми портреты ученых, педагогов и переводчиков оживают перед глазами читателя в деталях живого человеческого общения. Отмечая объективно признанные заслуги и достижения своих учителей и наставников, авторы воспоминаний часто обращаются к дорогим для них деталям личных встреч, которые сохраняют живую память о человеке. Именно из этих, порой неожиданных в академическом контексте деталей создается для читателя живой образ тех, кому посвящена книга. Не менее интересны и увлекательны воспоминания о талантливых переводчиках, познакомивших отечественных читателей с произведениями классической и современной скандинавской литературы. Рассказанное в коротких воспоминаниях и интервью объединено общей идеей связи времен и преемственности поколений. Особую теплоту придает книге большая подборка уникальных фотографий разных лет, на которых запечатлены ее многочисленные персонажи.

Список литературы

1. *Грот Я.К.* Из Скандинавского и Финского мира. Труды Я.К. Грота: В 5 т. Т. 1 / Под ред. проф. К.Я. Грота. СПб., 1898. 1071 с.
2. *Грот Я.К.* Очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов // Тегнер Э. Фритьоф Смелый. М., 1996. С. 1–10.
3. *Жаров Б.С.* Первая русская грамматика исландского языка Стефана Сабинина // Скандинавская филология. Вып. 7. Межвузовский сборник к 75-летию В.П. Беркова. СПб., 2004. С. 26–34.
4. *Смирницкая О.А.* Софья Свириденко и ее Эдда // Древнейшие государства Восточной Европы – 1999. М., 2001. С. 281–298.
5. Старшая Эдда: Песни о божествах. Скандинавский эпос / Пер. С. Свириденко. 4-е изд. М., 2016. 384 с.

Elena Chekalina

**THE DAWN OF SCANDINAVIAN STUDIES IN RUSSIA:
PORTRAITS OF PHILOLOGISTS AND TRANSLATORS.
SAINT-PETERSBURG (ED. BY ELENA DOROFEEVA):
KOLO, 2018. 380 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 119991*

The book under review is concerned with the history of researching and teaching the languages and literatures of Scandinavian countries and Finland as well as translations of Scandinavian literatures into Russian. The book opens with the editor's outline of the main scientific and applied strands in the development of Scandinavian and Finno-Ugric philology in Russia from the early 19th century. The book mainly consists of verbal portraits of philologists who stood at the origins of the processes in question. They are represented in memories of the late mentors and teachers and in interviews by students and colleagues of their older contemporaries.

Key words: Scandinavian and Finno-Ugric philology; teaching of Scandinavian and Finnish languages; literary translation.

About the author: *Elena Chekalina* – Prof. Dr., Department of German and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etchl@yandex.ru).

References

1. Grot Ya.K. *From the Scandinavian and Finnish world*. The works of Ya. K. Grot in 5 vol. Ed. Prof. K.Ya. Grot. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1898. 1071 p.
2. Grot Ya.K. An outline of the daily life, religion and poetry of ancient Scandinavians. *Tegner E. Fritjof the Brave*. Moscow: Terra-Knizhnyy klub Publ., 1996, pp. 1–10.
3. Zharov B.S. The first Russian grammar of the Icelandic language by Stefan Sabinin. *Scandinavian philology. Issue 7. An interuniversity collection on the 75th anniversary of V.P. Berkov*. Saint-Petersburg: Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University, 2004, pp. 26–34.
4. Smirnitskaya O.A. Sofya Sviridenko and her Edda. *The earliest states of Eastern Europe – 1999*. Moscow: “Vostochnaya literatura” (Eastern literature) RAS Publ., 2001, pp. 281–298.
5. *Elder Edda: Songs about gods*. Scandinavian epic literature, transl. by S. Sviridenko. 4th ed. Moscow: URSS, 2016. 384 p.

А.Г. Степанов

**И В Л Е В А Т. КАК «СДЕЛАН» ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ТЕКСТ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ.**

М.: ФЛИНТА; НАУКА, 2018. 276 с.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Тверской государственный университет»

170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33

Построенная в форме бесед, книга Т.Г. Ивлевой раскрывает содержание основных теоретико-литературных понятий и помогает их профессиональному использованию на уроках литературы и университетских занятиях. Структура воспроизводит логику университетского курса «Введение в литературоведение»: литература как вид искусства, сущность поэтического языка, тропы и фигуры, роды литературы, сюжет и композиция, персонаж и автор, пространство и время, стихотворная речь. Свой труд автор посвятил памяти блестящего филолога Игоря Владимировича Фоменко (1937–2016).

Ключевые слова: литература; текст; поэтический язык; роды литературы; композиция; автор; персонаж.

Как написать научно-популярную книгу о литературе, тексте, чтении, адресуя ее в первую очередь учителям и студентам? Возможно, так, как это сделала Т.Г. Ивлева, взяв за основу модель не учебника, а цикла бесед. Учебник, как правило, монологичен: его задача – передать необходимый объем знаний независимо от «длины ресниц» учащегося. А беседа строится с учетом и этого «параметра», чтобы тот, кто открыл книгу, увидел в авторе не носителя истины, а мандельштамовского «советчика, врача». Вот почему учебное пособие, включающее 12 бесед, предваряют сразу два вступления: первое – в логике абсурда, который состоялся и даже перестал удивлять (тесты ЕГЭ по литературе); второе – в форме статьи о преподавании литературы в школе. О том, что современные дети не хотят читать, говорят даже те, кто сами не выпускают смартфон из рук. Изменилось культурно-информационное поле: сегодня запись в библиотеку – уже не событие с оттенком инициации. Источник знаний не книга, а Интернет, и герой фильма «Географ глобус пропил», читающий дочери перед сном «Сказку о царе Салтане», симпатичен нам еще и этим.

Но одно дело «читать Пушкина» и другое – читать его так, как он написан, т.е. на языке художественной литературы, который не совпадает ни

Степанов Александр Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета; преподаватель русского языка и литературы Института иностранных языков Ланьчжоуского университета, Китай (e-mail: poetics@yandex.ru).

с обыденной речью, ни с литературным языком. Освоение этого языка, преобразующего словарные значения в поэтические смыслы, – одна из задач литературного чтения и, шире, филологического образования. Его главные проводники в школе – учителя-словесники, поэтому книга адресована в первую очередь им. «Лишний человек», «романтизм», «гражданская лирика» и другие типологии (в том числе структурные – «рассказ в рассказе», сонет или 4-ст. ямб) могут быть выявлены только в системе текстов, которые прочитаны, а не усвоены в пересказе. О том, как читать литературное произведение, чтобы в нашем сознании сложился художественный мир, профессионально и увлеченно размышляет Т.Г. Ивлева.

Помимо учителей, читателями книги вполне могут стать студенты-филологи. Структура пособия в целом воспроизводит логику университетского курса «Введение в литературоведение»: литература как вид искусства, сущность поэтического языка, тропы и фигуры, роды литературы, сюжет и композиция, персонаж и автор, пространство и время, стихотворная речь. Возможно, раздел об устройстве стиха следовало бы поместить рядом с разделом о языке художественной литературы, поскольку в создании и рецепции произведения форма предшествует содержанию, а не наоборот. Книга завершается приложением в виде словаря основных литературоведческих терминов. А вот чего в пособии нет и без чего оно смотрится сиротливо – это библиографических ссылок, примечаний, списка художественной и научной литературы. Объяснить отсутствие справочного аппарата можно, вероятно, жанром беседы, но беседа, будучи реализацией диалога в бахтинском понимании, не заканчивается с последним словом (страницей), а продолжается при обращении к работам предшественников, современников.

Любая книга по поэтике или теории литературы ценна примерами, которые накапливаются годами. Их диапазон в пособии широк (от М. Басё до Б. Гребенщикова), но избирателен – с абсолютным преобладанием классики, канонизированной школьной программой. Поэзия модернизма представлена в основном цитатами из Цветаевой и Пастернака, стихами Гумилева и Ахматовой; модернистская проза (Андрей Белый, Платонов, Замятин, Пильняк) в пособие не вошла. Зато в ней много примеров из Булгакова, поэзии Тарковского. Современную прозу представляет Л. Улицкая, чьи короткие рассказы избраны как материал для анализа сюжета. Выразительный пример находим в беседе о литературе как виде искусства. Это притча об индийском крестьянине и художнике, нарисовавшем его лошадь. Узнав, что за просмотр картины художник берет деньги, крестьянин потребовал у него часть суммы, ведь лошадь на картине его. «Я изобразил не твою лошадь, а сущность всех лошадей», – ответил художник. Произведение искусства создает художественный мир, который уникален и универсален одновременно, т.е. является не удвоением реальности, а ее пересозданием с точки зрения авторских представлений о бытии. Для этого нужен язык, «остраняющий» привычные вещи, увеличивающий, по Шкловскому, «трудность и долготу восприятия». Шкловскому, как и другим представителям русской формальной школы, автор обязана заглавием книги.

От беседы к беседе читатель знакомится с видами переосмысления и сочетания слов (тропы и фигуры), с элементами формы более высоких уровней: сюжет и фабула, архитектоника и композиция. Показано различие в организации сюжета в эпосе и драме, в профессиональный тезаурус вводятся термины «препозиция» и «постпозиция», «минус-прием», «ретардация» и др. Говоря об архитектонике как внешнем построении текста, Т.Г. Ивлева выделяет «заголовочный комплекс» и подробно анализирует смыслообразующую роль заглавия в «Капитанской дочке». Композиция эпического произведения рассматривается как смена точек зрения, анализ композиции драматического и лирического произведений ведется с учетом родовой специфики.

Следующая беседа посвящена персонажу, который соотносится с понятием «герой». Применительно к драме выделяются «антагонист», «герой-резонер», по отношению к лирике – «лирический герой», «лирический персонаж». Единство действующих лиц произведения образует «систему персонажей», включающих, например, «эхо-образы», знакомые нам по романам Достоевского. С уровня персонажа мы поднимаемся на уровень автора, где принято разграничивать автора биографического, автора-творца и автора в тексте. В произведениях разных литературных родов автор проявляет себя по-разному: «повествователь» и «рассказчик» – в эпике, автор в списке действующих лиц и ремарках – в драме, «лирическое Я» и «лирический субъект» – в лирике.

Самостоятельный уровень художественного текста составляют пространство и время (в школьной практике их вполне можно рассматривать по отдельности, не прибегая к понятию хронотопа). Для уяснения «работы» пространства автор предлагает исходить из принципа оппозиций, лежащего в основе традиционных моделей художественного пространства: внешнее – внутреннее, верх – низ, замкнутое – разомкнутое и т.д. Принцип оппозиций актуализирует понятие границы, роль которой могут играть дверь, окно, зеркало и т.п. Говоря о художественном времени эпического произведения, следует обратить внимание школьников на разграничение настоящего времени повествования («событие рассказывания») и прошедшего времени событий («рассказанное событие»). Время в драме также двухслойно и складывается из времени сценического (между началом и концом спектакля) и времени внесценического (художественное время драматического произведения). Что касается времени в лирике, то при всей его «точности», вызванной «состоянием лирической концентрации», как это назвала Т. Сильман, оно наиболее подвижно и представляет собой свободную смену временных планов.

Книга посвящена памяти блестящего филолога Игоря Владимировича Фоменко (1937–2016). В Тверском государственном университете он возглавлял кафедру теории литературы, там Т.Г. Ивлева читала курс «Введение в литературоведение». Кафедры уже нет, но остались ученики. Сегодня они работают в школах, университетах России и за рубежом, где продолжают заниматься поэтикой. Благодаря профессиональным контактам круг тех, кому интересен художественный текст, постоянно расширяется. А это значит, что книга Т.Г. Ивлевой найдет своего читателя.

Alexander Stepanov

**I V L E V A T. HOW THE LITERARY TEXT IS CREATED:
A MANUAL. MOSCOW, FLINTA; SCIENCE, 2018. 276 p.**

Tver State University

170100, Russia, Tver, 33, Zhelyabova st.

The article reviews the manual by T. Ivleva on methods that make up the literary text and on specifics of its functioning. Conversing with the reader, the book outlines the basic notions of literary theory, enhancing their professional use in literature class, in school or college. The manual targets school teachers of literature and language, and students of Philology. Its overall structure is identical to the university course ‘Introduction to Literary Theory’, and it deals with literature as a form of art, the essence of poetic language, tropes and figures, literary genres, plot and composition, character and author, time and space, and versification forms. The book is a tribute to the late Igor Fomenko (1937–2016), a brilliant philologist and expert on literary analysis. T. Ivleva had lectured on the Introduction to Literary Theory at the Tver State University when Prof. Fomenko headed the Literary Theory Department.

Key words: literature; text; poetical language; literary genres; composition; author; character.

About the author: *Alexander Stepanov* – PhD, Associate Professor, Department of History and Theory of Literature, Tver State University; lecturer of Russian language and literature at the Institute of foreign languages of Lanzhou University, China (e-mail: poetics@yandex.ru).

Т.Д. Венедиктова

**Б Е Л А В И Н А Е. М. ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ 1950–2000.
КАК ЧИТАТЬ? М.: КДУ; УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА,
2017. 214 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии рассматривается учебное пособие Е.М. Белавиной, посвященное современным практикам письма, чтения и преподавания поэзии на примере французской экспериментальной поэзии 1950–2000 гг. Подчеркивается важность взаимодействия когнитивных и телесных (embodied) факторов в производстве и восприятии верлибра. Исследуется, в частности, психофизиологическая функция ритма.

Ключевые слова: смыслообразование в поэзии; верлибр; ритм; рецептивные практики.

Пособие Е.М. Белавиной вводит русскоязычного студента (или аспиранта, или «взрослого» специалиста, или просто любопытствующего читателя – спектр потенциальных адресатов рецензируемого издания широк) в пространство современной французской поэзии. Анализ охватывает пять десятилетий (последние полвека) и творчество тридцати авторов. Тактично, бережно, в итоге очень эффективно книга учит читать разнообразно странные стихи, а по-настоящему – учит куда большему, поскольку решает не только конкретно-педагогическую, но и исследовательскую задачу.

Трудно не согласиться с Е.М. Белавиной в том, что через поэзию можно и нужно изучать потенциал означивания, которым располагает язык в целом (с. 4). Помимо рутинно используемых путей смыслообразования, в поэзии используется масса «дополнительных», «добавочных», – способных, впрочем, в новых ситуациях использования языка, неожиданным образом, оказаться «основными» и даже «центральными». Пожалуй, во все времена поэзия была полем экспериментального создания ценностей при посредстве тонких языковых эффектов, но в условиях современности и постсовременности эту свою первопроходческую миссию она осознает как никогда остро. Сказывается ошеломляюще быстрая «медиализация» литературного быта:

Венедиктова Татьяна Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

он то ли «колонируется» новыми медиа, то ли расширяется, обогащается за их счет, – скорее всего, то и другое разом. Академическое литературоведение явно не успевает реагировать на эти процессы, а часто не имеет для этого адекватных аналитических средств. Книга Е.М. Белавиной, скромно обозначающая себя как учебное пособие, ценна тем, что служит заполнению зияющей лакуны в наличном знании о современном литературном процессе.

Как показывает Е.М. Белавина, бывает нужна немалая смелость, чтобы отказаться от рифмованного метрического стиха, – впрочем, в иных ситуациях нужна смелость, чтобы вернуться к «старым» метрическим нормам. Победа верлибра в современной французской поэзии – результат усилий по передаче по-новому понимаемого внутреннего опыта, в котором когнитивная составляющая принципиально неотделима от докогнитивной, «телесной» (*embodied cognition*). В качестве базового принимается тезис о том, что семантическая насыщенность держится не только на смысле слов. Ритм в поэзии осознается как оттиск психофизиологического состояния пишущего, ударение – как сгусток мускульной энергии, сегментация речи с помощью ударений (в том числе дополнительных, просодических) и пауз – как способ придания слову новой ценности, значимости.

Как и положено в учебном пособии, читателю предлагаются вопросы и задания, ориентирующие на осуществлении «раскопа» внутри ритмических, лексических, синтаксических и иных структур текста, на соотнесение по видимости далеких друг от друга аспектов поэтической формы и содержания. В целом и вопросы, и задания составлены очень удачно. Неформальный стиль общения с предполагаемым адресатом позволяет трактовать непростой материал достаточно гибко – с учетом возможной ограниченности познаний читателя, но без снижения уровня сложности.

Не вполне ясным показалось предназначение довольно обширной хронологической таблицы, приводимой в конце книги. Она призвана, по-видимому, служить контекстуализации литературного материала, что важно. Но насколько эффективно решается поставленная задача? Для каких конкретно познавательных целей годится предлагаемая таблица и как ею пользоваться студенту? Какую, к примеру, следует усмотреть связь между получением Лехом Валенсой Нобелевской премии в 1983 г. и выходом в свет «Семиотики поэзии» М. Риффатера или между «экономическим кризисом в азиатских странах» около 1998 года и публикацией тогда же книги «Поэзия как любовь» Ж.-М. Мольпуа? Если же связь между содержимым граф таблицы не предполагается к тому или иному виду осмысления, – какой в ней (таблице) смысл? Это, разумеется, мелочь.

Пособие Е.М. Белавиной представляет собой работу яркую, целостную по научному подходу и очень полезную в педагогическом обиходе.

Tatiana Venediktova

BELAVINA E. I. FRENCH POETRY 1950–2000.

HOW TO READ IT? M.: KDU, UNIVERSITY BOOK, 2017. 214 p.

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

E. Belavina explores the practices of writing, reading and teaching poetry using the example of experimental verse produced in France between 1950 and 2000, with particular attention to the interface between cognitive and embodied aspects in the reception of free verse. An in-depth study of the psychophysiological functions of rhythm is offered.

Key words: meaning in poetry; free verse; rhythm; practices of reception.

About the author: *Tatiana Venediktova* – Prof. Dr., Chair of Department of Discourse and Communication Theory, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.Л. Ремнёва, Д.П. Ивинский, В.Л. Коровин, Д.Д. Савинова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В Международной научной конференции «Пушкин и русская литература», проведенной на филологическом факультете МГУ 17–19 октября 2019 г., приняли участие более 100 исследователей из России, Казахстана, Сербии, Турции, Украины, Франции, Японии, в том числе специалисты по классической, романо-германской и славянской филологии, по русско-европейским литературным связям, по истории русского языка. Конференция имела преимущественно историко-литературный характер: творчество Пушкина обсуждалось в его связях с наследием предшественников, писателей второй половины XIX и XX вв. Из европейских авторов, древних и новых, в пушкинском контексте обсуждались Гомер, Данте, Сервантес, Вольтер, Гете, Мицкевич, Метьюрин. Многие доклады были посвящены сложным аспектам литературной биографии Пушкина, которая рассматривалась в связи с тонкими и не всегда очевидными особенностями литературного процесса. Оказался востребованным исторический контекст литературной деятельности Пушкина и его современников – от частных деталей политических интриг до исторических событий, оказывавших влияние на все сферу европейской политики, идеологии, изящной словесности. В ряде докладов были рассмотрены различные аспекты истории пушкиноведения.

Ключевые слова: Пушкин; история русской литературы; русско-европейские литературные связи; научная конференция; концертная программа, студенческий театр.

17–19 октября 2019 г. на филологическом факультете прошла Международная научная конференция «Пушкин и русская литература», приуроченная

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, президент филологического факультета, зав. кафедрой русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dekan@philol.msu.ru).

Ивинский Дмитрий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru).

Коровин Владимир Леонидович — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: korovin@yandex.ru).

Савинова Дарья Дмитриевна — аспирант кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dd.savinova@yandex.ru).

к 220-летию со дня рождения поэта. В конференции приняли участие более 100 исследователей (помимо двух факультетов МГУ, филологического и журналистики, были представлены ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН, РГГУ, Литературный институт, МПГУ, РАНХиГС, ННГУ и многие другие научно-образовательные институции, в том числе из Казахстана, Сербии, Турции, Украины, Франции, Японии), не всегда связанных друг с другом институционально и тем более единством научных позиций. Никто из них не занимается *только* Пушкиным, *только* поэтами его круга и времени: в числе участников были историки русской литературы как XVIII–XIX вв., так и XVII в. (и даже более отдаленных эпох) и XX в. Но не только они: выступили специалисты по классической, романо-германской и славянской филологии, по русско-европейским литературным связям, по истории русского языка.

Приветствия конференции передала президент филологического факультета *М.Л. Ремнёва*. Конференцию открыл заведующий кафедрой *В.Б. Катаев*, выступивший с приветственным словом к ее участникам, а также – в режиме интернет-конференции – к участникам проходившей в тот же день в Институте русского языка имени А.С. Пушкина Международной научной конференции «XIX пушкинские чтения»; со стороны Института прозвучало приветственное слово ректора *М.Н. Русецкой*. От имени администрации филологического факультета выступил и.о. декана *А.А. Лунгарт*. С кратким вступительным словом к собравшимся обратился профессор кафедры истории русской литературы *Д.П. Ивинский*.

Одна из особенностей конференции – ее историко-литературный характер: творчество Пушкина обсуждалось в его связях с наследием предшественников (Хераскова, Державина), современников (Баратынского, Вяземского, Гоголя, В. Одоевского), писателей второй половины XIX в. (Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, К. Леонтьева) и XX в. (в частности, Б.А. Садовского, Тынянова, Каверина). В сущности, на конференции выстроился образ пушкиноцентричной истории русской литературы.

На пленарном заседании прозвучали доклады: «Пушкин в латинских переводах XIX–XXI вв.» (*А.И. Солопов*, МГУ); «О переводах Пушкина на английский язык» (*А.А. Лунгарт*, МГУ); «Эмблематика у Пушкина» (*Л.И. Сазонова*, ИМЛИ); «Позднее творчество Пушкина как явление криптографической поэтики» (*С.А. Кибальник*, ИРЛИ); «Словесное образование и воспитание Пушкина» (*В.И. Аннушкин*, Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина); «Чехов и Пушкин» (*В.Б. Катаев*, МГУ); «М.В. Панов как пушкинист» (*В.И. Новиков*, МГУ); «Неизвестный текст Н.О. Лернера о собрании пушкинских писем, подготовленном В.И. Саитовым» (*Л.Ф. Кацис*, РГГУ); «Пушкин и “пушкинский круг писателей”» (*Д.П. Ивинский*, МГУ).

С.А. Кибальник осуществил презентацию книги Ким Джин-Йонг «Пушкин: десять очерков о русском романтизме» (СПб., 2016), кратко охарактеризовав научную биографию автора, и третьего, дополненного издания своей книги «Художественная философия Пушкина» (СПб., 2019).

В первый день конференции были прочитаны доклады: «Пушкинские реминисценции в стихотворении “Незнакомка” А.А. Блока» (*В.М. Толма-*

чев, МГУ); «Пушкинский парафраз» (И.А. Есаулов, Литературный ин-т им. М. Горького); «Уроки истории в творческой мысли Пушкина и Тютчева» (Б.Н. Тарасов, Литературный институт им. М. Горького); «Пушкин и идиллия» (В.Л. Коровин, МГУ); «Н.В. Гоголь и князь В.Ф. Одоевский в пушкинском “Современнике”» (В.А. Воронаев, МГУ); «Мнимое ничтожество литературы русской: О замысле и названии незавершенной статьи Пушкина» (И.А. Виноградов, ИМЛИ); «“Не только самая правда, но и еще как бы лучше ее”: (История sub specie poeticae: “Капитанская дочка” vs “История Пугачева”» (И.Л. Попова, ИМЛИ); «“Новый человек” Александр Пушкин (к генезису Кириллова из “Бесов” Ф.М. Достоевского» (И.В. Немовский, НИУ ВШЭ, СПб.); «Пушкин и идиллия» (В.Л. Коровин, МГУ); «Рецепция творчества Пушкина во Франции XIX века» (Н.Т. Пахсарьян, МГУ); «Пушкин и восточный канон. Сербский контекст» (Таня Попович, Ун-т в Белграде); «Итак, писала по-французски...» (Е.М. Белавина, МГУ).

Е.М. Белавиной было организовано и проведено интервью в режиме интернет-конференции с почетным профессором Сорбонны, специалистом по сравнительной истории литератур и известным переводчиком на французский язык произведений русских писателей Ж.-Л. Бакесом, осуществившим, в частности, новый полный перевод «Евгения Онегина» на французский (1996).

18 октября проходили заседания секций «Жизнь и творчество Пушкина» и «Пушкин и мировая литература».

В ходе работы первой секции прозвучали доклады: «“Зовет меня другая тень...”»: о двух юбилеях 2019 года» (О.Л. Довгий, МГУ; РГГУ); «Об автографе стихотворения Пушкина “Храни меня, мой талисман”» (В.А. Воробьев, Московский политехнический ун-т; Н.В. Перцов, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова); «Скрытый сюжет как фактор поэтики Пушкина» (О.Б. Заславский, Харьковский ун-т, Украина); «Поэтика перевода и поэтика рецепции: “Цезарь путешествовал” Пушкина» (Т.Ф. Тенерик, МГУ); «“Повести Белкина” в зеркале семиотики» (О.В. Чернец, МГУ); «Оптические образы в повести “Пиковая дама” А.С. Пушкина» (Юсуке Торияма, Токийский ун-т); «Беру уроки чистого афеизма...» (Л.Ю. Астахина, ИРЯ); «“Да славится великодушно смиренномудрая Эсфирь!”: Библейский сюжет в опере Державина» (Д.К. Асратян, Общецерковная аспирантура и докторантура; Ин-т истории и археологии республики Северная Осетия–Алания); «К вопросу об источниках образа “бедной Инезы” в трагедии Пушкина “Каменный гость”» (А.Н. Романова, Костромской гос. ун-т); «Письмо царю в эпистолярном наследии Пушкина» (Е.В. Суровцева, МГУ); «Судьба Михаила Леонтьевича Дубельта» (А.В. Корнеев, независимый исследователь, Москва); «Критика К.Н. Леонтьевым “Пушкинской речи” Достоевского и образ Пушкина у Леонтьева» (Ю.В. Пуцаев, МГУ); «Валерий Брюсов как издатель Пушкина» (Н.А. Богомолов, МГУ); «Книга Генриха Сапгира “Черновики Пушкина”» (Ю.Б. Орлицкий, РГГУ); «Категория простоты в мировоззрении Пушкина» (В.Я. Линков, МГУ); «“Превосходительный покой” как основа мировосприятия лирического героя Пушкина» (Л.О. Чернейко, МГУ); «Метафора

жизненного полдня в лирике Пушкина» (*В.А. Геронимус*, Гос. историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина [Захарово-Вязёмы]); «Идея гармонии в русской литературе: пушкинская версия» (*С.В. Савинков*, Воронежский гос. ун-т); «Мотив охоты в творчестве Пушкина» (*И.С. Юхнова*, ННГУ им. Н.И. Лобачевского); «Ритуальная семантика паронимических и акцентно-ритмических структур в романе Пушкина “Капитанская дочка”» (*Е.Ю. Полтавец*, МГПУ); «“Моцарт и Сальери” как мистерия» (*С.В. Герасимова*, Высшая школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического ун-та); «Сюжет о возвращении царя в творчестве Пушкина 1830-х гг.» (*С.Б. Калашиников*, МГПУ); «Лексические и стилистические особенности сказок Пушкина» (*О.П. Мотова*, Нижний Новгород, шк. № 100); «Место сказок Пушкина в творчестве 1830-х годов в контексте обстоятельств личной судьбы» (*И.А. Дегтярева*, МГПУ); «Еще раз о заглавии “Капитанской дочки”» (*В.В. Шапошникова*, независимый исследователь, г. Пушкино).

Участники второй работавшей 18 октября секции, посвященной различным аспектам темы мирового значения Пушкина, выступили с докладами: «Пушкинские тексты и их переводы в свете проблем языковой интерференции» (*Е.Э. Разлогова*, МГУ); «Петр Гринев и французский язык» (*А.И. Любжин*, Ун-т Дмитрия Пожарского); «Наполеон на Святой Елене: Образы русской поэзии XIX в. и их европейские прообразы» (*А.Г. Готовцева*, РГГУ; ИНИОН РАН); «Гомеровские реминисценции в романе Пушкина “Евгений Онегин”» (*И.А. Назаренко*, Кубанский гос. ун-т); «Интерпретация мотива античного пира у Пушкина: дополнение к теме» (*О.М. Савельева*, МГУ); «“Моя автоэпитафия” Пушкина и автоэпитафия Каллимаха: к вопросу о рецепции жанра» (*А.М. Потапова*, МГУ); «К проблеме стратфордианства Пушкина» (*А.А. Евдокимов*, МГУ); «В.Л. Пушкин – читатель альманаха “Antologie Française”» (*Ю.А. Матвеева*, Гос. музей А.С. Пушкина); «Пушкин и Жан Поль: сходство в обновлении жанра романа» (*Д.Л. Чавчанидзе*, МГУ); «Пушкин и Ч.Р. Мэтьюрин (из комментария к VIII главе “Евгения Онегина”» (*А.Б. Криницын*, МГУ); «Э. Монтацио – первый итальянский биограф Пушкина» (*Н.А. Тик*, РАНХиГС; ШАГИ); «Пушкин и его творчество с точки зрения турецкого народа» (*Камиле Синем Кючюк*, Невшехирский ун-т им. Хады Бекташа Вели, Турция); «Пушкин и Гоголь в сербской печати XIX века» (*Е.В. Сартаков*, МГУ); «“Капитанская дочка” Пушкина и “Самозванец Степан Малый” П.П. Негоша: точки соприкосновения» (*А.Г. Шешкен*, МГУ); «Пушкин и тюркская лексика абсолютной новизны в истории русского литературного языка XIX–XX вв.» (*Г.-Р. Гусейнов*, Дагестанский гос. ун-т); «Пушкин и ориентальная (генетически нетюркская) лексика абсолютной новизны в истории русского литературного языка XIX–XX вв.» (*А.Л. Мугумова*, Дагестанский гос. ун-т).

19 октября работали три секции.

Теме «Пушкин, его предшественники и современники» были посвящены доклады: «Опыт количественной оценки сходства/различия поэтического словаря Пушкина с лексиконами поэтов пушкинской плеяды и их современников старшего и младшего поколений» (*Н.Л. Васильев*, Мордовский

гос. ун-т им. Н.П. Огарева; *Д.Н. Жаткин*, Пензенский гос. технологический ун-т); «Эпистолярная техника М.Н. Муравьева и “арзамасская галиматья”» (*А.Д. Ивинский*, ИМЛИ; МГУ); «Московское детство Зинаиды Волконской» (*Н.В. Сайкина*, независимый исследователь, Москва); «Восприятие Одессы и Москвы в письмах Пушкина и Вяземского 1824 года» (*И.Е. Прохорова*, МГУ); «Две “Мадоны”: Пушкин и Баратынский (жанр, образ, слог, стиль)» (*С.А. Васильев*, МГПУ); «Французские источники в поэтическом диалоге Пушкина и Баратынского о предназначении женщины» (*О.В. Голубева*, независимый исследователь, Москва); «Николай Полевой и Третье отделение (по архивным источникам)» (*А.И. Рейтблат*, РГБ; ж-л «Новое литературное обозрение»); «“Тайная свобода” Пушкина в ракурсе мировой поэтологии» (*А.А. Асоян*, СПбГУП).

На секции «Пушкин и русская литература второй половины XIX–XX вв.» были заслушаны доклады: «“Душа, выросшая и готовая к творчеству”: К вопросу об одной “пушкинской” ошибке Тургенева» (*И.А. Беляева*, МГУ; МГПУ); «“Рыцарь бедный...” – романс или баллада? Незамеченная ошибка П.В. Анненкова» (*Г.Н. Крапивин*, независимый исследователь, Сочи); «Пушкин в эстетической системе Ю. Айхенвальда» (*Е.А. Тахо-Годи*, МГУ; ИМЛИ); «Пушкин и Лермонтов в поэтической интерпретации М.А. Кузмина» (*А.В. Гик*, ИРЯ); «Лев Толстой о Пушкине» (*С.В. Мысляков*, УРАО); «Из истории драматургических замыслов Бориса Садовского: Пушкинский аспект» (*Ю.А. Изумрудов*, ННГУ им. Н.И. Лобачевского); «Религиозный мыслитель о поэте: “Этюды о Пушкине” Семена Франка» (*И.Б. Ничипоров*, МГУ); «Пушкинские мотивы в романе В. Каверина “Два капитана”» (*М.А. Дзюбенко*, независимый исследователь, Москва); «Возвращение к Пушкину: опыт Тимура Кибирова» (*Е.В. Шарыгина*, МГУ); «Пушкин в новеллах А. Зорича» (*М.Л. Калугина*, МГУ); «Предметная деталь в актуальной театральной интерпретации пушкинской драматургии (“Борис Годунов” в Коляда-театре)» (*Ю.В. Доманский*, РГГУ).

На секции «Молодые исследователи Пушкина» прочитаны доклады: «Поэзия Пушкина в переводах Ф.Е. Корша на древнегреческий язык» (*Т.Г. Давыдов*, МГУ); «Пушкин – читатель Катулла» (*А.А. Кудалина*, ИФИ РГГУ); «“Добрая часть реки Леты”: о V томе “Сочинений” Державина» (*Е.А. Пастернак*, МГУ); «Пушкин и Стромиллов» (*Н.В. Куц*, МГУ); «Пушкин и Николай I: к истории взаимоотношений» (*А.В. Бердникова*, МГУ); «Полонизмы в пьесе Грибоедова и Вяземского “Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом”» (*А.А. Широкова*, МГУ); «Вельтман и Пушкин» (*А.Ф. Багаева*, МГУ); «Натурфилософские мотивы и пейзаж в стихотворениях Пушкина и Тютчева» (*Хилял Тепе*, Стамбульский ун-т); «Роль письма Татьяны в структуре художественного целого “Евгения Онегина”» (*Дуйгу Икисиври*, Стамбульский ун-т); «Пушкин и Шекспир (к интерпретации “Маленьких трагедий”)» (*К.Н. Мешкова*, МГУ); «К философии творчества Пушкина и Баратынского (еще раз о двух “Рифмах”)» (*Ю.Ю. Анохина*, ИМЛИ); «Образ женщины в балладах Пушкина “Черная шаль”, Жуковского “Светлана”, Мицкевича “Будрыс и его сыновья”» (*А.К. Маслова*, МГУ); «Пушкинские реминисценции в творчестве поэтической группы “Московское время”» (*Е.А. Полетаева*,

МГУ); «Пушкин у Д.А. Пригова: вариации и инварианты» (*Р.И. Ярцев*, МГУ); «Пушкин в одноименном романе Ю.Н. Тынянова» (*Е.А. Андреева*, МГУ); «Творчество Пушкина в контексте методологии Бахтина и его дискуссии с формалистами» (*А.В. Филатов*, МГУ); «Принципы адаптации фольклорных реалий в переводческой деятельности Пушкина на примере стихотворения “Ворон к ворону летит...” (“Шотландская песня”))» (*М.В. Андреева*, МГУ); «Альбомные записи Пушкина» (*М.С. Антонова*, МГУ).

В форме видеозаписей или текстов статей были представлены следующие доклады: «Поэтика даты у Пушкина» (*В.А. Кошелев*, Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского); «Пушкин в Казахстане» (*Т.В. Кривошапова*, Казахстанский филиал МГУ); «Пушкин как адресат русской поэзии» (*Г.И. Власова*, Казахстанский филиал МГУ); «Пушкин и Достоевский (пушкинские аллюзии “Записках из Мертвого дома”))» (*С.А. Шульц*, независимый исследователь, Ростов-на-Дону); «К вопросу о передаче формально выделенных фрагментов в переводе (на материале французских переводов “Евгения Онегина”))» (*А.П. Богинская*, МГУ); «Богатырь Рогдай в сказке Пушкина “Руслан и Людмила” и поэме Хераскова “Владимир”))» (*А.В. Семенова*, Казахстанский филиал МГУ).

Прошедшая пушкинская конференция – первая на факультете такого масштаба со времени пушкинского юбилея 1999 г. – позволяет сделать некоторые предположения о тенденциях в современном пушкиноведении (а в какой-то степени и шире, в историко-литературных исследованиях в области русистики).

Во-первых, все чаще признается, что адекватное обсуждение творческого наследия Пушкина возможно *только* в широком русско-европейском контексте литературной культуры его времени, поскольку именно он обеспечивает «выход» на всю историю европейских литератур, начиная с античности.

Во-вторых, в этот контекст уже не спорадически, а систематически включаются не только «литературные генералы», но и поэты второго и третьего ряда, не избалованные вниманием специалистов, но имевшие некогда свое значение в литературной жизни эпохи, когда литературные репутации только устанавливались и отнюдь не все из них соответствовали приговорам иногда слишком легкомысленных, иногда слишком требовательных потомков.

В-третьих, усиливается внимание к историко-литературным аспектам пушкиноведения: все чаще литературная биография Пушкина рассматривается в связи с тонкими, неочевидными, даже скрытыми особенностями литературного процесса, и выясняется, например, что на него влияли не только отношения «пушкинского круга писателей» с другими литературными группами, но и не в меньшей степени отношения внутри этого «круга», базировавшиеся не на единомыслии поэтов, в него входивших, а на принципе разнообразия мнений и творческих поисков, и в силу этого не исключавшие полемик и даже вполне серьезных конфликтов, не приводивших, однако, к распаду целостности литературной группы.

В-четвертых, все более востребованным оказывается исторический контекст литературной деятельности, причем в очень широком диапазоне – от частных деталей политических интриг до исторических событий, оказывавших влияние на все сферу европейской политики, идеологии, изысканной словесности.

В-пятых, пушкиноведение все чаще «оглаadyвается» на свою историю, а вместе с тем и на историю истории русской литературы, обращаясь к реконструкции тех эпизодов научных биографий исследователей, которые позволяют понять как идеологические и литературно-эстетические, так и собственно профессиональные филологические аспекты их деятельности, оказывавшей подчас значительное воздействие на гуманитарную культуру.

Наконец, в-шестых, все более различимым становится стремление ориентировать категориальный аппарат историко-литературных исследований в области пушкиноведения (и не только) на структуру культурного мышления изучаемой эпохи, литературной группы, отдельного автора, а вместе с тем все чаще приходится слышать, что если в методологии гуманитарных наук еще что-то живо, то это историзм.

Взятые вместе эти тенденции все сильнее определяют своеобразие современной ситуации в научной истории русской литературы.

Хочется надеяться, что состоявшаяся пушкинская конференция стала своего рода репетицией приближающегося «большого» пушкинского юбилея.

Творчество Пушкина принадлежит не только истории литературы, но и современности, и не только литературе, но и искусству, в том числе зрелищному, вполне способному адаптировать пушкинские тексты, «забывая» об их «несценичности» и по-своему подтверждая известные слова Ап. Григорьева.

По инициативе президента филологического факультета М.Л. Ремнёвой была подготовлена концертная программа.

* * *

Праздничный вечер 17 октября состоял из двух выступлений – музыкального ансамбля филологического факультета «Буря» и поэтического перформанса, подготовленного студентом 1 курса магистратуры *Р. Ярцевым* «Пушкин: еще не всё!» Группа «Буря» исполнила композиции как положенные на стихи Пушкина, так ему и посвященные: романс «Что в имени тебе моем»; песни «P.S. Черная речка» группы «Серебряная свадьба»; «Бесы» группы Che-MD и др. (скрипка и бас-гитара – Г. Филатова, ударные – А. Лосяцкая, гитара – П. Воликов, синтезатор – Ф. Некрасов вокал – Т. Гологоц). Вечер продолжил поэтический перформанс, в котором прозвучали стихи Блока, Пригова, Маяковского, Кибирова, Пушкина, отрывки из прозы Довлатова, Ходасевича, Хармса, Цветаевой. Студенты-актеры представили творчество Пушкина глазами поэтов разных эпох, заявив тем самым, что он продолжается и что «ещё не всё» завершено с русской поэзией, то приближающейся к нему, то от него удаляющейся.

18 октября спектакль «Не всякий сон в руку» представил фольклорно-этнографический театр «*Братыня*». В основу сценария была положена история няни Татьяны Лариной. Рассказ героини Пушкина сопровождался народными песнями и танцами. Спектакль был построен на параллели между судьбами Татьяны Лариной и ее няни; а в финале прозвучали слова, с которых она начинала свой рассказ: «...В эти лета/ Мы не слышали про любовь». Спектакль раскрыл фольклорную составляющую творчества Пушкина и стал одновременно веселым и грустным высказыванием о любви и ее отражении в русском народном творчестве.

19 октября студенческая театральная мастерская филологического факультета «Дирижабль», представила зрителю свою новую работу «Последняя сказка Пушкина». Участники спектакля, поставленного *Дарьей Савиновой*, постарались не только поделиться своим прочтением сказки «Золотой петушок», но и поразмышлять о последних годах жизни поэта – об обществе 1830-х годов, о взаимоотношениях Пушкина с Николаем I, о последней дуэли поэта. Пушкиноведческая классика стала одним из подтекстов спектакля, а выдержки из пушкинских писем – фоном основного действия. Декорации-проекции и музыкальный ряд способствовали погружению в таинственную атмосферу пушкинского текста. Последняя сказка Пушкина стала яркой точкой в череде юбилейных пушкинских событий.

**Marina Remneva, Dmitriy Ivinskiy, Vladimir Korovin,
Daria Savinova**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
'PUSHKIN AND RUSSIAN LITERATURE'**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is a brief overview of the International scientific conference 'Pushkin and Russian Literature', held at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, on October 17–19, 2019. It gathered over a hundred researchers from Russia, Kazakhstan, Serbia, Turkey, Ukraine, France, and Japan, including experts in classical, Romano-Germanic and Slavic philology, in Russian-European literary relations, and in the history of the Russian language. Pushkin's work was discussed through the prism of the legacy of his predecessors, contemporaries, nineteenth century and twentieth century writers. European authors, ancient and new, included Homer, Dante, Cervantes, Voltaire, Goethe, Mickiewicz, and Metyurin. Speakers touched upon some complex aspects of Pushkin's literary biography. The conference largely discussed the historical context of literary activities pursued by Pushkin and his contemporaries — from political intrigues to historical events, which influenced the European politics, ideology, and literature. Some talks discussed the history of Pushkin studies. The conference guests were lavishly entertained by concert events and theatrical productions.

Key words: Pushkin; history of Russian literature; Russian-European literary relations, concert program, student theater.

About the authors: *Marina Remneva* – Prof. Dr., President of the Faculty of Philology, Head of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dekan@philol.msu.ru); *Dmitriy Ivinskiy* – Prof. Dr., Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dmitrij_ivinskiy@mail.ru); *Vladimir Korovin* – Prof. Dr., Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: korovinv@yandex.ru); *Daria Savinova* – PhD Student, Department of Theory of Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dd.savinova@yandex.ru).

А.С. Неверова

**ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ БОРИСОМ ЕВСЕЕВЫМ
НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ**

19 марта 2019 г.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

19 марта 2019 г. на филологическом факультете МГУ кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса была организована вторая встреча с Б.Т. Евсеевым, посещавшим наш факультет восемь лет назад. Поводом для новой встречи стал последний роман писателя «Очевидец грядущего», опубликованный в 2018 г. Обсуждались философские концепции, лежащие в основе произведения, творческий метод писателя, включенность Евсеева в литературную и культурную традицию. Автор говорил о поэтике романа, истоках его замысла и о своих литературных планах. В отличие от других гостей факультета, обычно остававшихся один на один с аудиторией, Евсеев пригласил критиков, которые также сказали свое слово и о романе Евсеева, и о его творчестве в целом. Были зачитаны фрагменты французского перевода романа, сопровождаемые комментариями самого переводчика П. Баккеретти. Благодаря вопросам аудитории и автор увидел в своем тексте не замеченное им ранее.

Ключевые слова: Б.Т. Евсеев; «Очевидец грядущего»; встреча с писателем; филологический факультет МГУ.

Благодаря давней традиции филологического факультета МГУ у студентов и преподавателей есть возможность общения с писателями, чьи произведения либо уже включены в списки изучаемой литературы, либо попадают в эти списки впоследствии. Совсем недавно прошли встречи с Л.Е. Улицкой, А.В. Ивановым, З. Прилепиным, Д.М. Липскеровым (список можно продолжать долго). В марте 2019 г. кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса был приглашен Борис Евсеев, писатель, хорошо известный студентам и преподавателям филологического факультета, ведь его произведения уже входят в дисциплину «Современная русская литература», и Евсеев не в первый раз становится гостем факультета (приступая к разговору с аудиторией, он подчеркнул, что посещал факультет восемь лет назад). Поводом для новой встречи стал последний роман Евсеева «Очевидец грядущего», изданный в 2018 году,

Неверова Анастасия Сергеевна – магистр истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: 89854127240@yandex.ru).

произведение, которое, как выразился сам автор, подводит некий итог его жизни и творчества.

Обращаясь в «Очевидце грядущего» и к далекому прошлому, и к нашим дням, Борис Евсеев пытается осмыслить историю нашей страны и – шире – человечества. На встрече автор объяснил, что его целью было совмещение различных временных пластов – будущего, настоящего и прошлого – в единый поток. При том что тенденция «преодоления времени» характерна для современной литературы (произведения Е.Г. Водлазкина, А.Н. Варламова и др.), подход Евсеева нетривиален: ключи к осмыслению «связи времен» находятся и в легенде о Каине и Авеле, и в провидческих стремлениях праведников, и даже в мошеннической деятельности лжепрофетов. Из полузабытых легенд и реальной истории автор извлекает фигуру монаха Авеля – провидца, предсказавшего смерть императрицы Екатерины и императора Павла. Действие переносится в наши дни: монах Авель оказывается способным пронизывать время и пространство, говорить устами главного героя романа – Тихона Скородумова, носящего автобиографические черты. «Очевидец грядущего» – роман, который, по словам автора, «не мог не написаться». Евсеевым показан тяжелый путь не только России, но и всего человечества к прекрасному грядущему. Показаны и предсказаны жертвы на пути преобразования, однако в основе своей это роман о том, «кому на Руси будет жить хорошо».

На встрече с Борисом Евсеевым во многом прояснился философский подтекст романа, в основе которого лежат идеи русского космизма. Главным для автора было подвести читателей к мысли о продолжении нашей жизни в других мирах или в этом мире, но в других материях. Писатель признался, что замысел романа формировался в течение пяти-шести лет, хотя не только идея, но и композиция пришли к нему как озарение: «... весь роман мелькнул передо мной в одночасье, в одну секунду»: и прошлое, и настоящее, и будущее, занимающие сотни страниц. Как было подчеркнуто на встрече, пересечение темы времени и темы творца (которое заявлено уже в заглавии) очень значимо. Разговору о времени была отведена большая часть встречи: интересны слова И.И. Ростовцевой о том, что «Евсеев работает в русле современных научных теорий (природа времени и пространства), заглядывает в черные провалы времени, пытается показать нам, что будущее выходит из прошлого, прошлое проявляет будущее, будущее вызревает в прошлом. Он дает нам зримое время».

Отдельной большой темой стал вопрос о предшественниках Евсеева, о связи его романа с отечественной культурой в целом. О том, что писатель включен в традицию русской литературы, заявили не только приглашенные критики и литературоведы, но и сам Евсеев. Однако ряд имен, на которые ориентируется писатель, может показаться неожиданным. Евсеев называет основоположников исторического романа: Пушкина, Лажечникова, А.Н. Толстого, Тынянова, а концепцию Мережковского отвергает, не чувствуя у последнего «исторической интонации». Присутствующие на встрече «профессиональные» читатели вписали произведение Евсеева в иной ряд, обнаружив влияние Лескова, Цветаевой, Платонова и Леонова. Это несо-

впадение подчеркивает различия авторского и читательского взглядов и еще раз убеждает, что встречи и разговоры о замысле, образах и ориентирах необходимы.

Предвосхищая вопросы, Евсеев начал встречу с рассказа о «тайнах ремесла» и прежде всего об истоках замысла. Оказалось, что большое и гармонически стройное произведение родилось из спонтанных графических набросков и произвольных рисунков, сквозь которые неожиданно проступил портрет Павла I, фигуры для Евсеева не случайной: он уже обращался к изображению Павла.

Творческий метод стал следующей темой для обсуждения. На вопрос о нем также было дано два ответа – авторский и читательский. С точки зрения самого писателя, его метод можно охарактеризовать как новейший реализм; по мнению критиков и читателей, стиль Евсеева можно определить и как критический (а, может быть, и христианский) неомодернизм (А.Ю. Большакова), и как онтологический реализм (Е.И. Кулаковская). Однако, как отметили и автор, и слушатели, в разговоре об авторском методе рано ставить точку: в следующем произведении может возникнуть «новый поворот», который позволит вновь рассуждать о соотношении авторской манеры (идиостиля) художника и «больших стилей» литературы. Сам же писатель отметил, что согласен со всеми тремя формулировками, и это еще раз подчеркивает условность научной терминологии.

Тема поэтики Евсеева получила продолжение в разговоре об образной системе произведения, о роли тропов, о значении речи персонажей, о звучании текста. Профессору А.В. Леденеву удалось удивить Евсеева его же собственным текстом, обратив внимание на метризацию уже в первом предложении романа: «Серой безветренной ночью, внизу у забора – слабый шум, за ним – вороватый хруп: под чьей-то неловкой стопой, с глухим треском проломился остаток ноздреватого льда» [Евсеев, 2018: 5]. Автор признался, что не заметил здесь пятистопного дактиля: «Метризация прозы – это очень дурное дело».

«Сюрпризом» встречи стало чтение французского перевода романа: Евсеев пригласил своего друга Пьера **Баккеретти**, переводчика, преподавателя МГЛУ. По словам Баккеретти, главным для него было сохранение мелодии произведения, что и демонстрировалось при чтении русской и французской версий. Отвечая на вопросы, Баккеретти отметил, что главные трудности перевода были связаны с семантикой слов. С новым романом Евсеева на французском языке читатели смогут познакомиться в ближайшее время. Евсеев предстал перед читателями как режиссер или постановщик некоего действия: встреча шла по задуманному им сценарию, кульминацией которого стало чтение французского перевода.

Евсеев заинтриговал аудиторию, сказав, что работает над произведением о композиторе рубежа XIX–XX вв.; невзирая на «провокационные» вопросы, автор смог сохранить имя композитора в тайне (Евсеев имеет музыкальное образование и подчеркивает, что без музыки никогда бы не смог писать). Кроме того, Евсеев сообщил, что уже обдумывает и замысел еще одного романа, – это дает основание надеяться, что на филологическом факультете МГУ пройдет еще не одна встреча с ним.

Anastasiya Neverova

**A MEETING WITH THE WRITER BORIS EVSEEV
(MOSCOW STATE UNIVERSITY, FACULTY OF PHILOLOGY,
March 19, 2019)**

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

On March 19, 2019, Moscow University Philology School gave a very warm welcome to the writer Boris Evseev. The meeting on his new book *Witness to the Future*, published in 2018, was arranged by the Department of Twentieth Century Russian Literature. The questions at the meeting included philosophy of the book, Evseev's style, and influence of the literary and cultural tradition on the book. Evseev told the audience about the origins of the novel and shared his plans for the future. Unlike the other guests of the literary salon who preferred to be one-to-one with their audiences, Evseev decided to invite a few critics to hear their say about the novel. The audience had a unique opportunity to hear a few passages from the French translation of the novel by translator Pierre Bakkeretti.

Key words: Boris Evseev; *Witness of the Future*; meeting with the writer; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

About the author: *Anastasia Neverova* – Graduate, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: 89854127240@yandex.ru).

**У.В. Кононова, А.О. Бурцева, О.А. Воробьева,
Е.А. Пастернак, А.Н. Першкина**

**VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ТЕКСТОЛОГИЯ
И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС»
(МГУ, 21–23 марта 2019 г.)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В хронике представлен обзор VIII Международной конференции молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс», проходившей 21–23 марта 2019 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Хроника содержит информацию о докладах, специальных гостях и дискуссиях; очерчена география конференции (Россия, Италия, Литва, США, Эстония).

Ключевые слова: конференция; хроника; текстология; история литературы; литературный процесс.

VIII Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» проходила 21–23 марта 2019 г. на филологическом факультете Московского государственного университета с участием филологов и историков России, Италии, Литвы, США и Эстонии. Конференция началась с презентации сборника по итогам конференции 2018 г. По традиции с лекцией выступил модератор и специальный гость конференции, в этом году – *А.А. Костин* (ИРЛИ РАН, НИУ ВШЭ). В качестве лекторов были приглашены постоянные участники «Текстологии и историко-литературного процесса» прошлых лет: *К. Вершинин, К. Сарычева и А. Сысоева*.

Кононова Ульяна Викторовна – магистр филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ulyasha0210@gmail.com).

Бурцева Алла Олеговна – выпускница филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; сотрудник научно-издательского центра «Ладомир» (e-mail: nilpferdin@yandex.ru).

Воробьева Оксана Александровна – кандидат филологических наук (e-mail: erhalten@inbox.ru).

Пастернак Екатерина Алексеевна – магистр филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: katrusia95@mail.ru).

Першкина Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук (e-mail: dostoevsk@mail.ru).

Константин Вершинин в лекции «Экзегетическая литература домонгольской Руси» скорректировал представление о том, что славяне не занимались экзегетикой: к XI в. русская книжность располагала огромным фондом переводных текстов, на основе которых возникали оригинальные. Можно утверждать, что к концу XII в. на русской почве сложился особый тип экзегетического сборника (Изборник XIII века, «Книга Кааф» и др.).

А.А. Костин в лекции «(Не)видимость жертвы, память и история как исследование и нарратив: об одном документе в архиве Л.Н. Толстого» рассказал, как в 1875 г. Толстой стремился получить доступ к документам Преображенского приказа, которые должны были послужить основой романа о Петре I. Сохранившиеся наброски показывают, что архивный материал интересовал Толстого как пример речи людей из низкого сословия: отобранные им дела сфокусированы на обвинениях, связанных с крестьянами, солдатами, монахами и др. Разобрав содержание одного из следственных дел, копии которых были получены Толстым (дело Григория Тарлыкова, – первый известный политический сыск Преображенского приказа), А.А. Костин показал, как писатель менял свое мнение о Петре I и пытался осмыслить частный опыт в нарративе о массовом государственном насилии.

В лекции научного сотрудника Государственного литературного музея *Кристины Сарычевой* «“Как злые духи...”: горцы в изображении Лермонтова» были затронуты малоизученные аспекты темы кавказской войны. Сосредоточившись на эволюции описания горцев в ранних поэмах «Черкесы», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей» и др., лектор рассказала о возможных источниках центральных образов и описала историографический и литературный (сочинения Р.А. Фадеева и Полежаева) контексты, в котором рождались кавказские поэмы, также поделилась соображениями о том, как Лермонтов пытался дифференцировать образы горцев и какие реальные события повлияли на эту дифференциацию.

В лекции «История и структура Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красной армии и флота: исследовательские задачи научно-технической обработки фонда» *Анастасия Сысоева* (ИРЛИ РАН) говорила о результатах научно-технической обработки фонда Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красной армии и флота, структуре, издательской и учебной работе организации, и, в частности, секторе по военизации писателей (май 1931 г.): в ходе военно-писательской игры создавались произведения, пропагандирующие военные задачи государства (например, В. Афанасьевым, Г. Фишем, В. Эрлихом и др.).

Корпус докладов начался с древнерусской литературы. *Алексей Шановалов* (Москва) сравнил изображение князей-язычников в «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи: сопоставление показало, что киевский летописец более ориентирован на традицию византийских хроник, и всего важнее для него объединение князем земель Древнерусского государства и отношения с соседними народами; новгородский книжник уделяет особенное внимание статусу исторического деятеля. Обнаружено

типологическое сходство образов князей-язычников в древнерусских летописях и западнославянских хрониках; результаты исследования могут быть полезны и при рассмотрении принципов изображения правителей у авторов более поздних текстов.

Ксения Харламова (Москва) описала принцип нечеткой классификации древнерусских текстов (разработанный С.В. Шпирко) на примере списков «Поучения» Луки Жидяты: такая классификация предполагает анализ всех сохранившихся списков текста, выявление разночтений (поиск ошибочных чтений и определение того, с каким весом каждое из них будет входить в формулу расчета коэффициента, является важным этапом работы), составление матрицы нечеткого отношения, на основе которой программа строит стемму – ориентированный граф, вершинами которого являются списки, а дугами соединены протографы со своими ближайшими списками, т.е. обозначены преемственные связи между списками.

Анна Фитискина (Москва) рассмотрела вопрос о возможном авторстве текста «о поновлении стихий» (1138 г.), отвергнув гипотезу об авторстве Кирика Новгородца, которому принадлежит текст, хронологически и по содержанию близкий рассматриваемому – «Учение о числах» (1136 г.).

Эшли Морс (Гарвард, США) говорил об отражении разнообразных литературных и общественно-политических тенденций XVII в. в творчестве Симеона Полоцкого и предложил дискуссионную концепцию, согласно которой «Псалтирь рифмотворная» – необычный памятник, в котором сочетаются традиции барокко и «московского абсолютизма» эпохи Алексея Михайловича; были прокомментированы взгляды исследователей XX в. (например, Ж. Батая) на культуру XVII в.

Ольга Балакерская (Петербург), сопоставив редакции поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька», показала, как элементы поэтики низкого бурлеска сознательно исключались или преобразовывались. Сопоставление «Душеньки» с бурлескными поэмами неоднократно проводилось, однако, по мнению докладчика, полное отождествление «Душеньки», находящейся на пересечении разных жанров, с произведениями только одного жанра неправомерно.

Выступление *Елизаветы Лочмелис* (Москва) было посвящено повести Карамзина «Юлия» как одного из этапов творческой эволюции автора. Сравнение «Рыцаря нашего времени», «Моей исповеди» и «Чувствительного и холодного» не с зарубежными источниками, а с более ранней повестью самого Карамзина позволяет эксплицировать специфические черты текстов 1799–1803 гг. и выявить трансформации, которые претерпевает сюжет «Новой Элоизы» Руссо под влиянием немецкой романной традиции, включения автобиографического подтекста и др.

Анна Полякова (Петербург) рассмотрела присутствие Гете в творчестве А.А. Бестужева: функцию эпиграфа из «Фауста» в стихотворении «Череп», что позволило высказать некоторые соображения о поэтическом споре Бестужева с Боратынским.

Ольга Зорина (Москва) показала, как менялась в переводах на русский язык комедия Тирсо де Молины «Благочестивая Марта»: анализировались переводческие стратегии С.А. Юрьева, М.В. Ватсон и Т.Н. Щепкиной-Куперник, влияние языка-посредника.

Мария Чиркович (Москва), комментируя свободную композицию Ю.П. Любимова «Сказки», выявила тексты Андерсена, Уайльда и Диккенса, отрывки из которых были встроены в сценарий, и проследила, как в систему аллюзий и реминисценций встраивается биография самого Любимова.

Анна Масленова (Москва) рассказывала, как переводчица Н.А. Жаринцева, находясь в Англии, пыталась применить педагогический метод Толстого к бежавшему с броненосца «Потемкин» и случайно добравшемуся до Англии матросу (как источник были использованы письма Жаринцевой к А.К. Чертковой; в докладе были описаны «результаты» педагогического эксперимента и дальнейшая судьба его участников).

Екатерина Вожик (Петербург) попыталась разобраться в фигуре повествователя в журнале «Современник» начала 1850-х годов, в частности, проследить, проводил ли один и тот же автор общие идеи в произведениях, которые помещались в разных разделах – «Словесности» и «Смеси»; «Современник» сравнивался в этом отношении с «Отечественными записками» и «Библиотекой для чтения».

Оксана Воробьева (Москва), опираясь на архивные материалы (РГАДА), раскрыла имя автора, публиковавшего в журнале «Русское слово» «Вести из Новгорода» (1859–1860) и подписывавшего их *N.N.* и *N.*, – это был коллежский ассessor Михаил Яковлевич Хальмков.

Ульяна Башко (Кононова) (Москва) исследовала генезис героя-администратора в цикле «Помпадуры и помпадурши» (1863–1874) Щедрина, предположив, что при создании образа Феденьки Кротикова сатирик мог ориентироваться на печоринский тип; Щедрин обогащает этот тип, полемизируя с современными литераторами, изображавшими героев-романтиков: М.В. Авдеевым, В.И. Асоченским и др. К герою печоринского типа Салтыков обращается уже в «Противоречиях» (1847), а позднее создает ряд «губернских Мефистофелей» в «Губернских очерках», а в конце концов приходит к образу Кротикова.

Софья Захарова (Москва) проанализировала мемуарные очерки Э. Йермана о Петербурге 1840-х годов. Эти сочинения до сих пор не обсуждались в России, хотя содержат ценные исторические сведения. Сочинения Йермана полемически направлены против памфлетов о России: он показывал русского царя как идеального правителя, а русских не столь суровыми, как это было принято.

Сергей Халтурин (Москва) рассказал, как юбилейные торжества Дирекции императорских театров (1856) актуализировали миф о создании русского театра в 1756 г. по указу Елизаветы Петровны, и проанализировал прочтение, которое получил этот миф в юбилейных пьесах и критических статьях 1856 г. На примере истории этого юбилея докладчик

показал, что попытка государственных институтов вмешаться в самостоятельно складывающийся исторический миф привела не только к укреплению желательной для власти версии предания, но и к разработке альтернативных трактовок.

Мария Кабанова (Москва) обратилась к проблеме правки, которую Тургенев вносил в стихи Фета в 1856 г.; вопреки принятой трактовке тургеневской правки как неправомерной, Кабанова попыталась доказать, что Тургенев глубоко понимал поэтику Фета, и потому осуществлял правку на всех уровнях (от пунктуационного до смыслового), сохраняя стиль поэта.

Мария Лихинина (Петербург), опираясь на мнение современников Костомарова, которые называли наиболее характерными чертами его сочинений народность и художественность, Лихинина попыталась установить соотношение и взаимосвязь этих двух категорий в рецепции сочинений историка. Материалом доклада послужили речи и некрологи, оставленные А.Н. Пыпиным, А.С. Грушевским, Д.А. Корсаковым, В.Б. Антоновичем, А.И. Маркевичем, М.В. Шимановским, Н.П. Дашкевичем.

Михаил Иткин (Москва) задался вопросом, как В.Г. Короленко стал «детским» писателем. Анализировались «Дети подземелья» (1886) – сокращенная версия повести «В дурном обществе» (1885); именно «Дети подземелья» были успешно канонизированы в школе. Исследователь сравнил три ключевые редакции (исходный текст, дореволюционную и советскую (1948) сокращенные версии) и показал, как произведение Короленко, трансформируясь, приобрело черты «пионерского» руководства.

Аполлинария Острожкова (Москва) в докладе «“Весенняя гроза” Тютчева в школьном каноне вт. пол. XIX – нач. XX вв.» обратила внимание на то, что с 1860 г. в хрестоматиях печатались четыре версии стихотворения. Изменения, внесенные в оригинальный текст, были продиктованы образовательными задачами, поставленными перед педагогами 1860-х годов. Большинство текстов, изучавшихся в гимназиях, способствовало формированию чувства принадлежности одной нации; для этого подбирались тексты, транслирующие навык созерцания и идею включенности человека в мир природы, и наиболее пригодной оказалась «Весенняя гроза».

Ингрида Киселюте (Вильнюс) рассказала о необычном экономическом поведении героя «Записок из подполья» Достоевского: он тратит гораздо больше денег, чем зарабатывает, и на сиюминутные капризы, и на ленивого и бесполезного слугу. Удовлетворять эти прихоти ему помогает второй источник дохода – он постоянно берет деньги в долг.

Марина Булахова (Москва) в докладе «Судебная ошибка в романе Л.Н. Толстого “Воскресение” и правовое регулирование института суда присяжных второй половины XIX в.» доказала, что некорректность в изложении вердикта по делу Катюши Масловой появилась не случайно: юрист, который консультировал Толстого, предлагал оставить просто обвинительный приговор, однако писатель решил добавить судебную ошибку, чтобы сказать о порочности всей системы.

Анастасия Першкина (Москва) показала, как образ пристава следственных дел в «Преступлении и наказании» зависит от исторического контекста: особый метод ведения расследования Порфирия связан с существовавшей до Судебной реформы 1864 г. системой доказательств (объяснялось, кстати, и то, почему Порфирий мог потерять свое место после дела Раскольникова).

Александра Пахомова (Тарту) говорила о специфике творчества писателя в 1917 г. и о проблемах текстологии неоконченного романа М.А. Кузмина «Талый след», единственного крупного прозаического произведения, работу над которым он тогда начал.

Анна Швец (Москва) связь «стихокартин» В.В. Каменского с изобразительными практиками его современников, в частности, Д. Бурлюка и будетлян; была предпринята попытка проследить творческую эволюцию поэта.

Александра Чабан (Москва) демонстрировала не публиковавшуюся переписку С.К. Маковского с его матерью, Ю.П. Маковской, где обсуждались события и вопросы, касающиеся журнала «Аполлон», и рассмотрела, как в письмах осуществлялась репрезентация журнала и насколько это коррелировало с действительностью. По мнению докладчика, Маковский последовательно реализовывал «идиллическую» авторскую стратегию, что было продиктовано не в последнюю очередь фигурой адресата.

Андрей Кокорин (Петербург) поставил вопрос о современных текстологических практиках: обсуждались правила составления динамической транскрипции рукописей, были представлены результаты сравнительного анализа разных ее типов и способ оптимизации системы условных обозначений, сформировавшийся в ходе транскрибирования рукописей романа Олеси «Зависть».

Анастасия Зинченко (Москва) проследила ход работы над постановкой во МХАТе II спектакля Б. Сушкевича «Закат» (1928) по пьесе Бабеля, сопоставила архивные документы, которые уточняют процесс преобразования литературного произведения в сценарий спектакля. Создавая сценарий, Сушкевич включает в него интермедии, в которых ориентируется на творчество Сумбатова, Вагнера и Гамсуна. Анализ режиссерского архива дает возможность говорить о мистериальном начале замысла.

В докладе *Аллы Бурцевой* (Москва) были предложены результаты работы с документами фонда туркменского сектора Союза советских писателей. На материале трех рецензий докладчик попыталась выявить закономерности критических формулировок относительно пролетарской литературы в национальных республиках.

В выступлении *Юлии Козицкой* (Москва) речь также шла о национальных литературах. На материале внутренних рецензий из фонда издательства «Советский писатель» исследователь показала, какие требования выдвигались к переводам казахской литературы на русский язык, и что стояло за формулировками этих требований, какие политические установки влияли на оценку произведений и на что в первую очередь обращали внимание рецензенты.

Анастасия Именных (Москва) провела сравнительный анализ двух найденных в архиве Пермского края автографов первой главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» и последнего прижизненного издания романа: найдены изменения в заголовочном комплексе, имени главного героя и авторских отступлениях.

Ксения Филимонова (Тарту) рассмотрела неисследованные и неопубликованные тексты Шаламова, посвященные размышлениям о литературном процессе XX в. и относящиеся ко времени внештатной работы Шаламова в журналах «Новый мир» и «Москва», после освобождения из лагеря и реабилитации. Идеи, высказанные там, легли в основу «Заметок рецензента» (начало 60-х годов), а в дальнейшем получили развитие в эссе «О прозе» и «О новой прозе». Рассмотренные документы дают иное представление о писательском кругозоре.

Выступление *Анны Гавриловой* (Москва) было посвящено демонстрации и комментированию архивных материалов: рабочей тетради Шаламова 1953–1954 гг., содержащей записи бесед с Пастернаком. Кроме уточнения биографических фактов, анализ записей позволяет проследить историю создания произведений Шаламова и очертить взаимовлияние писателей.

Александр Гришин (Петербург) на основе архивных материалов (РГАЛИ) реконструировал работу киносценариста В. Бахнова над сценарием по сатирической комедии В. Дормана «Легкая жизнь» (1964). Исследователь попытался выявить характер допустимой сатиры в советском оттепельном кинематографе: в ранней редакции в образе Владимира Муромцева сценарист, по мнению докладчика, сатирически изобразил В.В. Еремилу, и намеки на эту одиозную фигуру по требованию сценарно-редакционной коллегии Госкино пришлось исключить.

Аличе Бравин (Удине) подробно проанализировала сюжетные и языковые библейские аллюзии в малоизученном тексте Вен. Ерофеева «Благая весть», показав, что Ерофеев не воспринимал Библию как безусловно сакральный текст и переосмыслил ее.

Ксения Морозова (Нижний Новгород) представила результаты комментирования первой главы романа А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени...»; необходимость комментария определена спецификой авторской установки. В частности, соседствующие в тексте отсылки к Сумарокову и Горькому подчеркивают дистанцию между Антоном и его дедом, преодоление которой лежит в основе центрального конфликта романа.

Доклад *Анны Демкиной* (Москва) был посвящен рассмотрению альманаха В. Ревича «Цех фантастов» (1990) тому, как литературоведы позднесоветского периода понимали фантастическую литературу; была предпринята попытка соотнести идеи, высказанные составителем в предисловии к изданию, с темами общественных дискуссий перестройки и тематикой опубликованных произведений.

**Uljana Kononova, Alla Burtseva, Oxana Vorobyova,
Ekaterina Pasternak, Anastasia Perskina**

**THE 8th INTERNATIONAL CONFERENCE FOR YOUNG
RESEARCHERS 'TEXTUAL CRITICISM AND LITERARY
PROCESS', LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
March 21–23, 2019**

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article presents the results of the 8th International conference for young scholars "Textual Criticism and Literary and Historical Process" at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology. The article talks about the participants and their works, special guests, and discussants. This year the conference welcomed participants from Russia, Italy, Lithuania, and the USA.

Key words: textual scholarship; literary history; literary process; conference; chronicle.

About the author: *Uljana Kononova* – MA Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ulyasha0210@gmail.com); *Alla Burtseva* – Graduate of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Copy Editor at Lodomir Publishers (e-mail: nilpferdin@yandex.ru); *Oksana Borobjeva* – PhD (in Philology) (e-mail: erhalten@inbox.ru); *Ekaterina Pasternak* – MA Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: katusia95@mail.ru); *Anastasiya Pershkina* – PhD (in Philology) (e-mail: dostoevsk@mail.ru).

ISSN 0201–7385

ISSN 0130–0075

ИНДЕКС 71009 (каталог «Роспечать»)

ИНДЕКС 39330 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201–7385. ISSN 0130–0075

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2020. № 2. 1–224.